

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАБАРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

А.М. ГОРОДИЛОВА

**ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ
ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII В.
КАК ИСТОЧНИК
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКОГРАФИИ**

ХАБАРОВСК

2003

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАБАРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л.М.ГОРОДИЛОВА

***ДЕЛОВАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ
ПРИЕЗДИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII В.
КАК ИСТОЧНИК
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ***

ХАБАРОВСК 2003

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2–2

Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета ГОУ ВПО ХГПУ

Городилова, Л.М. Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. как источник региональной исторической лексикографии. Монография / Л.М. Городилова. – Хабаровск: ГОУ ВПО ХГПУ, 2003. – 262 с.

В монографии описываются жанровые признаки памятников деловой письменности Приенисейской Сибири, раскрывается лексикографический потенциал конкретных жанров

Монография предназначена для исследователей истории русского языка – лексикологов и лексикографов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также для всех, кто интересуется старорусской региональной письменностью

Рецензенты:

доктор филол. наук О.В. Фельде,
доктор филол. наук И.Д. Чаплыгина,
кафедра русского языка Биробиджанского
педагогического института

Монография подготовлена
при финансовой поддержке МО РФ (грант № 680)

ISBN 5–87155–194–7

© Городилова Л.М.

© Хабаровский государственный педагогический
университет, 2003

скан ewgeniy-new

ВВЕДЕНИЕ

Региональная историческая лексикография как научное направление зародилась во второй половине XX в. в рамках исторической лексикографии, которая в свою очередь ведет начало от конца XIX – начала XX в. С момента возникновения исторической лексикографии в центре внимания исследователей стояли вопросы *о типе исторического словаря, способах лексикографического описания слова, о принципах построения словарной статьи*. Сложению жанра исторической лексикографии способствовали работы И.И.Срезневского, А.И.Соболевского, Б.А.Ларина, Л.В.Щербы, Г.А.Богатовой, Р.Р.Гельгардта, Ю.С.Сорокина и др.

Последние три десятилетия прошлого века оказались особенно важным периодом в развитии отечественной лексикографии и ознаменовались выходом в свет таких крупных лексикографических изданий, как Словарь русских народных говоров (с 1965 г.), Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд (с 1974 г.), Словарь русского языка XI–XVII вв. (с 1975 г.), Словарь русского языка XVIII века (с 1984 г.) Гістарычны слоўнік беларускай мовы, Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.

Важнейшие теоретические проблемы исторической лексикографии стали предметом обсуждения на Конференции по проблемам славянской исторической лексикологии и лексикографии, проведенной в Москве Институтом славяноведения и Институтом русского языка АН СССР в 1975 г. [Проблемы... 1975] и на Международном симпозиуме по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии, подготовленным сектором этимологии и сектором исторической лексикологии и лексикографии Института русского языка АН СССР в 1984 г. [Международный симпозиум 1984]. Если на конференции 1975 г. впервые было обращено внимание на создание *региональных словарей старорусской письменности* [Русинов 1975: 44–

47] и только начат разговор о проектировании различных типов исторических словарей, то в 1984 г. основное внимание было уделено разработке теоретических положений и расширению круга словарей исторического типа. Большой интерес вызвали формирующиеся региональные исторические и историко-диалектные словари, например, Псковский областной словарь с историческими данными. С этого момента значительно активизировались поиски места каждого из типов исторических словарей в системе словарей национального языка.

Особую актуальность в 70-е годы XX столетия приобрела историко-лексикографическая разработка письменных памятников различной территориальной приуроченности. В настоящее время уже стал общепризнанным тот факт, что именно деловая письменность подтверждает общерусский или диалектный характер слова, уточняет территорию бытования лексемы, дает исследователям ценнейшие сведения о редких словах и отдельных значениях, не вошедших в известные крупные картотеки и исторические словари. Именно деловая письменность “позволяет определить диалектно-областные вклады в развитие национального литературного языка” [Борисова 1987: 58].

Особенно важен исторический подход при описании русских говоров Сибири, прошедших сложный путь формирования и становления.

Современное состояние говоров Среднего Приобья, Кузбасса, Новосибирской области, южных и северных районов Красноярского края, Забайкалья лексикографически описано достаточно полно (см., например, работы О.И. Блиновой, В.В.Палагиной, С.В. Сыпченко, Н.А.Бобрякова, К.П. Михалап (Римашевской), В.И. Петроченко, Н.Т. Бухаревой, А.И. Федорова, а также работы исследователей, опубликованные в сборниках научных статей [Материалы и исследования... 1971; Лексические и грамматические проблемы... 1972; Проблемы лексикологии... 1975; Вопросы языкознания... 1977; Сибирские русские говоры 1984; Русские говоры Сибири... 1993 и др.]). В Институте истории, философии и филологии СО РАН (Новосибирск) создана сводная картотека сибирской диалектной лексики XIX– начала XX вв.

Однако исследование говоров Сибири в историческом аспекте существенно отстает от изучения их современного состояния. Одной из причин отставания является труднодоступность памятников деловой письменности, отражающих начальный этап образования постоянного населения и формирования говора: как правило, материалы

XVII в. хранятся в центральных архивах Москвы и Санкт-Петербурга, местные (сибирские) архивы подобными документами в своем большинстве не располагают. Другой причиной, сдерживающей реконструкцию исходного состояния сибирских говоров, является отсутствие опубликованных текстов, пригодных для всестороннего лингвистического исследования. Отдельные публикации, осуществленные историками, представляют собой лишь ничтожно малую часть богатейшего письменного наследия. Многие опубликованные памятники оказались в числе библиографических редкостей и часто непригодны для лингвистического исследования ввиду упрощения текста при подготовке к изданию, что обусловлено разными задачами, стоящими перед историками и лингвистами.

Изучение локально приуроченных памятников делового содержания имеет свои традиции. Так, сибирские исследователи рассматривают деловую письменность в тесной связи с историей культурно-экономического освоения различных зон обширной территории Сибири и процессом формирования постоянного населения. Следует заметить, что деловая письменность начального периода освоения Сибири лингвистически разработана неравномерно: несколько полнее описаны материалы Западной Сибири. Например, исследование томских памятников в различных аспектах содержится в работах В.В.Палагиной [Палагина 1965; она же 1975; она же 1979], С.Э.Мазо [Мазо 1968; она же 1970], Н.Ю.Потехиной [Потехина 1977; она же 1981; она же 1982]. Язык деловых памятников Кетского острога описан Л.А.Захаровой [Захарова 1972; она же 1983; она же 1990]. Г.М.Чигрик опубликовала материалы для исторического словаря кузнецких говоров [Чигрик 1977-а; она же 1977-б]. Лексика деловой письменности Тобольска, Тюмени, Верхотурья, Сургута, Пелыма и других населенных пунктов Западной Сибири проанализирована Л.Г.Паниным [Панин 1985; он же 1991]. Кафедрой русского языка Томского университета в 2001 г. издан Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII вв. [см. также: Захарова 1997].

Менее детально разработаны письменные памятники, созданные на территории Приенисейской Сибири (Мангазейский, Туруханский, Маковский, Енисейский, Красноярский и др. остроги), которые использовались в качестве основных источников для изучения истории русских говоров. Разноаспектное исследование памятников указанного региона представлено в работах Н.А.Цомакион [Цомакион 1966;

она же 1971], Н.Е.Поповой [Попова 1963; она же 1978; она же 1981; она же 1984], Г.А.Якубайлик [Якубайлик 1990; она же 1993], Л.М.Городиловой [Городилова 1994; она же 1997; она же 1998-6 и др.].

Территория Прибайкалья и Забайкалья (Илимский, Якутский, Олекминский, Вилюйский, Верхоленский, Верхне-Удинский, Баргузинский, Нерчинский, Иркутский, Селенгинский и др. остроги) в научной литературе представлена незначительно [Христосенко, Любимова 1997].

Назрела острая необходимость систематизировать накопленные историками языка и диалектологами сведения *по всей территории* Сибири, исследовать новые территории как недостающие звенья в общей картине лингвистического описания края.

Выявление и описание памятников, созданных в острогах бассейна Енисея и Лены, следует считать первоочередной задачей в историческом исследовании русских говоров Сибири. Решение данной задачи позволит, во-первых, получить наиболее полное и системное представление о характере делопроизводства *на всей территории Сибири* в период ее активного освоения, во-вторых, определить *региональные особенности* деловой письменности, обусловленные историей заселения и спецификой формирования постоянного населения и, наконец, реконструировать *исходное состояние* русских говоров вторичного образования.

Обзор исследовательской работы сибирских ученых показал, что, несмотря на заметно оживившееся изучение письменных памятников прошлых эпох, многие вопросы исторической лексикологии, региональной исторической лексикографии и сибирской исторической диалектологии все еще остаются слабо изученными и нуждаются в дальнейшей научной разработке.

Между тем памятники, созданные на территории Сибири в эпоху ее активного освоения, могут стать неоценимым *источником реконструкции говоров первопоселенцев*, представить своеобразие отдельных регионов Зауралья.

Особенно перспективно сопоставление сведений, извлеченных из рукописных памятников, с данными современных говоров той же территории. Такое сравнение позволяет определить происхождение характерных черт говора, установить пути формирования лексико-семантической системы. Как отмечает В.И.Хитрова, “привлечение для

диалектологических исследований показаний локальных памятников старинной письменности позволяет установить движение и изменение лексических и лексико-семантических изоглосс в диалектном континуме, по-новому рассмотреть те соотносительные лексические элементы, по которым обычно проводится противопоставление севернорусского и южнорусского наречий” [Хитрова 1987: 17]. Сравнение данных сибирских памятников с современным диалектным материалом дает возможность проследить поэтапное изменение семантической структуры диалектного слова, определить пути развития семантики того или иного локализма, восстановить утраченные значения.

Лексикографическая разработка региональных памятников письменности позволяет ввести в научный оборот целые пласты лексики, показать особенности семантики локально окрашенных слов, условия функционирования в диалектной речи. Исследование региональных памятников различных хронологических срезов непременно приводит к увеличению сведений о развитии словарного состава русских народных говоров, способствует уточнению границ распространения диалектных слов, дает возможность проследить пути проникновения локально окрашенного слова в литературный язык, представляет новую информацию о материальной и духовной культуре русского населения, о контактах с аборигенами края.

Обращение исследователей к локально ограниченным рукописным источникам привело к зарождению нового лингвистического направления — региональной исторической лексикографии, имеющей свои общефилологические и специфические задачи [Богатова, Дерягин, Романова 1982: 37]. Региональная историческая лексикография стала ценным источником, прежде всего, для лексикологических исследований как частного, так и общего характера, ибо без тщательного изучения региональной деловой письменности оказалось невозможным “объективно определить роль того или иного диалекта в становлении словарного состава русского национального литературного языка” [Борисова 1987: 59]. Можно сказать, что региональная историческая лексикография родилась из нужд исторической лексикологии и исторической диалектологии, немаловажное значение при этом имело и лингвистическое источниковедение.

Активизация лексикографической разработки локальных памятников деловой письменности привела к появлению значительного числа публикаций различных *Материалов к историческим словарям*,

среди которых можно назвать Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в. [Полякова 1972], Материалы для исторического словаря томского говора [Палагина 1975: 46–51; она же 1977: 82–94], кузнецких [Чигрик 1977-6: 95–103], среднеобских [Потехина 1977: 33–37; она же 1981: 51–56], прикетских [Захарова 1983: 48–57] нерчинских [Христосенко 1990: 130–137] говоров XVII–XVIII вв.; воронежской [Хитрова 1981: 56–65], сибирской [Попова 1978: 115–130; она же 1981: 81–90; она же 1984: 87–99], нерчинской [Христосенко, Любимова 1997–1998] деловой письменности XVII–XVIII вв. и др. Появились и отдельные словари, например: Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. [Цомакион 1971], Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII вв. [Панин 1991], Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв. [Полякова 1993–1996], Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) [Дьякова, Хитрова 1982].

Проблематика издающихся региональных исторических словарей и проектов нашла отражение в обобщающих сборниках “Проблемы исторической лексикографии” (1977 г.) [Проблемы... 1975] и “Теория и практика русской исторической лексикографии” (1984 г.) [Теория... 1984]. В сборниках представлена попытка авторов решить многие спорные и сложные вопросы региональной лексикографии, такие как типология региональных исторических словарей, способы подачи в исторических словарях отдельных лексико-грамматических разрядов слов, особенности построения словарной статьи в словарях разных типов, представлен опыт работы над Словарем русского языка XI–XVII вв.

Укреплению научных позиций региональной исторической лексикографии, развивающейся в тесном контакте с региональной исторической лексикологией, способствовала проведенная в Красноярске Всероссийская научная конференция “Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы” (23–25 ноября 1993 г.) [Русская историческая... 1993].

Важным этапом в развитии региональной исторической лексикографии как самостоятельного направления следует считать проведение Первого международного съезда русистов 1–4 октября 1997 г. в Красноярске. В работе съезда приняли участие лексикографы-историки, которые обменялись опытом разработки региональных ис-

торических словарей, наметили пути дальнейшего развития этого направления [Христосенко, Любимова 1997: 182–184; Захарова 1997: 185–187].

Своеобразие региональной исторической лексикографии как самостоятельного направления в рамках исторической лексикографии состоит в том, что она объединяет исследования, как правило, трех планов: историко-лексикологические, лингвогеографические, диалектологические. Кроме того, развитие региональной исторической лексикографии невозможно без изучения материальной и духовной культуры населения заданного региона на определенном этапе развития общества. В условиях усиления внимания лингвистов к проблеме картины мира носителей различных языков перечисленные проблемы приобретают особую актуальность.

Центральным вопросом региональной исторической лексикографии является “теоретическое определение самого понятия *регионального явления* в лексике применительно к истории словарного состава языка” [Богатова, Дерягин, Романова 1982: 37]. Недостаточная разработанность указанной проблемы затрудняет выделение регионализмов и локализмов в общефилологическом словаре и тем самым сказывается на полноте исторического словаря и на состоянии развития исторической лексикографии в целом.

На первый план в лексикографической работе выдвигается проблема полноты словника и “отражение в словарной статье региональных моментов в истории слова” [Богатова, Дерягин, Романова 1982: 32]. Наибольших успехов в разработке локально окрашенной лексики добились ученые Томского университета, разработав критерии разграничения диалектизмов и регионализмов в западносибирской деловой письменности XVII в. [Палагина 1976: 68 – 74; Захарова 1990: 94–102; она же 1993: 158–165].

Не менее важным является и вопрос о *типе регионального исторического словаря*. В лексикографической практике составления словарей по данным местной деловой письменности предпочтение отдается *выборочному* подходу к описываемому материалу. Чаще всего создаются словари одной тематической группы слов [Старикова 1993: 165–169]. Иногда предлагается включить в словарь лексику, не зафиксированную словарями современного русского языка (или имеющую ограничительные пометы), но отмеченную диалектными словарями [Захарова 1984: 153–161; Чигрик 1977-б: 95–103]. Иными

словами, в любом случае осуществляется составление словарей *дифференциального* типа. При этом большинство опубликованных и разрабатываемых коллективных и индивидуально-авторских проектов, построенных на материале письменных памятников местного делопроизводства, ориентировано на дифференциальный тип словаря: Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. (руководитель В.В.Палагина); Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. (руководитель Ю.И.Чайкина), Толковый словарь тематической группы “Промышленник” русского языка конца XVI–XVII вв. (автор Г.Н. Старикова); Словарь торговой лексики по таможенным документам XVIII века (автор И.А.Малышева). Подобные словари, безусловно, нужны. Однако *региональный* исторический словарь, на наш взгляд, должен быть, прежде всего, *полным* (насколько это позволяют сделать письменные источники), так как только полный словарь способен наиболее точно отразить лексическую *систему* говора в момент его сложения. Только полный словарь позволяет определить *реальное употребление слова* в его связях с другими словами, показывает процессы, происходившие в говоре на ранних этапах его развития. Без учета *всего словарного состава* письменных памятников невозможно выделить локально окрашенную лексику. Не случайно многие лингвисты отмечают трудность разграничения общерусской и диалектной лексики для периода формирования национального языка. Ссылки в этом случае на диалектные словари более позднего периода и современные не всегда убедительны.

На целесообразность разработки регионального исторического словаря именно полного типа указывает и Е.Н.Полякова, полагая, что дифференциальные словари малопригодны для всестороннего использования филологами, историками, этнографами и другими специалистами [Полякова 1998: 95].

Разработка полного регионального исторического словаря – процесс высокой трудоемкости и требует усилий достаточно большого коллектива исследователей.

Реконструкция исходного состояния вторичных говоров, выявление не зафиксированных историческими словарями слов, в том числе и регионально окрашенных, возможны лишь при исследовании большого массива разножанровых источников определенного региона. Первая трудность, с которой сталкиваются сибирские и дальневосточные исследователи – это отсутствие в местных архивах памятни-

ков относительно ранней поры, т.е. начального периода освоения русскими обширной зауральской территории. В лучшем случае это могут быть тексты XVIII в. Более ранние материалы сосредоточены в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, что делает их труднодоступными для широкого круга исследователей из-за географической удаленности. Указанная причина не способствует целенаправленному и систематическому изучению местных архивных материалов и побуждает к более активному выявлению и изданию наиболее ценных в лингвистическом отношении памятников для всестороннего исследования.

Затрудняет исследовательскую работу ничтожно малое количество опубликованных памятников, пригодных для лингвистического изучения.

Не способствует работе лексикографов разобщенность исследовательского коллектива (в состав рабочей группы, как правило, входят сотрудники кафедр различных вузов Сибири и Дальнего Востока) и рассредоточенность материалов исторической картотеки по разным городам.

Другая трудность – обилие разных в тематическом плане источников, в связи с чем остро встает *проблема отбора* источников, обусловленного целями и задачами разрабатываемого словаря.

Жанр документа, его лексическое наполнение, возможность отражения элементов разговорной и диалектной речи обусловлены *целью, формой, способом и местом создания*.

Обработка памятников деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. показала, что в жанровом отношении, а также по объему и лексическому составу существенно отличаются документы, созданные в *таможенных и съезжих (приказных)* избах, что обусловлено *различными функциями* этих учреждений. Отмеченное разграничение, на наш взгляд, требует *раздельного* исследования и описания материалов воеводского и таможенного делопроизводства.

Специфическим источником регионального исторического словаря может стать извлеченный из памятников письменности ономастический и топонимический материал, который чаще всего используется для создания специальных словарей или справочников. Что же касается словарей полного типа, то вопрос о включении в его состав омонимов, топонимов и этнонимов решается по-разному, а потому сохраняет свою актуальность. Так, разрабатываемый Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII в. предполагает включение топонимов и этно-

нимов (и производные от них) в полном объеме, поскольку они подтверждают локальную приуроченность текстов и позволяют воссоздать культурно-исторический фон развития русских говоров первопоселенцев Сибири в окружении аборигенов края: *Енисейск, Красный Яр, Туруханск, Большая Елань, Маклакова заимка, Овсяная Шивера; реки Енисей, Белая, Кас, Кача, Лена, Сым, Тунгуска (Верхняя, Нижняя, Подкаменная), Таз, Упса; озера Байкал, Иргень, Долгое, Маленькое; енисейский, байкаловский, качинский, маклаковский, тазовский, тунгуцик, сибиретин; васаны, братья, маты, тынгусы* и др. Широкий показ местных топонимов, гидронимов, этнонимов – важная отличительная черта регионального исторического словаря.

Специфика жанра региональной исторической лексикографии (как, впрочем, исторической лексикографии вообще) определяется тем, что базовым материалом исследования является *письменная форма языка*. Письменность прошлых эпох в отличие от современного русского языка дает большое количество вариантных написаний слова, что актуализирует проблему формирования заголовочной строки и отбора заголовочного слова для построения словарной статьи (например: *кызылбашский, кызылбашский, козылбашский, кызылбашкий, кызылбушский* – ‘персидский’ от *кызылбашь* – ‘красноголовый’: старинное прозвище персов). В основу отбора может быть положен *принцип частотности употребления слова* в текстах конкретного хронологического среза, *ориентация на исконную* (этимологическую) или *перспективную* форму, утвердившуюся в современном русском языке. Опубликованные *Материалы к словарю...* демонстрируют разнообразие подходов в решении указанной проблемы, хотя в большинстве случаев в качестве заголовочного слова все-таки предлагается перспективная форма (например: АТАМАН при написаниях *атоман, отоман*).

К нерешенным проблемам региональной исторической лексикографии можно отнести и вопрос *о подаче омонимов* в словаре и *способах отграничения их от полисемов*, что в большей степени связано с исследованиями в области исторической лексикологии.

По-разному в лексикографических работах решается вопрос об объеме, содержании и графическом оформлении иллюстративной части словарной статьи.

Перечисленные вопросы отражают лишь малую часть тех проблем, которые встают перед исследователями при лексикографическом описании местных памятников.

Родившаяся относительно недавно, региональная историческая лексикография пока не располагает теоретическими трудами обобщающего характера. Одной из первых попыток теоретического осмысления основных положений и понятий региональной исторической лексикографии можно считать работу Е.Н.Поляковой “Русская региональная историческая лексикография (По материалам пермских памятников XVII–нач. XVIII в.)” [Полякова 1990] и отдельные наши публикации [Городилова 1997: 189–191; она же 1998: 134–140; она же 2000-б: 308–311; она же 2000-в]. В то же время количество теоретических публикаций и выпущенных словарных материалов уже позволяет говорить о том, что региональная историческая лексикография как особое направление в рамках исторической лексикографии заняла достойное место в цикле исторических наук. Очевидным стал и тот факт, что без создания региональных исторических словарей невозможно представить историю образования современных диалектных лексических систем. Разработка региональных исторических словарей разного типа “поставит на более прочную основу как описательную региональную лексикологию, так и лексикологию русского языка в целом” [Борисова 1987: 58], позволит выявить источники, особенно ценные в культурно-историческом и лингвистическом отношении.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется прежде всего необходимостью историко-лексикографической и историко-лексикологической разработки материалов сибирской деловой письменности, изученность которых на сегодняшний день явно недостаточна, для воссоздания максимально полной картины формирования региональных языков и описания регионального компонента на фоне общерусского начала. Расширение базы исследования текстового материала прошлых эпох, введение в научный оборот новых памятников, пригодных для лексикографической разработки, является неотъемлемой частью реконструкции исходного состояния русских говоров Сибири, вторичных по образованию.

Объектом исследования служат рукописные памятники деловой письменности разных жанров и отдельные тексты, опубликованные историками. С целью выявления материалов, созданных в делопроиз-

водственных учреждениях Приенисейской Сибири, были обследованы фонды центральных и периферийных архивов: Российского государственного архива древних актов (ф. 214 – Сибирский приказ, ф. 838 – Енисейская приказная изба, ф. 281 – Грамоты Коллегии экономии), Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (ф. 110 – Пуездная коллекция), Государственного архива Красноярского края (ф. 907 – Енисейская нижняя расправа). Анализу подвергнуты документы съезжих (приказных) и таможенных изб Приенисейской Сибири XVII в.: Енисейского, Мангазейского, Туруханского, Тазовского, Красноярского, Маковского и других острогов.

Материалом для лингвистического исследования послужили неисследованные рукописные источники (386 ед.), а также малоизученные и труднодоступные памятники, опубликованные историками в XIX – первой половине XX вв. (37 ед.).

Теоретическое осмысление богатейших региональных материалов деловой письменности позволяет в ряде случаев по-новому освещать вопросы, связанные не только с частной проблемой складывания говоров вторичного образования, но и с общей проблемой формирования литературного языка в преднациональный период.

Предлагаемое описание памятников деловой письменности Приенисейской Сибири представляет собой попытку вскрыть лексикографические возможности текстов разных жанров для разработки определенных типов региональных словарей (топонимических, антропонимических, терминологических, этнографических др.) и может послужить ориентиром для исследователей при подборе заданных источников для целенаправленного лингвистического исследования.

Глава I. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII В.

1.1 Комплектование штатов делопроизводственных учреждений

Организации приказного и таможенного делопроизводства в периферийных областях Русского государства, каковой являлась Сибирь в XVII в., до настоящего времени не была предметом специального исследования лингвистов, хотя деятельность подъячих в местных учреждениях европейской части страны достаточно подробно описана в трудах Г.А.Хабургаева [Хабургаев 1969], А.Н.Качалкина [Качалкин 1988] и др. Между тем сведения о сибирских составителях документов, писцах и их орфографической выучке являются одной из важных составляющих лингвистического исследования письменных источников, поскольку “без этого невозможно правильно оценить информационную способность используемых документов для исторической диалектологии, если учитывать неодинаковое отношение разных писцов к орфографическим традициям” [Хабургаев 1969: 116].

Впервые деятельность приказного аппарата Сибири допетровской эпохи привлекла внимание историков еще в XIX в. [Чичерин 1856; Оглоблин 1895; он же 1897] и получила продолжение в XX в. в исследованиях Н.Ф.Демидовой [Демидова Н. 1987], Г.А.Леонтьевой [Леонтьева 1986] и др.

К моменту вхождения Сибири в состав русского государства, в нем уже сложился аппарат административно-хозяйственного управления, обладавший профессиональными штатами и достаточно четко оформленной системой составления документации, поэтому перед государственными учреждениями, “ведавшими” Сибирь, стояла задача “перенесения практики воеводского управления и приемов делопроизводства на новую территорию, закрепления и развития их там с учетом как общепринятого в стране порядка, так и местных особенностей края” [Леонтьева 1986: 3]. Особая роль при этом отводилась высшей сибирской администрации – дьякам и подъячим с “приписью”, которые, как правило, присылались в Сибирь из европейской части страны.

Высокий профессионализм сибирских подъячих поддерживался практикой назначения дьяками и подъячими с приписью в разрядных делопроизводственных учреждениях лиц, служивших до отправки в

Сибирь в этой же должности в Сибирском (до 1637 г. Казанском) приказе. Так, в течение XVII в. из названного приказа получили назначение в Тобольск 8 дьяков: Н.Федоров (1608–1613 гг.), И.Шевырев (1620–1623 гг.), Г.Протопопов (1635–1640 гг.), И.Переносов (1643–1646 гг.), Т.Васильев (1648–1649 гг.), С.Румянцев (1659–1664 гг.), П.Оловянников (1674–1675 гг.), А.Парфенов (1683–1685 гг.) [Богоявленский 1946: 59–61, 159–162; Веселовский 1975: 86, 87, 404–405, 435 и др.]. В 1626 г. в енисейскую приказную избу был направлен подьячий с приписью Казанского дворца Обрам Елисеев [РГАДА, ф. 214, ст. 6, лл. 42, 48]. Являясь крупными специалистами по Сибири, хорошо зная центральное и местное делопроизводство, они вместе с другими присланными дьяками и подьячими отлаживали сибирскую систему делопроизводства, передавали опыт местным подьяческим шта-там.

К 30-м годам XVII в. состав приказного аппарата Сибири был в основном сформирован, однако он был малочисленным и не мог удовлетворить потребности местной администрации в квалифицированных кадрах, о чем свидетельствуют отписки сибирских воевод [Оглоблин 1894, октябрь: 132–133]. В 1639 г. Сибирский приказ был вынужден признать, что в городах Тобольского и Томского разрядов, куда входили населенные пункты Приенисейской Сибири, “перед прежним гедрвых дел прибыло, а подьячих мало и впред без прибылых подьячих <...> быть не умѣм”¹ [РГАДА, ф. 214, ст. 83, л. 31 об., 38 об.]. Еще острее, чем в приказных учреждениях Западной Сибири, ощущался недостаток подьячих для приказных изб в острогах активно осваиваемой восточной части Сибири.

Штаты периферийных приказных изб формировались не только за счет присылаемых из Москвы подьячих разных приказов, но и за счет отстраненных по разным причинам от дела ссыльных московских подьячих. Так, в 1656 г., вопреки требованиям Москвы, красноярский воевода самовольно зачислил в приказную избу бывшего подьячего Посольского приказа Василия Еремеева, отставленного “за вину” от подьяческой службы и сосланного на службу “в сибирские казаки” [РГАДА, ф. 214, кн. 438, л. 99].

В 1689 г. в штаты красноярской приказной избы был зачислен и бывший московский подьячий Семен Надеин, сосланный в Сибирь

¹ Здесь и далее при цитировании текст передается с сохранением всех форм записи оригинала, выносные буквы включаются в строку и выделяются курсивом.

на казачью службу. Боясь наказания за нарушение предписания, С.Надеин писал в своей челобитной, что его “имали из казачей службы для письма в неволю” (Бахрушин 1959, IV: 167).

Воеводы, дьяки и подьячие “с приписью”, письменные и таможенные головы посылались в Сибирь из Москвы и других крупных городов европейской части России первоначально на два года, а с 1635 г. – на три и более. Как правило, смена воевод и их “товарищей” проводилась одновременно во всех разрядных учреждениях, за исключением отдельных случаев, связанных либо со смертью, либо со злоупотреблением воевод. Служба в Сибири давала приезжим перспективу получения более высокого служебного статуса, а также материальное благополучие, что способствовало привлечению в штаты местных приказных изб и таможен квалифицированных исполнителей. Так, подьячий Новой чети Степан Угоцкой в 1625 г. был произведен в дьяки и сразу же отправлен на службу в Сибирь (Тобольск, Енисейск), где пробыл до 1627 г. “Справный” подьячий Разрядного приказа Пятой Спиридонов после получения дьяческого чина был направлен в Мангазею, где прослужил до 1640 г. [Веселовский 1975: 487–488, 530, 531].

Количество подьячих в приказных и таможенных избах в разные годы было нестабильным, при этом штаты приказных изб всегда были больше, чем таможенных. Например, в енисейской крестоприводной книге 1676 г. указаны имена десяти подьячих съезжей избы (Иван Пузанин, Петр Полев, Артемий Дмитриев, Василий Дмитриев, Микита Гусев, Микита Хохряков, Данило Игумнов, Алексей Часовщиков, Борис Иванов, Александр Ростовщиков) и всего двоих – таможенной (Иван Мургин, Митрофан Ананьин); в красноярской переписной книге 1672 г. отмечены подьячие съезжей избы Михайло Семенов, Борис Ульянов, Семен Яковлев и “ссылной подьячей Посольского приказу Василей Еремеев”, таможенные подьячие не упоминаются, хотя в перепись вошли, помимо служилых людей, кузнецы, попы, толмачи, острожный воротник, съезжей избы сторож, тюремный сторож и даже палач.

По памятникам деловой письменности можно проследить зависимость штатного состава от масштабов административного учреждения: в разрядной приказной палате количество подьячих всегда было больше, чем в уездной приказной избе. Примером тому может служить томская приказная изба, где до 1641 г. одновременно служили 8

подьячих [РГАДА, ф. 214, ст. 259, л. 14]. В небольших городах и острогах (Мангазея, Туруханск, Красноярск и др.) для выполнения делопроизводственных поручений, как свидетельствуют документы, достаточно было двух-трех человек. Однако в отдельные годы подьячих в острогах оставалось так мало, что срывались “государевы дела”. Это подтверждается отпиской томского воеводы Вельяминова красноярскому воеводе Сумарокову (1669 г.): “подьячих въ Енисейскомъ мало *пишут* некому и многим великого гсдря делам за *отпуском* и за *малолюдством* подьячих чинится *молчане*” [РГАДА, ф. 214, ст. 193, л. 41]. Даже крупные приказные избы могли испытывать потребность в кадрах, как это случилось в упомянутой томской приказной избе: из восьми прежних подьячих к 1645 г. осталось всего 4 работника, так как двое подьячих (Федор Редров, Андрей Глазунов) в 1641 г. вышли в отставку, а двое (Герасим Тимофеев, Иван Алексеев) – умерли. Оставшиеся 4 человека к тому же были “худы” и не могли обеспечить качественное и своевременное оформление всех документов, поскольку “дел умножело” [РГАДА, ф. 214, ст. 259, л. 14]. Именно в таких случаях нередко наблюдается привлечение в штат подьячих грамотных служилых людей из числа пеших и конных казаков, хотя Сибирский приказ предпочитал перераспределение подьяческих кадров между приказными избами, переводя подьячих из одних городов в другие. Имеются примеры, когда сами воеводы “перехватывали” подьячих, направлявшихся к месту назначения. Например, подьячий П.Шапкин по пути из Тобольска в Нерчинск был задержан енисейским воеводой и оставлен в енисейской приказной избе [РГАДА, ф. 214, кн. 1589, л. 160].

Если воеводы, дьяки и подьячие с приписью представляли собой преимущественно “присыльный” контингент, то рядовой подьяческий штат приказных изб и таможен формировался из числа местных жителей. Именно рядовые подьячие “составляли, писали под диктовку, копировали основную массу различного рода бумаг, идущих через эти учреждения” [Качалкин 1988, I: 39–45; Хабургаев 1969: 110–114].

Как отмечает Г.А.Леонтьева, передача делопроизводственного опыта подьячим приказных изб “с самого начала носила практический характер и осуществлялась на базе текущего делопроизводства. Дьяки или подьячие “с приписью” давали подьячим задания по составлению тех или иных бумаг, затем тщательно их просматривали, “чернили”,

заставляли их вновь переделывать, переписывать набело, сверять бেলовик и черновик. В процессе работы заучивались наизусть формуляры документов и их структурное оформление. В съезжих (приказных) избах, где не было дьяков и подъячих с приписью, воеводы должны были либо сами достаточно хорошо разбираться в делопроизводстве, поскольку именно они несли за него ответственность, либо проявлять изворотливость и вовремя обзаводиться “пристойными” подъячими” [Леонтьева 1986: 10].

В процессе оформления делопроизводственных материалов в административно-хозяйственных учреждениях накапливались многочисленные копии различных документов, которые становились образцами для последующего создания текстов. Складывающаяся преемственность в делопроизводстве способствовала формированию устойчивости формуляров и структуры документов разных типов, сохранению единообразного исполнения в течение длительного периода. Необходимость ориентироваться на образцы предшественников активно поддерживалась и московскими приказами.

Преемственности делопроизводственных традиций способствовал длительный срок работы составителей и исполнителей документов в таможенной или съезжей избе. Так, четырнадцать лет (1634–1648 гг.) вели дела в енисейской таможенной избе подъячий Васька Бубенный и дьячок Нехорошко Левонтьев, который с 1648 г. переведен в подьячие; двадцать один год служил подъячим в мангазейской избе Митька Акимов; в течение двадцати пяти лет (1661–1686 гг.) в документах наблюдается “справа” Микитки Гусева; двадцать шесть лет (1641–1667 гг.) оформлял документы подъячий Василий Григорьев Шпилькин; тридцать восемь лет (1650–1688 гг.) проработал подъячим в таможенной, а затем в съезжей избе Иван Федосеев сын Пузанин (умер в 1688 г. старцем), отец которого, Федосей Ермолин, служил в подъячих в Березове, Мангазее и Енисейске больше 20 лет; срок два года (1645–1687 гг.) трудился подъячим в енисейской приказной избе Алешка Часовщиков. Длительный (более 40 лет) срок работы не только способствовал формированию традиций в ведении документов, но и обеспечивал определенный порядок в делопроизводстве, который иногда нарушался из-за неопытности или недобросовестности исполнителей [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 52–57]. Прямых сведений о происхождении писцов документы не дают, однако на основании данных, полученных в результате исследования большого

массива документов, полагаем, что на столь длительный срок в провинциальной канцелярии могли задерживаться лишь люди местные [Елизаровский 1958: 14–15; Хабургаев 1969: 116].

Развитию преемственности в оформлении документации способствовало также зачисление на подьяческую службу близких и дальних родственников, о чем свидетельствуют челобитные, именные книги раздаточного жалованья и др. тексты.

Начало формирования сибирских подьяческих династий относится к 30-м годам XVII в. и шире представлено в Тобольске (Лосевы, Плутовы, Романовы, Сумароцкие, Шишкины) и Верхотурье (Игнатьевы, Бабайловы, Михайловы, Шиловы и др.) [Леонтьева 1986: 12]. В то же время, по наблюдению Леонтьевой, “процесс превращения подьяческой службы в потомственную” [там же] в Тюмени, Таре, Пелыме протекал медленно, а в Туринске, Березове и Сургуте вовсе не отмечен. Памятники деловой письменности Приенисейской Сибири не позволяют на данном этапе исследования достоверно осветить проблему формирования подьяческих династий. Мы располагаем лишь разрозненными фактами о том, например, что после смерти подьячего ясачного стола мангазейской приказной избы Петра Шутова (1703 г.) к делопроизводственной деятельности был привлечен его сын – Иван Шутов, бывший церковный дьячок [РГАДА, ф. 214, кн. 1422, л. 168 об.]. В 1650 г. по распоряжению Сибирского приказа назначен подьячим в таможенную избу Енисейска Иван Федосеев сын Пузанин, который в течение предшествующих десяти лет “служил казачью службу” [РГАДА, ф. 214, ст. 344, л. 641]. Назначение обусловлено, вероятнее всего, тем, что его отец, Федосей, к тому времени уже более двадцати лет служил подьячим в съезжей избе. Можно также полагать, что в родственных отношениях состояли Нехорошко Левонтьев, таможенный дьячок (1634–1648 гг.), переведенный в 1648 г. в таможенное подьячие, и Харка Левонтьев, церковный дьячок (1637 г.); подьячий Савко Клепиков (1626 г.) и подьячий Федор Клепиков (1686–1687 гг.); подьячие Филька Михайлов (1650 г.), Ивашко Михайлов (1700 г.) и Алешка Михайлов (1700 г.) и др. Многократно повторяющиеся одинаковые фамилии принадлежали жителям, возможно, состоявшим в ближнем или дальнем родстве, хотя не исключено и случайное совпадение: Бобровской Леонтий (1647 г.), Бобровской Мишка (1688 г.), Бобровской Ивашко Петров сын (1690 г.); Дмитриев Роман, подьячий енисейской съезжей избы (1637 г.), Дмитриев Петрушка, мангазей-

ский таможенный подьячий (1638–1639 гг.), Дмитриев Васька, подьячий енисейской приказной избы (1659 г.); Кожевников Илишка (1633 г.) и Кожевников Михайло, площадный подьячий, а позже – служилый человек (1633–1650 гг.); подьячие съезжей избы Перфирьев Максимка (1624–1626 гг.) и Перфирьев Васька (до 1665 г.); Попов Максим, енисейский казачий десятник (1632–1633 гг.), Попов Артюшка, енисейский подьячий со “справою” (1669 г.), Попов Матфей, енисейский таможенный и заставный голова (1688–1690 гг.); красноярцы Кириллов Васька (1689 г.), Кириллов Савка (1690 г.) и Семенов Ивашка (1686 г.), Семенов Михайло (1700 г.); енисейский церковный дьячок Яковлев Гришка (1637 г.) и красноярские подьячие со “справою” Яковлев Семейка (1670 г.) и Яковлев Севка (1678 г.) и др. Формирование подьяческих династий в городах Приенисейской Сибири нельзя считать изученным, а потому этот вопрос требует дальнейшего специального исследования.

Основными составителями делопроизводственной документации в таможах, как и в приказных избах, были дьячки и подьячие, которые выполняли письменную работу под надзором таможенных голов. В случае большого объема письменных работ или для “поспешенья” переписки книг подьячие могли привлекать к делопроизводству грамотных людей из местных жителей [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 50–51].

Пополнение штатов приенисейских приказных и таможенных изб происходило за счет различных социальных слоев русского населения, однако следует помнить, что посадская прослойка в структуре сибирских городов была незначительна, а потому в качестве первоисточника формирования делопроизводственных кадров являлись пешие и конные казаки, “игравшие в Сибири несравненно большую роль, чем в городах европейской части страны” [Демидова 1987: 73]. Исследуя служилую бюрократию в России XVII в., Н.Ф.Демидова отмечает, что “основным источником, из которого выходили подьячие сибирских приказных изб, были местные служилые люди, в меньшей степени служилые люди по отчеству в лице детей боярских, в большей – приборные группы, главным образом казаки” [Демидова 1987: 73]. Так, уже упоминавшиеся подьячие Васька Бубенный и Иван Пузанин до работы в таможенной избе были служилыми казаками; из служилых перешел в подьячие Ивашко Никитин; в числе енисейских подьячих в 1685 г. состоял бывший казачий десят-

ник Семейка Васильев. Площадным письмом в Енисейске (1637 г.) промышлял березовской присылки казак Григорий Кожевников, который после 1650 г. вновь перешел в казачью службу. До занятия письменным делом в енисейской земской избе был казаком и Любим Черепанов (1704 г.). За выполняемую работу сибирские подьячие, как и служилые люди, получали денежное, хлебное и соляное жалованье, размер которого в разные годы колебался. Привлечение к делопроизводственной деятельности чаще всего служилых казаков подтверждается письменными материалами и по другим регионам Сибири [Леонтьева 1986: 7].

Кроме служилых к выполнению письменных работ могли привлекаться “гулящие люди” [Оглоблин 1894, сентябрь: 150], а также “площадные пищики”, чей профессиональный уровень в середине XVII в., по замечанию самих воевод, был довольно низким: они “писат не умѣют и для <...> гсдрвых дел посылать их нельзя потому что им такие дела не за обычаи” [РГАДА, ф. 214, ст. 88, лл. 476].

Некоторая часть подьячих формировалась из грамотных “промышленных людей”, которые, как правило, первоначально попадали в таможенные избы, а затем и в съезжие (приказные). Исключением оказался Клим Савельев Федеряшев, который сразу был “взят за малолюдством ис промышленных людей на выбылое место в соляной стол” енисейской съезжей избы [РГАДА, ф. 214, кн. 527, л. 293 об.].

Таким образом, специфика социального состава сибирских поселений, выразившаяся в преобладании служилого казачества, нашла отражение и в формировании штатов делопроизводственных учреждений. В связи с этим считаем вполне справедливым наблюдение историка Н.Ф.Демидовой о том, что, “несмотря на отдельные пестрые вкрапления, социальная среда, питавшая подьяческие кадры Сибири, была в основной своей части однородна. На ее базе постепенно складывались подьяческие семьи, выходцы из которых почти полностью обеспечивали ведение приказных дел в своих городах” [Демидова 1987: 74].

Со второй четверти XVII в. поставщиком обученных кадров в делопроизводственные учреждения разных сибирских городов становится Тобольский разряд с хорошо развитой системой подготовки подьяческих штатов: среди первых подьячих енисейской приказной избы в 1626 г. значится Г.Ерофеев, переведенный из Тобольска по личной просьбе [РГАДА, ф. 214, ст. 12, лл. 16–17].

Широко практикуется в это время и перевод подьячих из одной приказной избы в другую, штатный состав которой испытывал особую нужду в делопроизводителях, при этом перевод мог сопровождаться и повышением в должности. Так, из Томска в 1634 г. в съезжую и таможенную избы Енисейска прибыли подьячие Ондрей Самсонов и Федор Сидоров; подьячий с приписью Богдан Софонов до 1673 г. служил в приказной избе Верхотурья, в 1676–1680 гг. – в Туруханске, а в 1683 г. его уже дьячья “справа” обнаруживается в документах енисейской приказной избы; сосланный в Сибирь московский подьячий Семен Надеин с 1689 г. числится в штате красноярский приказной избы, а в 1704–1705 гг. подписывается уже в документах енисейской приказной избы как подьячий с “справою”; енисейский подьячий с приписью Алексей Пустобородов (1682–1698 гг.) в дальнейшем работал в Верхотурье; Василий Шпилькин, проработавший 26 лет (1641–1667 гг.) подьячим в енисейской приказной избе, получив должность дьяка, был переведен в Томск, где и умер глубоким старцем в 1671 г.

Перевод подьячих допускался не только из одной съезжей (приказной) избы в другую, но и из таможенной избы в приказную, как это можно наблюдать на примере Ивана Федосеева, проработавшего подьячим в таможенной (1650–1654 гг.), затем в съезжей (1654–1669 гг.) и опять в таможенной (1669–1688 гг.) избе в общей сложности тридцать восемь лет.

Перевод подьячих из крупных городов в отдаленные поселения не всегда способствовал усилению штатов “оскуделых” приказных или таможенных изб. Так, таможенные подьячие Митька Акимов и Матюшка Седельников, сидевшие в Мангазее и Туруханске с 1651 г., в 1669 г. были лишены денежного и хлебного жалованья, так как на их место и на их оклады из Тобольска были направлены новые приказные подьячие Гаврило Шешуков и Елизар Яковлев. Однако последние, не приступая к работе, “съехали в хлебные города видячи в Туруханском скудость” [РГАДА, ф. 214, ст. 635, л. 63].

Сложившаяся практика перевода подьячих из одной приказной или таможенной избы в другую как по личной инициативе, так и по административной необходимости способствовала, во-первых, снижению потребности в специалистах, присылаемых из европейской части страны, и, во-вторых, вырабатыванию *общих для всех сибирских делопроизводственных учреждений требований к оформлению доку-*

ментации, допускавших в то же время некоторые отступления от московских образцов.

Таким образом, недостаточная укомплектованность штатов приказных и таможенных изб в городах и острогах Приенисейской Сибири и все возрастающий объем административно-хозяйственной документации допускали привлечение к делопроизводству жителей, имевших некоторые, часто невысокие, навыки письменной работы. Подобная система формирования штатов позволяла нарушать общепринятые образцы ведения документации, что способствовало проникновению в стандартные тексты делового содержания элементов живой разговорной речи, как на лексическом, так и на фонетико-морфологическом уровне.

1.2 Профессиональная подготовка сибирских подьячих

Основная масса документов, создаваемая в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири, представляет собой комплекс памятников финансово-хозяйственного содержания. Достаточно большую часть составляет переписка местной администрации с московскими приказами и с другими учреждениями Сибири, а также донесения с мест, челобитные.

Финансово-административная отчетность строилась на различного рода справочных материалах, содержащих информацию о населении региона: именных книгах служилых, посадских, ясачных людей, списках пашенных крестьян, окладных книгах жалованья и т.п. Структура и формуляры большинства документов сложились уже к началу второй четверти XVII в. Именно к этому времени в Сибири “была окончательно внедрена практика составления дозорных и переписных книг, учета налогоплательщиков, определения норм налогового обложения, а, следовательно, и оформления соответствующей документации” [Леонтьева 1986: 14].

Оформление разнообразных документов требовало определенных профессиональных навыков, поэтому письменные работы распределялись по степени сложности между “молодыми” подьячими, более опытными подьячими “средней статьи” и “старыми” [Соловьев 1962: 79]. Квалификационное деление подьячих на три разряда (“статьи”) наблюдается почти во всех приказных учреждениях европейской части Московского государства, “причем принадлежность по-

дьячих к той или иной статье почти никогда не отмечалась в официальных подьяческих списках” [Демидова 1987: 159]. Не отмечается квалификационная принадлежность и в документах Приенисейской Сибири, однако *исходя из размера денежного жалования, зафиксированного в именных раздаточных (окладных) книгах, можно определить квалификационные категории штатного состава* в делопроизводственных учреждениях изучаемого региона, предполагая, что *низкий квалификационный уровень является своего рода показателем невысокой орфографической выучки писцов*. Так, подьячие енисейской съезжей избы Роман Дмитриев и Иван Каменев (1637 г.) имели оклад по 12 руб., Артемий Дмитриев Попов (1669 г.) при назначении на должность подьячего получил оклад 13 руб., подьячие съезжей избы Максимко Перфирьев (1624–1626 гг.), Микитка Гусев (1669 г.), Данило Игумнов (1669 г.), Федор Вачевский (1669 г.), таможенные подьячие Федор Сидоров и Сила Петров (1637 г.) имели оклад по 7 руб., житницкий подьячий Дмитрий Юрьев получил за свою работу 5 руб., а церковные дьячки Гришка Яковлев и Харка Леонтьев – по 4 руб. [РГАДА, ф. 214, кн. 70, лл. 100 об.–117; кн. 6, л. 104; кн. 527, лл. 292–294], при этом “ставки подьячих от 10 до 30 руб. соответствовали окладам сибирских детей боярских, ставки от 8 до 10 руб. – окладам детей боярских и казачьего начальства (пятидесятников, десятников), оклады в 4–7 руб. – окладам конных и пеших казаков и стрельцов” [Леонтьева 1986: 8]. Любопытно сопоставить указанные оклады с наиболее типичными окладами московских подьячих разных квалификационных рангов. Так, по данным Н.Ф.Демидовой [Демидова 1987: 127–137], жалование молодых подьячих в течение XVII в. составляло от 1 до 5 руб., подьячие средней статьи получали 6–10 руб. в первой половине XVII в. и от 3 до 7 руб. – во второй. “Некоторая часть этого же разряда имела более высокие оклады, от 11 до 15 руб. Все остальные оклады от 16 до 50 руб. принадлежали старым подьячим” [Демидова 1987: 127].

В первой половине XVII в. среди подьячих сибирских съезжих изб “явно преобладали подьячие, имевшие оклады от 6 до 10 руб., которые составляли 60% всех подьячих. В дальнейшем же здесь повышается доля подьячих, получавших от 1 до 5 руб. Если в 1627 г. она равнялась 9%, то к 1858 г. – уже 16%, а в 1682 г. – 27%. Высокооплачиваемые подьячие с окладами от 21 до 30 руб. на всем протяжении века представлены единицами” [Демидова 1987: 135]. К концу XVII в.

после проведения ряда правительственных мероприятий по урегулированию оплаты подьячих разных рангов установились оклады в 5, 10 и 20 руб.

Таким образом, можно предположить, что в енисейской приказной избе – наиболее крупном делопроизводственном центре Приенисейской Сибири – и в небольших делопроизводственных учреждениях (Красноярск, Мангазея) служили подьячие, квалификация которых соответствовала статусу молодых и средних подьячих. Двухчастное квалификационное деление было господствовавшим “для подавляющего большинства местных учреждений” [Демидова 1987: 163], в том числе и сибирских.

Косвенным показателем занимаемого положения в иерархии делопроизводителей можно считать и способ самоназвания дьячков и подьячих при подписывании документов.

Известно, что внешним выражением сословного ранга людей XVII в. была форма написания их имен, по которой можно определить и квалификационный ранг сибирских подьячих. Так, имена, отчества и фамилии приказных дьяков и письменных голов всегда писались в полной форме, а с 1680 г. обязательным стало написание их отчеств с “вичами”: дьяки Атарский Василий Елизарьевич (манг., 1635 г.), Обобуров Богдан (манг., 1639–1647 гг.), Телицын Василий Иванович (ен., 1680 г.), Софонов Богдан Леонтьевич (ен., 1683 г.), Юдин Иван Яковлевич (ен., 1685 г.).

В написании имен подьячих наблюдается большое разнообразие, однако можно заметить, что уничижительное “полуимя” использовалось при передаче имен молодых подьячих и дьячков: церковные дьячки Харка Левонтьев, Гришка Яковлев (ен., 1637 г.), подьячишки Максимка Перфирьев (ен., 1624 г.), Васька Бубенный (ен., 1634 г.), Демка Волков (ен., 1654 г.), Васька Дмитриев (ен., 1659 г.), Матюшка Седельников (турух., 1672 г.), Федька Попов (манг., 1690 г.), Петрушка Дмитриев и т.д.

Подьячие “со справой” чаще подписывались уничижительным полуименем: Илишка Пироговской (ен., 1631 г.), таможенный подьячий Петрушка Дмитриев (манг., 1636–1639 гг.), Сенька Ермолин (ен., 1641 г.), Семейка Яковлев (красн., 1670 г.), Севка Яковлев (красн., 1678 г.), Митрошка Ананьин (ен., 1685 г.), Микитка Гусев (ен., 1667–1686 гг.), Артюшка Попов (ен., 1669 г.), Савка Клепиков (ен., 1686 г.), Ивашко Митрофанов (ен., 1699 г.), и др. Редко встречаются подписи

подьячих “со справой” с полным именем, хотя и без отчеств: Семен Надеин (красн., 1689 г., ен., 1704 г.), Кирило Горохов (манг., 1704 г.), что, очевидно, свидетельствует об их более высокой квалификации: С.Надеин — бывший московский подьячий. Совсем не встречается уничижительное полуимя у подьячих с приписью, письменных и таможенных голов: подьячие Обрам Елисеев (ен., 1626 г.), Федор Сидоров (ен., 1634 г.), Иван Каменев (ен., 1637 г.), Володимир Лукьянов (манг., 1667 г.), Алексей Пустобородов (ен., 1682–1698 гг.), Богдан Софонов (ен., 1683 г.), Федор Федосеев (ен., 1700 г.), Иван Борисов (ен., 1704 г.); таможенные головы Матфей Попов (ен., 1688 г.), Петр Соловаров (ен., 1699 г.), Григорий Кожевников (ен., 1700 г.); письменные головы Степан Самойлович Лисовский (ен., до 1698 г., впоследствии красноярский воевода), Савлук Евстафьев Пушкин (манг., 1603 г.), Степан Федоров Забелин (манг., 1613 г.), Алексей Львович Горчаков (ен., 1686 г.) и др. Вероятно, только опытные, заслуженные подьячие могли подписываться полным именем: Иван Филиппов Кокорин (манг., 1636 г.), Петр Герасимов Брагин (манг., 1636 г.), Максим Емельянов сын Хомяков (ен., 1650 г.), Иван Федосеев сын Пузанин (ен., 1651–1688 гг.).

Наиболее показательна зависимость именования от опыта работы и квалификационного статуса подьячего в записях лиц, подолгу работавших в приказных избах, например, в ранних документах находим подпись “подьячий Алешка Часовщиков” (ен., 1645 г.), а в более поздних — “Алексей Часовщиков” (1687 г.) или “подьячий Васька Шпилькин” (ен., 1641 г.), “Василий Шпилькин”, “Василий Григорьев Шпилькин” (к 1667 г.); “таможенный подьячий Алешка Михайлов” (красн., 1700 г.) и “таможенный и заставный голова Алексей Михайлов” (1702 г.). Таким образом, употребление имен в официальных документах подтверждает разделение штатов в делопроизводственных учреждениях на квалификационные ранги и распределение обязанностей в соответствии с квалификационным статусом.

Письмо под диктовку, написание “черных” книг и трафаретных расписок, механическое переписывание, выборка и подсчет отдельных статей расхода и прихода были уделом молодых, недостаточно опытных подьячих. Оформление сметных и пометных списков, воеводская переписка, выверка наиболее важных документов доверялась только более опытным подьячим средней статьи и подьячим “со справой”, которые на местах назначались из числа старых подьячих при-

казных изб. “Они составляли верхушку местного подьяческого мира, особенно если в приказную избу не присылались сверху московские дьяки и подьячие с приписью” [Демидова 1987: 164].

Обучение “молодых” подьячих проводилось под непосредственным наблюдением “старых” подьячих, т.е. по системе передачи опыта от старшего к младшему, что способствовало созданию определенных традиций в ведении дел каждого административного центра. Кроме того, перепись жителей Новой Мангазеи 1719 г. содержит информацию о создании первых домашних школ: новомангазейский дьячок Василий Тимофеев содержал в своем доме и обучал грамоте семь монастырских учеников [Цомакион 1966: 34].

Молодые подьячие, в том числе и выборные, обучались грамоте как по богослужебным книгам, так и по различным печатным и рукописным грамматикам, азбукам, часословам, которые продавались на рынках сибирских городов [Копылов 1968: 16; Городилова 1991: 94].

Контроль над правильностью ведения документации и достоверностью зафиксированных сведений возлагался на подьячих “с приписью” и на воеводу, который был подотчетен московской администрации. С введением разрядного деления Сибири [Вершинин 1998: 16, 148] уездные воеводы стали держать отчетность не только перед Москвой, но и перед разрядным центром. На разрядного воеводу возлагалась особенно высокая ответственность за правильное ведение всей разрядной документации. Повышенные требования к оформлению документов не везде могли быть удовлетворены из-за малочисленности или недостаточной компетентности делопроизводственных штатов, поэтому практика двойной отчетности внедрялась медленно.

Как уже отмечалось, комплектование приказных изб квалифицированными кадрами с самого начала проходило под жестким надзором московских приказов, что привело к изолированности этого процесса от централизаторской политики Разрядного приказа. “В результате в городах Сибири XVII в. при наборе подьячих мы наблюдаем, с одной стороны, единство подхода, а с другой – более терпимое, чем в Центре, отношение к нарушению общих законодательных норм в этой области” [Демидова 1987: 71].

Исследованные исторические источники и архивные материалы показали, что в целом делопроизводство в Сибири не отличалось от делопроизводства европейской части страны, однако в условиях нового административного деления обширной сибирской территории не

только на уезды, но и на разряды “в схеме подчинения местного делопроизводства центральному уже наметились новые черты, свойственные более высокому уровню государственной централизации” [Леонтьева 1986: 19].

Таким образом, сама система профессиональной подготовки молодых подьячих и привлеченных к делопроизводственной деятельности служилых, посадских и “гулящих” людей, а также формирование подьяческих династий делали обучение местных кадров менее зависимыми от присылаемых из европейской части страны дьяков и подьячих, а это в свою очередь создавало условия для отражения даже в строго регламентированной структуре документа определенных региональных особенностей (ср., например, городовые списки по Енисейску и Красноярску).

1.3 Сведения о писцах

На первом этапе исследования рукописных памятников необходимо по мере возможности установить всех участников создания документа, определить степень их участия (диктовал, писал, проверял), выявить уровень делопроизводственной компетенции. Наибольший интерес в процедуре создания текста представляют непосредственные исполнители – писцы, поэтому на первый план выступает необходимость получения максимально полных сведений именно о писцах: откуда родом (прислан “с Москвы” или является местным жителем), какую диалектную группу представляет, каким образом обучался грамоте. Без учета этих сведений, без выяснения степени грамотности писцов (владения орфографическими нормами) лингвистическая интерпретация фактов, содержащихся в текстах делового содержания, не может быть объективной и полноценной.

Основная часть материалов приказного и таможенного делопроизводства написана неизвестными лицами, поскольку правила составления большинства документов не предусматривали обязательного указания имени писца, однако анонимность текстов не умаляет значения их показаний для лингвистического исследования [Котков 1975: 16].

Установить имена писцов, работавших в разные годы в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири, и определить места их проживания (выяснить их принадлежность к какому-то

диалекту) по отобранным текстам очень сложно. Прямые указания на исполнителя встречаются нечасто, например: “писал казачий десятник Максим Попов” (ен., 1632 г.) [РГАДА, ф. 838, ед. хр. 6, л. 2], “писал Илишка Кожевников” (ен., 1633 г.) [РГАДА, ф. 838, ед. хр. 6, л. 1], “писал служилой человек Пашко Улан” (манг., 1640 г.) [РГАДА, ф. 214, ст. 328, л. 206 об.], “писал Алешка Михайлов” (красн., 1700 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, лл. 126, 150–159] и др. Обязательное указание на писавшего отмечается только в росписях [РГАДА, ф. 214, ст. 1018]: “писал устюжанин торговой человек Ивашко Смольников своей рукой” (л. 3), “роспись писал по Ларионову велению Ивашко Галанской” (л. 6), “лалетин Мишка Бобровской писал своей рукой” (лл. 8, 33, 41 об.), “писал лавошной сиделец Климка Осифов Сорокин” (л. 15) и др.

Гораздо чаще наблюдаются пометы, сделанные рукой старших подьячих и подьячих с приписью, как правило, включающие слова *справил, смотрел*: “справил Илишка Пироговской” (ен., 1630 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 26, л. 319], “справил Петрушка Дмитриев” (манг., 1638 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 122, лл. 141, 146], “справил Севка Яковлев” (красн., 1678 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 543, л. 144 об.] “смотрел Федька Клепиков” (ен., 1686 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 842, лл. 30, 35], “смотрел Ивашко Михайлов” (ен., 1701 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, л. 184] и др. Встречаются редкие записи, свидетельствующие о том, что подьячие выполняли также и работу писцов: “писал и справил подьячишко Семеика Яковлев” (красн., 1670 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 543, л. 144 об.], “писал Ивашко Митрофанов” и “справил Ивашко Митрофанов” (ен., 1699 г.) [РГАДА, ф. 214, ст. 686, лл. 86, 89 об.], “писал Ивашко Михайлов” и “смотрел Ивашко Михайлов” (ен., 1700 г.) [РГАДА, ф. 214, ст. 686, лл. 102 об., 109 об.]. Точность записанных данных после проверки подьячими удостоверялась воеводской подписью, которая разбивалась на слоги и прописывалась на свободном боковом поле книжного листа, в конце текста фамилия воеводы писалась полностью: “сто-ль-ник - и - во-ево-да - Гри-го-рей - Но-во-силь-цов - Новосильцов” (ен., 1686 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 842, лл. 3–20], “сто-ль-ник - и - вое-во-да - Бог-дан - Да-ни-ло-вич - Гле-бов - Гле-бов” (ен., 1700 г.) [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, лл. 255–300].

Первые сведения о характере документации дает Максимка Перфирьев, служивший подьячим в енисейской съезжей избе с 1623 г. по 1626 г., в дальнейшем – служилый, стрелецкий сотник и, наконец,

атаман (1651 г.). В 1626 г. штат подьячих увеличивается: в съезжей избе теперь, кроме названных, служат Обрам Елисеев, Ондрюшка Глазунов, Савко Клепиков и Михайло Данилов. В 1634 г. в съезжую и таможенную избы из Томска прибыли подьячие Ондрей Самсонов и Федор Сидоров, причем последний служил в данной должности до 1637 г. По рукописям 1637 г. известен почерк таможенного подьячего Силы Петрова. В документах после 1647 года упоминается отставной таможенный подьячий Обросим Кузьмин, который служил в таможе с 1644 г. по 1647 г. Три года (1645–1648 гг.) отслужил в таможенных подьячих Ивашко Логинов. На протяжении 14 лет (1634–1648 гг.) в рукописных памятниках Енисейского острога встречается почерк таможенного подьячего Васьки Бубенного и дьячка таможенной избы Нехорошка Левонтьева, в последствие подьячего. Двадцать пять лет (1661–1686 гг.) “справлял” документы Микитка Гусев. В таможенных документах 1650–1688 гг. наблюдается почерк подьячего Ивана Пузанина (в некоторых документах Бузанин). Дольше всех в енисейской приказной избе трудились подьячие Василий Григорьев Шпилькин (1641–1667 гг.) и Алешка Часовщиков (1645–1687 гг.).

Известны почерки и красноярских подьячих Васьки Еремеева (1654–1656 гг.), Семейки Яковлева (1670 г.), Козьмы Елисеева (1700 г.), которые не только “справляли” документы, но и сами их “писали”. Тексты, написанные рукой Ивашки Лавренъева (1689 г.), отличаются большим количеством описок, пропусков букв и целых слогов, небрежностью исполнения. Красноярский подьячий Васька Кириллов “специализировался” в написании проезжих, а по просьбе торговых людей писал и росписи, оформлял рукоприкладства (1689 г.). “Писал своею рукою” многие таможенные документы Алешка Михайлов (1700 г.) – красноярский подьячий, а затем таможенный и заставный голова.

В мангазейских рукописных текстах чаще отмечаются почерки таможенных подьячих и таможенных голов: Савки Осолихина (1638–1644 гг.), Афоньки Ходутина (1638 г.), Петрушки Дмитриева (1638–1639 гг.), Ивана Толстоухова (Толстоухина) (1643–1644 гг.), Васьки Петрова (1644–1667 гг.), Володимира Лукьянова (Лукоянова) (1667 г.) и др. Реже встречаются почерки подьячих приказной избы. В целом сохранность мангазейских памятников неудовлетворительная, многие тексты сохранились фрагментарно, что существенно затрудняет их исследование.

Палеографический анализ позволил установить имена 175 писцов, большую часть которых представляют подьячие и дьячки [ср. Елизаровский 1958: 14–15]. Известны также почерки грамотных воевод (Иван Ржевский, 1658 г., Григорий Новосильцов, 1686 г.), таможенных голов (Леонтей Бобровской, 1648 г., Василий Бухряков, 1649 г.), казачьего десятника (Максим Попов, 1632 г.), площадных “писчиков” (Никитка Иванов, 1650 г., Еремка Бородин, 1688 г.), торговых людей и их родственников (Коземка Изосимин, 1688 г.; Васька Дмитриев сын Водолиев, Федька Григорьев Кочетов, Левка Капустин, 1689 г.; Ивашко Петров сын Бобровской, Васька Барахматов, Ивашко Васильев, 1690 г.) и др.

В лингвистической литературе, посвященной описанию севернорусских памятников деловой письменности XVII–XVIII вв., традиционно выделяются три группы писцов: профессионалы, полупрофессионалы и непрофессионалы [Копосов 2000: 14–15]. Однако нам кажется, что вполне достаточным будет разделение писцов на две группы (профессионалы – непрофессионалы), взяв за основу следующие критерии:

- сфера профессиональной деятельности (делопроизводство, управление, торговля, промыслы и пр.);
- делопроизводственная компетентность (знание типов документов, их структуры, формы; наличие навыков и умений самостоятельного составления деловых текстов);
- ответственность перед вышестоящими инстанциями за результаты своего труда;
- возможность получения стабильного государственного жалованья за выполняемую письменную работу.

Под профессионалами в таком случае следует понимать людей, для которых делопроизводство (написание, оформление и проверка документов) являлось *основной и оплачиваемой* сферой деятельности. К профессионалам относим дьяков, подьячих, дьячков, писцов, площадных писчиков, которые несли ответственность перед вышестоящими инстанциями за результат своего труда и, как и служилые люди, за свою работу получали определенное годовое денежное, хлебное и соляное жалованье. Кроме того, в сибирских приказных избах чаще, чем в европейской части, практиковалась еще одна форма поощрения делопроизводственной деятельности – “дача в приказ” – единовремен-

менная выдача денег, связанная с какими-нибудь событиями в жизни подьячих [Демидова 1987: 128–137].

Группу непрофессионалов составляют писцы – жители городов и острогов, служилые, посадские, крестьяне, обладавшие определенными правописными навыками, писавшие “для себя” или по просьбе других людей, но не состоявшие на окладе, т.е. не имевшие постоянного денежного или иного жалованья за выполненную письменную работу. Для них написание текстов, в том числе и документов, не было профессиональным занятием и выполнялось от случая к случаю, только по мере необходимости. Писцы-непрофессионалы не несли ответственности за написанные ими документы. Тем не менее, в текстах, написанных непрофессионалами, прослеживается четко выдержанная структура документа, последовательность изложения материала. Можно полагать, что в основе письма непрофессионалов лежат не специальные знания особенностей делопроизводственной деятельности, а подражание образцам, созданным профессионалами.

К непрофессионалам при таком подходе следует отнести и воевод, несмотря на их принадлежность высшему сословию и безусловную грамотность, поскольку воеводы лишь контролировали деятельность подчиненных им подьячих всех рангов, не принимая непосредственного участия в создании документов. Сферой профессиональной деятельности воевод являлось административное управление, ведение финансово-хозяйственной деятельности, да и оклады воевод существенно отличались от окладов штатных работников приказных и таможенных изб.

В группу непрофессионалов следует включить и таможенных голов, которые занимались сбором пошлин и оформлением отчетной документации. Делопроизводственная компетентность таможенных голов была достаточно высокой, о чем свидетельствуют, например, мангазейские памятники. Однако написание документов для них было не основным занятием, а вынужденным, обусловленным “малолюдством” или полным отсутствием писцов в таможенных избах. Таможенные головы несли ответственность перед воеводой не за правильность ведения документации, а за организацию таможенного сбора различных пошлин с торговых и промышленных людей. К тому же служба таможенного головы “была безвозмездною и считалась почетною” [Лодыженский 1886: 34].

Деление писцов на профессионалов/непрофессионалов не дает оснований для соответственного деления текстов на грамотные/малограмотные, так как среди и тех и других можно наблюдать отражение разного уровня владения правописными нормами. Степень грамотности писцов чаще всего обусловлена опытом работы в делопроизводственных учреждениях и способом приобщения к делопроизводственной деятельности – “по выбору” или “поверстаньем”. Начинаящие выборные подьячие из среды служилых и посадских людей, зачисленные в штаты приказной или таможенной избы “за малолюдством” в противоположность “поверстанным” чаще допускали описки, исправления, дописывания, проникновение в тексты разговорных (диалектных) элементов.

Относительно происхождения писцов памятники изучаемого региона, как и большинство текстов деловой письменности европейской части страны, не дают достаточно полного представления, однако, полагаем, что наши наблюдения не противоречат общепринятому мнению о том, что писцами в местных делопроизводственных учреждениях могли быть в большинстве своем местные жители [Елизаровский 1958: 14–15; Хабургаев 1969: 112].

Вопрос о происхождении русского населения Сибири является важным не только для историков, но и для лингвистов, поскольку помогает определить диалектный состав первопоселенцев и таким образом установить исходную систему современного старожильского говора.

Изучая основные пути переселения в Сибирь, исследователи XIX–XX вв. отмечают, что основную массу переселенцев составляли выходцы их городов Европейского Севера. На поморское происхождение русского населения Сибири указывают такие историки, как П.Н.Буцинский [Буцинский 1999, I, II], П.М.Головачев [Головачев 1906], М.В.Кривошапкин [Кривошапкин 1865], Н.Н.Козьмин [Козьмин 1910], П.А.Словцов [Словцов 1886]. Эту же точку зрения поддерживают и современные историки: С.В.Бахрушин [Бахрушин 1955], В.В.Воробьев [Воробьев 1959], В.А.Александров [Александров 1964, 1973]. Севернорусское происхождение первопоселенцев Сибири признают и языковеды: А.М.Селищев [Селищев 1968], Н.А.Цомакион [Цомакион 1966], С.Э.Мазо [Мазо 1970], Н.Е.Попова [Попова 1959], Г.А.Христосенко [Христосенко 1975] и др. Однако известны и другие мнения. Так, В.В.Покшишевский, анализируя данные о жителях

Якутска, делает заключение о том, что “вся Московская Русь в целом поставляла контингенты поселенцев для Сибири” [Покшишевский 1951: 55]. Мысль о смешанном составе русских первопоселенцев нашла отражение в поздних работах В.И.Шункова [Шунков 1946, 1955] и лингвистических исследованиях В.В.Палагиной [Палагина 1973], Л.А.Захаровой [Захарова 1968-а], О.А.Любимовой [Любимова 1968]. Однако, на наш взгляд, рассматривая вопрос об освоении русскими Сибири в XVII в., следует говорить не обо всей территории в целом, а учитывать специфику формирования переселенческих потоков по отдельным сибирским регионам. Так, в отношении Приенисейского края изученная историческая литература, а также рукописные документы убедительно доказывают севернорусское происхождение постоянного населения, часть которого привлекалась к делопроизводительной деятельности.

Основную массу переселенцев, по данным деловой письменности, составляли выходцы из Поморских городов: Вологды, Устюга, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогор и др. Тесная связь населенных пунктов Приенисейской Сибири с Европейским Севером не случайна: основной путь в Сибирь проходил по рекам Печоре и Каме. Кроме того поморские города посылали в Сибирь караваны с хлебом, солью и прочим необходимым товаром.

Нам удалось выявить около двухсот челобитных за 1635–1656 гг. (это период активного формирования постоянного населения), в которых содержатся просьбы о разрешении вывезти свои семьи из поморских населенных пунктов, например: “вели гедрь дать мне свою гедрву грамоту чтоб сынишка моего роднова Осташка з женою Улькою от Соли Вычегоцкой отпустили со мною” [РГАДА, ф. 214, ст. 373, л. 149]; “<...> служу я в Инесеиском остроге а отец мои и мать и брат и жена и дети живут на Колмагорах <...> гедрь црь пожалуй меня штоб мне своево отца и матерь и брата и жену и дети свести с собою в Сибирь в Инесеиской острог” [там же, л. 149] и т.п.

Отсутствие в большинстве памятников прямых указаний на происхождение создателей рукописных документов компенсируется фиксированием в текстах отдельных диалектных черт [ср. Коткова 1982: 221]. Учитывая характер заселения Приенисейского края и условия формирования постоянного населения [Александров 1964; Цомакион 1966: 20–27; Романова 1971: 13; Преображенский 1972: 114; Радич 1975: 72–77], можно предполагать, что грамотная часть его

представляла говоры территории распространения *северновеликорусского наречия*. Такое предположение подтверждается и лингвистическими данными. Так, на севернорусское происхождение первопоселенцев указывает прежде всего лексический состав документов, обусловленный словарным запасом носителей материнских говоров: *братан* – 1. ‘двоюродный брат’ (арх., олон., вологод., вят., перм.: ООБС, Васн., Даль, Кулик.); 2. ‘родной брат’ (арх., костр.: Даль, Подв., Гранд.); *веретья* – ‘возвышенное место, не затопленное водой’ (перм., вят., арх.-помор.: Даль, Васн., Подв.); *жсеребий* – ‘небольшой земельный участок, часть луга’ (арх.: Гранд., Подв.); *заимка* – ‘место, занятое под хозяйство, с земельным участком, избой’ (арх.: Дювернуа); *имать* – ‘захватывать, брать в плен’ (арх.-помор.: Даль, Подв., Федоров, Ивашко); *камыс* – ‘шкура с оленьих ног’ (арх.-помор.: Даль, Подв., Ивашко); *летовать* – ‘производить летний промысел’ (арх.-помор.: Подв., Дуров); *обиход* – ‘домашнее хозяйство’ (арх.: Гранд.); *поветь* – ‘крытый двор’ (вологод.-вят.: Даль, Васн., Подв.); *пролуб* – ‘прорубь’ (арх., вят.: Васн., Подв.); *робить* – ‘трудиться, работать’ (арх., вологод., перм., олон., вят.: Даль, Гранд., Подв., Васн.), *ровдуга* – ‘грубая замша из оленьей кожи’ (арх.-помор.: Даль, Гранд., Подв.); *щаны* – ‘штаны’ (вологод.: ООБС) и др.

Косвенным указанием на истоки говоров являются и фонетико-морфологические особенности, зафиксированные памятниками делового содержания:

- 1) различные рефлексy на месте **ѣ**: *вѣлено, на мѣльницѣ, Епѣи, Елесѣи, Негутѣи, Чюкрѣи, сѣнево, велити*;
- 2) изменение [a] > [e]: *конопленик, двинении, предильня, Екимко, память, десеть, рухледь, за обычеи*;
- 3) утрата интервокального [j]: *не умѣть* (вместо *не умееть*),
- 4) смешение глухих и звонких согласных: *восмь бажень* (вместо *башень*), *сабоги* (вместо *сапоги*), *Бузанин* (вместо *Пузанин*);
- 5) [т] твердый согласный в окончании глаголов 3 лица единственного и множественного числа: *идутъ, сядутъ*;
- 6) формы инфинитива на *-чи* от глаголов с основой на задняязычный *з, к*: *берекчи, волокчи*;
- 7) окончание *-ово (-ево)* в именах прилагательных, порядковых числительных и притяжательных местоимениях в форме родительного падежа единственного числа: *старово, одново, моево*.

- 8) родовая принадлежность существительных: *рваная уха, зженная пуза, малая шубенко* и др.

В рукописных памятниках Приенисейской Сибири и вологодских, устюжских, архангельских текстах прослеживаются одни и те же фамилии: *Иевлев, Павлушков, Пеунов, Чюкрей, Перфирьев* и др.

Таким образом, перечисленные характеристики позволяют предполагать, что основной состав писцов – создателей памятников деловой письменности Приенисейской Сибири сформировался из носителей северо-восточной группы северновеликорусского наречия.

1.4 Влияние грамотности русского населения Приенисейской Сибири и орфографической выучки писцов на характер отражения в деловой письменности особенностей живой речи

Вопрос о распространении грамотности на периферии Московского государства и степени орфографической выучки писцов имеет большое значение при определении возможностей передачи в письменной речи особенностей живого разговорного языка. Необходимо выяснить, существует ли прямая зависимость между уровнем грамотности и возможностью отражения в текстах делового содержания устной речи писца или заказчика. Ответ на этот вопрос позволит определить степень достоверности памятников деловой письменности для использования их в качестве источников реконструкции исходного состояния русских говоров вторичного образования.

Грамотность населения России допетровской поры в свое время была рассмотрена А.И.Соболевским, которому удалось определить уровень грамотности разных социальных слоев жителей европейской части страны и представить его в процентном отношении [Соболевский 1892: 5–12]. Наблюдения Соболевского нашли подтверждение в работах современных исследователей севернорусской деловой письменности. Убедительные данные по Великому Устюгу, Белозерску, Вологде, Тотьме, Архангельску, Сольвычегодску приводят Г.В.Судаков [Судаков 1973: 219] и Л.Ф.Копосов [Копосов 2000: 16–18]. Учитывая генетическую связь сибирских первопоселенцев с севернорусской территорией, можно полагать, что и в Сибири уровень грамотности должен быть не ниже, чем на европейском севере Руси.

Впервые грамотность русских первопоселенцев Сибири XVII в. была представлена в работе Н.Н.Оглоблина “Книжный рынок в Ени-

сейске". Рассматривая уровень образованности сибирского населения, Н.Н.Оглоблин подчеркивал, что подобные сведения "очень важны для истории русского просвещения, а потому следует дорожить всяким малейшим указанием по этому предмету" [Оглоблин 1889: 282].

О грамотности русского населения Приенисейской Сибири можно судить, прежде всего, по встречающимся в различных типах документов многочисленным "рукоприкладствам", которыми просители (заказчики) или участники торговых сделок, судебных разбирательств удостоверяли подлинность написанного от своего лица или от имени своих товарищей "по их велению и по просьбе за неумением писать". Например, в коллективной челобитной служилых людей 1636 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 183, лл. 52 об.–54 об.] из 11 человек "руку приложили" 3 человека: казаки Васька Марков, Вахромейко Попов, Федька Микифоров. А в челобитной 1648 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 373, лл. 266 об.–270 об.] из 28 служилых и посадских людей свои подписи поставили 17 человек, причем лишь Мишка Яковлев имел чин десятника, все прочие – рядовые казаки. Любопытно отметить, что высокое положение в среде служилых людей вовсе не обязывало быть грамотным. Так, в документах неоднократно встречаются подписи: "вместо атамана Никифора да Ивана Алексеевых Галкиных", "вместо пятидесятников казачьих Василя Черменина да Семена Серебреника", "вместо десятников казачьих Данила Еремеева Сургутцова да Дементья Емельянова" [РГАДА, ф. 214, ст. 373, лл. 266 об.].

Анализ подобных записей и других письменных материалов убедительно доказывает, что грамотность среди жителей острогов, расположенных в бассейне Енисея, была явлением не редким [Ср. Соболевский 1892: 8–12; Котков 1962: 41], причем в большинстве своем грамотными были служилые, что объясняется самим составом населения, и торговые люди. В меньшей степени распространена была грамотность среди посадских людей и крестьян. Исследование коллективных челобитных и других текстов, содержащих рукоприкладства, показывает, что уровень грамотности русского населения Енисейска во второй половине XVII в. (данные разных источников) колеблется от 26% до 43%. Даже на такой отдаленной окраине енисейского бассейна, как Мангазея, по данным Н.А.Цомакион, наблюдается активный рост грамотности русского оседлого населения: "если в 20–30-х гг. XVII в. грамотные люди были в Мангазее редкостью <...>, то в 40–50-х гг. грамотных уже 10 человек, в 60–70-х гг. – 20 человек, в

80–90-х гг. их уже 39 человек” [Цомакион 1966: 34]. Грамотными были почти 10% процентов взрослого мужского населения, не считая приказных людей и духовенства, что является довольно высоким показателем уровня грамотности.

Грамотность была востребована среди жителей сибирских поселений, о чем свидетельствуют многочисленные просьбы воевод, церковных служителей о присылке в Сибирь книг для обучения грамоте и для проведения церковных служб. Среди товаров первой необходимости, поставляемых в Приенисейскую Сибирь торговыми людьми, неоднократно находим и книги: *Часовники*, *Минеи месячные*, *Псалтыри учебные*, *Грамматики* и др. [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, л. 69 об; кн. 708, лл. 125–126; ст. 254, лл. 33 об., 89 об., 142–145].

Наиболее полный перечень книг (42 наименования), бывших в употреблении в населенных пунктах Приенисейской Сибири, представлен в товарных ценовых росписях 1649 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 254, лл. 33 об.– 35-а]. Большую часть списка составляют книги богослужебные, содержащие правила и описания порядка богослужений, а также текстов для них: *Устав* – типовые указания о порядке богослужения, *Служебник* – о порядке проведения литургии, *Требник* – “чинопоследование таинств”, *Канонники* – сборники песнопений, общие и месячные *Минеи* – сборники молитв в честь святых и др. Несколько меньше в списке книг для “благочестивого чтения”. Это прежде всего *Прологи*, имевшие на Руси широкое распространение, и примыкавшие к ним по содержанию *Патерики*. Известны были жителям Приенисейской Сибири и *Житие Николино*, и книга *Миргарит* – сборник бесед Иоанна Златоуста, и *Шестоднев* – популярное произведение о физических явлениях и силах природы. Из книг так называемого светского содержания упоминаются *Азбуки* и *Грамматики*, причем последние предлагались как в печатном, так и рукописном виде.

Стоимость книг, как свидетельствуют товарные росписи, на енисейском рынке была выше, чем в европейской части страны, что вполне объяснимо трудностями их доставки в отдаленные от книгопечатных центров районы Московского государства. Так, по сведениям С.Ф.Либровича [Либрович 1914: 148], в Москве Псалтырь 1642 г. стоила 3 руб., Пролог 1641 г. – 3 руб., Минея общая 1635 г. – 2 руб. Эти же книги, по данным енисейских товарных росписей 1649 г., были оценены соответственно 4–6, 8 и 5 руб. Самыми дорогими книгами были *Евангелие* “съ евангелисты серебреными золочеными” и *Библия*

– 10 руб. Эти же книги в обычном для XVII в. исполнении стоили более чем вдвое дешевле. Печатные книги ценились выше рукописных, например, “святцы малые печатные” стоили рубль, а “святцы писмянные” – 7 гривен, “псалтырь учительная печатная” стоила 4 руб., а “псалтырь учительная в тетратех” – 3 с половиною. Самыми дешевыми были “азбуки печатные в переплете” – 2 гривны и “азбуки печатные в тетратех” – гривна, что делало их вполне доступными для широких слоев населения.

И хотя в Сибири книги стоили дороже, чем в Москве, тем не менее они пользовались большим спросом, независимо от формы исполнения – печатной или рукописной.

Представляет интерес и тот факт, что некоторые азбуки-прописи XVII в., по свидетельству Н.Маркса [Маркс 1909: 12], содержали не только образцы каллиграфического написания букв, но и примеры отдельных документов, составленных в соответствии с нормами, сложившимися в московских канцеляриях. Не исключено, что подобные азбуки-прописи получили распространение и в Приенисейской Сибири. “Можно предположить, – пишет Л.Ф.Копосов, – что существование таких образцов способствовало стандартизации используемых в составе канцелярских формул грамматических форм, сохранению этих написаний в течение длительного времени даже в том случае, когда соответствующее явление в живой речи уже давно изменилось” [Копосов 2000: 18].

Наличие книжного рынка на периферии Московского государства свидетельствует о довольно высоком уровне духовной культуры и образованности русских первопоселенцев, о характере развития просвещения, о распространении грамотности на всей территории Приенисейской Сибири.

Однако *распространенность* грамотности не следует отождествлять со *степенью орфографической выучки* писцов, которая на окраине Московского государства даже среди профессионалов (особенно взятых в делопроизводственные учреждения “по выбору” и “за малолюдством”) не могла быть достаточно высокой. Свидетельством тому служат многочисленные отступления от складывавшейся орфографической нормы, возникавшие под влиянием живого произношения писавших. Так, богато представлены в текстах случаи отражения ассимиляции согласных (*бутто, в скиске, в крушках, до острошку, итти, коропки, лотка, оддана, оддача, потпали, потписнои, пот-*

ставов, сковоротки, ускои, Фетко, хрептовыхъ), оглушения конечно-го звонкого согласного (*горот, острок, речной порок, денек*), диссимиляции (*хто, никто, х кому, х Кодоге, мяхкая рухлядь, каюшный, ла-вошный, шапошный*). Помимо указанных общерусских процессов в текстах отмечены написания, отражающие явления диалектного характера: утраты интервокального *j* с последующим стяжением гласных (*не умѣт* вместо *не умеет, иметца* вместо *имеется*), смещения шипящих и свистящих (*кажнен* и *казнен, езошлавская волость* и *езо-славец*) и др. Отражению в памятниках “неправильностей” произношения способствовал и царский указ от 15 марта 1675 г., в котором говорится: “<...> а будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени или в прозвище, не зная правописания, вместо О–А, или вместо А–О, или вместо Ъ–Ь, или вместо ѣ–Е, или вместо И–І, или вместо О–У, или вместо У–О <...> того в бесчестье не ставить и судов в том не давать и не разыскивать <...>” (Цитируется по кн. П.К.Симони “Русский язык в его наречиях и говорах”. – СПб., 1899. – С. 2). Данный указ способствовал фиксированию в текстах не только общерусских фонетических процессов, но и отдельных явлений, обусловленных территорией проживания носителей языка.

Среди исследователей памятников, писанных скорописью, существует мнение, что живое произношение отражается только при записи слов в строке, надстрочные варианты букв употребляются в соответствии с этимологическим принципом написания [Саблина 1977: 119–133].

Сопоставительный анализ текстов делового содержания, писанных профессионалами и непрофессионалами, показал, что употребление строчных и выносных букв, обозначающих звонкий или глухой согласный звук как результат ассимиляции, неодинаково и обусловлено степенью орфографической выучки писцов. Так, в памятниках, принадлежащих перу профессионалов, отмечается четкая тенденция в написании слов по этимологическому принципу. Живое произношение здесь представлено только в строке и далеко не регулярно: *круш-ки, по скаске, хрептовыхъ*; чаще: *кружки, хребтовые, лодки, сковородки*. Если одна из букв сочетания выносится над строкой, то она пишется в соответствии с традицией: *приве³ти, по³тисной, в ло³ке, хре³товыхъ, хре³товой, к остро³ку, о³дана, слобо³чикову*. Таким образом, в текстах данной группы живой процесс ассимиляции по глухости-звонкости отражен довольно слабо и только при написаниях в

строке. Впрочем, в этих текстах слабо представлены и другие фонетические процессы, характерные для живого произношения, например, диссимилиация, упрощение групп согласных и др. Практически отсутствуют пропуски букв, слогов, повторы. Все это свидетельствует о высокой орфографической выучке писавших, хотя многие из служащих приказных и таможенных изб были выдвинутыми из местного русского населения, а не присланными из Москвы.

Иначе обстоит дело с памятниками, созданными непрофессиональными писцами – торговыми людьми, “лавошными сидельцами” и др. Небольшие по объему документы (например, росписи, челобитные) изобилуют написаниями, не обусловленными закономерностями развития языка [Панкратова 1963: 58–77]. Это многочисленные пропуски букв: *вего* (вместо *всего*), *дѣсти* (вместо *двѣсти*), *нерчиские* (вместо *нерчинские*), *осрогъ* (вместо *острогъ*), *пчать* (вместо *печатъ*), *плоцдному* (вместо *площадному*), *патежные* (вместо *платежные*), *ржної* (вместо *ржаной*), *хосты* (вместо *хвосты*), *хретовых* (вместо *хребтовых*); замена одной буквы другой: *аршанъ* (вместо *аршинъ*), *бугаги* (вместо *бумаги*), *лявошной* (вместо *лавошной*), *марой руки* (вместо *малой руки*), *протового* (вместо *прутового*), *тру пуда* (вместо *три пуда*) и др. В текстах можно наблюдать недописанные буквы и целые слоги: *в даурские остро* (вместо *остроги*), *да мѣло* всякой (вместо *мѣлочи*), *застав головѣ* (вместо *заставному*), *из Енисѣиска до больска* (вместо *до Тобольска*). Иногда встречаются “лишние” буквы: *продавцковъ*, *руккавицы*, *инъны*; повторение отдельных слогов в слове: *дваццети*, *добраноно*, *Попопову*, *амананатцкой*; и целых слов: *на гсдрвы аманатцкие аманатцкие каюки*. Подобные написания можно рассматривать как свидетельство невнимательности, усталости, недостаточных навыков в письме.

Наряду с описками в текстах данной группы, отмечаются написания, отражающие живую речь сибирских первопоселенцев, в том числе и ассимилятивные изменения. При этом зависимость этимологически оправданных написаний от строчного или выносного употребления буквы не обнаруживается. Иными словами, ассимиляция согласного звука по звонкости или глухости передается с помощью строчных и выносных букв безразлично: *бутто*, *в скаске*, *итти*, *уских*, *ускои*, *в крушках*, *двѣ круики*, *потставцов*, *Фетка*, *Фетко* – *и^мти*, *три коро^нки*, *Фе^мка*, *Фе^мки*, *Фе^мку*, *в сковоро^мка^х*, *ло^мка*, *в ло^мке*, *хре^нтовыхъ*, *по^мпали*, *до остро^мку*, *о^д дана* и под.

Этимологически выдержанные написания в текстах непрофессионалов значительно уступают написаниям явно фонетического характера: *хребтовъ, в острожке, в книжках*.

Аналогичная картина наблюдается в текстах двух групп при передаче ассимиляции предлогов *с, из, без*. В тех случаях, когда документы писаны профессионалами, четко прослеживается графико-орфографическая закономерность: в строке отражается живое произношение, над строкой передается этимологическое написание: *ис таможи, ис продажи, ис тобо^аскои, с того товару* – *и^а таможи, и^а Тобо^аска, бе^а того, с золота*. Тексты второй группы свидетельствуют о безразличном употреблении строчной и выносной буквы для передачи ассимиляции предлога перед следующим словом: *з голунцов, с круживъ, с хмелю, з золотом* – *з голунцами, з денег, з б локъ, с товару; ис таможи, ис продажи, ис тобо^аскои проежжеи* – *и^а тобо^аскои выписи, и^а прдажи, и^а продажи; без денег, бес кож – бе^а пупки*.

Таким образом, высказанное предположение о строгой зависимости традиционных и фонетических написаний от характера употребления буквы (строчная или выносная) оказывается справедливым только для тех текстов, которые создавались профессиональными писцами, обладавшими высокими правописными навыками. В тех же случаях, когда авторы документов не имели достаточно высокой орфографической выучки, такая зависимость по письменным памятникам не прослеживается. Тексты, написанные непрофессионалами, дают более богатый материал для исследования живого произношения, так как свободное использование графико-орфографических приемов передачи текста способствовало проникновению в письменную речь региональных особенностей устной речи русских первопоселенцев Сибири.

Исследование графико-орфографических особенностей деловой письменности Приенисейской Сибири показало, что написания, мотивированные и не мотивированные закономерностями развития языка, встречаются в текстах независимо от того, кто их писал – профессионалы или непрофессионалы. Отличительной чертой текстов, написанных профессионалами, является не отсутствие в них ошибок и описок, а значительно меньшее их количество, в сравнении с другими аналогичными текстами.

Материалы сибирской деловой письменности подтверждают выводы исследователя севернорусских памятников Л.Ф.Копосова о

том, что многие “тексты, написанные непрофессиональными писцами, ничем в языковом отношении не отличаются от документов, составленных наиболее опытными профессионалами” [Копосов 2000: 15]. Не следует забывать и того, что в Приенисейской Сибири значительную часть профессионалов составляли представители местного старожилородного населения.

Вполне справедливо и замечание Л.Ф.Копосова о том, что “в основу методики реконструкции живой речи должно быть положено не столько исследование малограмотных написаний, сколько изучение особенностей письменной нормы [Копосов 2000: 19], которая “для каждой исторической эпохи <...> проявляется специфически” [Михайловская 1975: 119].

Вопросам становления орфографической нормы делового языка посвящены работы А.П.Словягина [Словягин 1971], М.В.Сушевой [Сушева 1974], Б.И.Осипова [Осипов 1990, 1993], В.В.Кавериной [Каверина 1997], Л.Ф.Копосова [Копосов 1991, 2000] и др. Несмотря на то, что проблемы орфографии затрагиваются во многих работах, посвященных анализу рукописных источников, многие аспекты письменной нормы все еще нуждаются в исследовании.

Анализируя отражение орфографической нормы в текстах деловой письменности различной территориальной приуроченности, ученые довольно часто говорят о неустойчивости нормы, ее высокой вариативности. Именно нестабильность норм правописания допускает прямое и косвенное отражение в письменных памятниках особенностей произношения создателей текста и позволяет с достаточной степенью достоверности реконструировать фонетическую систему того или иного говора (см., например, работы К.Д.Новоселовой [Новоселова 1958], А.К.Вашенко [Вашенко 1961], Л.А.Захаровой [Захарова 1968-6], С.Э.Мазо [Мазо 1970], Г.А.Христосенко [Христосенко 1975], Л.Ф.Копосова [Копосов 1971, 2000] и др.).

Сибирская деловая письменность, как и любая локальная, содержит написания, соответствующие общерусским орфографическим нормам, и отступления от них.

“Отличительными признаками написаний, соответствующих местной норме, – пишет Л.Ф.Копосов – следует считать их *употребление в текстах разных жанров и составленных разными категориями писцов*, независимо от их профессии, социального статуса и опыта работы с деловыми документами, а также достаточно *высокая час-*

тость этих написаний. Абсолютные показатели не имеют при этом решающего значения: соотношение общерусских и местных вариантов может меняться в зависимости от жанра памятника, его хронологической отнесенности и других условий” [Копосов 2000: 26].

Тексты деловой письменности XVII в. отличаются высокой вариативностью не только орфографической нормы, но и лексической, и словообразовательной. В деловой письменности Приенисейской Сибири на лексическом и словообразовательном уровне, как и в орфографии, наблюдаются употребления, соответствующие общерусским образцам, и отступления от них, обусловленные территорией бытования памятника и спецификой документального жанра, поэтому для достоверности лингвистического исследования памятников прошлых эпох необходимо вскрыть связь типа нормы с жанрами документальных источников. Исследование и описание жанрового разнообразия сибирской деловой письменности необходимо также для определения специфических жанровых признаков с сравнении с европейской частью страны или установления их полной идентичности.

Таким образом, грамотность была достаточно распространенным явлением среди русского населения Приенисейской Сибири, что позволяло комплектовать штаты писцов, не прибегая к помощи Москвы. В то же время степень орфографической выучки писцов в силу географической оторванности от культурных центров Московского государства даже среди профессионалов была недостаточно высокой. Профессиональная компетентность создателей документов, а также высокая вариативность графико-орфографических норм способствовали отражению в деловой письменности особенностей живой разговорной речи.

1.5 О классификации памятников разных жанров и дифференцирующих признаках лингвистической ценности источников региональной исторической лексикографии

Для ориентации исследователей в обилии сохранившихся памятников XVII в. и целенаправленном их отборе в соответствии с разрабатываемой темой необходима четкая и максимально полная классификация источников. К сожалению, до настоящего времени общепринятой лингвистической классификации памятников деловой письменности не существует, хотя попытки создания предпринимались не

раз. Так, еще в 1964 г. Н.И.Тарабасова в работе “О некоторых особенностях языка деловой письменности” [Тарабасова 1964: 157–172] указала на возможность двух планов изучения древнерусских памятников: 1) план традиционно-жанрового выражения и 2) план выражения конкретно-языковых особенностей автора. Подобный подход позволил автору выделить в источнике 2 типа фактов: 1) устойчивые языковые факты и трафареты (клаузулы), которым следует писец, исполняющий задание и 2) индивидуальные языковые факты, свойственные одному памятнику. “Учет этих фактов, – пишет автор, – помогает раскрыть реальные лингвистические свойства источника и представить источник в его целостности” [Тарабасова 1964: 160]. Отмечая, что актовые материалы не однородны по отражению в них индивидуального начала, Н.И.Тарабасова предлагает разделить письменные источники на две большие группы – собственно делопроизводство (грамоты, кабалы, писцовые книги и др.) и переписка (челобитные, памяти, грамотки), взяв за основу принцип наличия или отсутствия соотношения “пишущий – адресат”. Между этими видами деловой письменности выделяется еще и переходный тип (сказки, расспросные речи), в котором личное, выступая в чужой передаче, становится констатирующим. Таким образом, в основу классификации памятников деловой письменности Н.И.Тарабасова кладет *проявление индивидуального начала*: в делопроизводственных текстах индивидуальное выносится на второй план, поскольку оно выражается произвольно, в переписке же индивидуальное начало проявляется сразу, так как исходит от самого писца.

В начале 70-х годов XX в. проблема классификации лингвистических источников получила дальнейшее развитие в трудах С.И.Коткова, С.С.Волкова, А.Н.Качалкина и др.

С.И.Котков, например, разграничивая понятия “деловой” и “приказный” язык, предложил разделить все памятники деловой письменности на три группы: актовые, эпистолярные и статейные, включающие также и вести-куранты [Котков 1972-а: 44; он же 1980: 74–75]. Деловой язык, по мнению С.И.Коткова, представляет собой понятие более емкое, а потому должно включать и эпистолярную письменность, и статейные списки, и вести-куранты, в то время как за приказным языком следует закрепить только стандартные акты.

Иную систематизацию текстов деловой письменности предложил С.С.Волков, который считал, что при лингвистической класси-

фикации необходимо исходить из *социальной значимости* того или иного документа, то есть учитывать общественное положение и значение того органа (или лица), от имени которого оформляется данный акт, а также кому он адресован, а затем принимать во внимание информативность (сферу использования) и форму данного акта, поскольку именно эти факторы определяют их языковые особенности. С этой точки зрения деловая письменность XVII в., по мнению С.С.Волкова, может быть разделена на 2 группы: официально-деловую (общегосударственную, правительственно-административную) и частную (частно-деловую и эпистолярную) [Волков 1974: 8]. Официально-деловые акты отражают как интересы всего общества, так и взаимоотношения между отдельными социальными группами, отношения верховной власти к различным социальным слоям и их отдельным членам. Частно-деловая письменность раскрывает отношения между отдельными членами общества: работодателем и работником, между лицами одной социальной группировки, членами семьи и т.д. Сюда же С.С.Волков включает разного рода личные, бытовые, хозяйственные или производственные записи. Таким образом, различия лингвистического характера обусловлены противопоставленностью двух типов памятников, что вполне согласуется с разработанными критериями.

Еще один подход к проблеме классификации письменных источников находим в работе А.Н.Качалкина. Автор выдвигает в качестве основополагающего принципа классификации памятников *учет происхождения писцов*. Такой подход предопределил деление памятников на две группы: “1) написанные на местах московскими людьми, по инициативе центра и для центра, но по необходимости с привлечением местных людей; 2) бумаги, составленные местными дьячками, грамотными старостами, выборными из местного населения таможенными и кабацкими головами” [Качалкин 1972: 107]. Однако и данная классификация не может охватить все разнообразие сохранившихся памятников.

Мы разделяем мнение Л.Ф.Копосова, который полагает, что классификация источников “должна быть *множественной* (выделено нами – Л.Г.), основанной на разных признаках, вследствие чего та или иная разновидность памятников будет иметь *набор признаков*, определяющих ее лингвистическую ценность, т.е. составляющих ее максимально полную лингвоисточниковедческую характеристику” [Ко-

посов 2000: 42–43]. Из общих для письменных памятников дифференцирующих признаков Л.Ф.Копосов выделяет “датированные и не датированные рукописи; оригиналы и списки; документы, содержащие сведения о писцах и не дающие таких сведений; по назначению – общегосударственные и частно-правовые; тексты, написанные писцами центральных учреждений, и местные документы; предельно стандартизованные документы и памятники, содержащие разнообразный переменный материал” [Копосов 2000: 43]. Однако и этот перечень не исчерпывает всех возможных характеристик письменных источников делового содержания.

Исследователи локально приуроченных памятников рассматривают деловой язык XVII в. как определенный тип речи, который “характеризуется сложным процессом кодификации языковых средств на разных уровнях языковой системы” [Бондарчук, Кузнецова 1988: 18]. Высшей *формой организации этого типа речи является жанр*, который демонстрирует процесс закрепления в деловой письменности специфических языковых средств. Следуя за Качалкиным под жанром документа понимаем “класс документов, объединенных общей текстовой модальностью” [Качалкин 1988, II: 22] и обладающих такими ведущими признаками, как самоназвание, структура (формуляр) и содержательная часть. “Связуя оформляющую и содержательную части, название документа наиболее ярко реализует модальное, жанровое значение текста в целом” [Качалкин 1988, II: там же].

Общую текстовую организацию памятника составляют два констатирующих признака языка деловой письменности – лексический состав и синтаксический строй. Для лексикографического описания традиционно наибольший интерес представляет лексический состав памятников определенного жанра, в то время как синтаксический строй рассматривается в качестве вторичного – “фонового” признака жанра. Синтаксический строй памятников деловой письменности различной территориальной приуроченности на сегодняшний день исследован недостаточно и пока не стал предметом специальной лексикографической разработки, хотя появление словаря синтаксических конструкций деловой письменности XVII в. представляется актуальным.

Жанровые свойства определяются принадлежностью текста к конкретному типу памятников деловой письменности и, по нашему мнению, должны учитывать следующие признаки:

- целевая заданность текста, которая реализуется в его лексическом составе;
- делимость на самостоятельные элементы плана;
- смысловая и структурная целостность;
- последовательное расположение составных компонентов текста;
- наличие устойчивых сочетаний и формул, употребление которых в рамках данного контекста обусловлено целевой заданностью текста;
- проницаемость, то есть возможность замены отдельных слов и устойчивых словосочетаний;
- присутствие таких типов конструкций, которые определяют общую синтаксическую организацию конкретного текста.

Для лексикографического исследования необходимо помимо названных выше учитывать и *жанровые особенности* памятника, и *объем* рукописи, и даже *степень сохранности*, то есть целый ряд признаков лингвистического и нелингвистического порядка. Только *учет всех признаков в совокупности* позволит определить лингвистическую ценность каждого конкретного письменного источника.

Исследование текстов деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. подтверждает мнение исследователей памятников других территорий [Котков 1980: 10; Малышева 1997: 8] о том, что *между жанром источника, его формой, местом и временем создания и лингвистической содержательностью* существует безусловная зависимость, поэтому на начальном этапе анализа рукописных источников представляется необходимым изучить особенности того делопроизводства, сферу которого представляет конкретный текст.

В основу настоящего исследования положен формальный подход к жанровой классификации рукописных документов *по ведомственному признаку* – материалы воеводского и таможенного делопроизводства рассматриваются *раздельно*, поскольку съезжие (приказные) и таможенные избы осуществляли разные управленческие функции, что отразилось и в самих текстах.

Дифференцированное изучение рукописных памятников, созданных в разных канцеляриях, позволило определить отличительные черты в текстах одного жанра. Так, общим для таможенного и приказного делопроизводства является жанр *отписки, росписного списка, счетного списка, челобитной* (частично) и др. При общей целевой за-

данности каждого конкретного вида текстов, а также при одинаковой структуре четко прослеживается различие в отношении данного текста к другим документам этой же делопроизводственной сферы, а также в лексическом наполнении. Например, *счетные списки* составлялись как при смене воевод, так и при смене таможенных голов и представляют собой своего рода ревизии дел предшественников. Однако источником воеводских счетных списков являлись только приходно-расходные книги, в то время как при составлении счетных списков таможенных голов использовались не только приходно-расходные, но и таможенные десятинные книги. Счетные списки воевод часто включают комментарии по поводу излишка или недостатка денежных средств, хлебных, соляных и прочих запасов, в них нередко можно найти записи о состоянии первичных документов, о необоснованных приписках, подчистках, исправлениях. Воеводские счетные списки иногда содержат сведения и о начетных денежных средствах, соляных, хлебных припасах, мягкой рухляди и т.п. В таможенных счетных списках представлен счет только одной мягкой рухляди, реже дается счет одновременно денежной и соболиной таможенной казны, пояснительные записи в них почти не встречаются. Таким образом, вполне очевидно, что различие в данных памятниках, принадлежащих одному жанру (разные источники, наличие / отсутствие комментирующих текстов), обусловлено именно спецификой *приказного* и *таможенного* делопроизводства, что позволяет говорить не только об одном жанре, но и его разновидностях.

Немаловажное значение в лингвистическом источниковедении имеет изучение формы документа, позволяющее “определить меру детерминированности и меру свободы в письменно-деловой практике отдельного писца и, быть может, осветить вопрос об отражении в актовой письменности живых языковых процессов” [Алексеев 1988: 208].

Формулярный анализ материалов деловой письменности Приенисейской Сибири позволил определить соотношение в текстах элементов приказного и разговорного языка в его общерусском и региональном проявлении. Языковое своеобразие каждого конкретного текста в свою очередь обусловлено его жанровой характеристикой. Для реконструкции объективной языковой ситуации в XVII в. считаем целесообразным исследовать памятники деловой письменности в зависимости от их жанровой принадлежности, поскольку “смешение

различных по социальной значимости и по функционированию актов приводит лишь к искажению реальных языковых отношений” [Волков 1972: 106].

Жанрово дифференцированный подход к изучению общерусских и региональных памятников делового содержания в последнее время получил активную поддержку исследователей. Так, в научной литературе глубоко и всесторонне описаны такие жанры деловой письменности XVII–XVIII вв., как десятины [Юрасова 1973], сельскохозяйственные книги [Астахина 1974], отказные книги и грамоты [Котков 1969; Ващенко 1982, Никольский 1998], челобитные [Волков 1974; Майоров 1987], книги городского дела [Котков, Бражникова 1982], поручные записи [Токмачева 1984], писцовые книги [Филиппова 1964; Попова И. 1997], кабальные книги [Ващенко 1975; Зиновьева 2000]. Больше всего внимания уделено таможенным книгам XVII–XVIII вв. различных регионов Московского государства [Котков 1972-6, Качалкин 1973, Коткова 1976, Палагина 1978, Владимирова 1983, Баракова 1995, Малышева 1997, Мордкович 2000, Захарова 2002].

Однако многие жанры деловой письменности пока еще не исследованы и не введены в научный оборот, такие как, например, отписки, товарные росписи, проезжие, дозорные книги, переписные и шертовальные книги, послужные списки, допросные речи, сказки и др. Введение в научный оборот ранее не описанных жанров деловой письменности и накопление информации, полученной при их детальном исследовании, позволит создать более совершенную лингвистическую классификацию памятников.

Лингвистическая ценность памятников определяется в зависимости от характера исследования: один и тот же жанр может оказаться высоконадежным источником для одного типа исследования и бесперспективным для другого. Например, именные книги, переписные, шертовальные, представляя концентрированный массив разнообразных антропонимов, могут дать надежный материал для описания антропонимической системы русского языка или для создания соответствующего словаря отдельного региона. В то же время для иных лексикологических исследований ценность подобных книг крайне низка из-за лексического однообразия и повторяемости форм. Таможенные книги содержат богатейшие перечни номинативной (преимущественно) и атрибутивной лексики, что позволяет их рассматривать как цен-

ный источник для разного рода лексикологических изысканий. Ценность этих же книг для морфологических и словообразовательных исследований значительно уменьшается из-за шаблонности представленных в них грамматических форм. Лингвистическая ценность таможенных книг для лексикографических разработок также невысока из-за отсутствия в них развернутых контекстов, что в ряде случаев затрудняет определение лексического значения слова.

Отражение в памятнике элементов живой разговорной речи обусловлено не только жанровой принадлежностью текста, но и степенью стандартизации конкретных жанров, которая может быть различна. При высокой степени стандартизации проникновение в текст элементов живой разговорной речи в ее общерусском, а тем более региональном проявлении весьма затруднительно, в то время как низкая стандартизованность позволяет отразить в письменном виде живую речь писца (заказчика) с минимальным искажением. Полнее разговорная речь представлена в расспросных речах, сысках, сказках, челобитных. Низкой степенью отражения особенностей разговорной речи характеризуются росписные, счетные списки воевод и таможенных голов, отписки, ясачные соболиные, шертовальные книги и др.

Представляется актуальным определение не только лексикологической, но и лексикографической ценности текстов разных жанров, которые могут использоваться в качестве источников для различных типов словарей.

Для каждого типа словаря необходимо определить базовые (первичные) жанры и дополнительные (вторичные). Для словаря топонимов, например в число базовых источников следует включить книги дозорные, переписные, ясачные (книги сбора ясака), содержащие богатую информацию не только о собственно топонимах, но и о географической номенклатуре конкретного региона. Вторичными источниками для топонимического словаря могут служить воеводские отписки и челобитные служилых людей о походах “в разные земли”. Задача лексикографа при разработке определенного словаря использовать как можно больше первичных источников для получения наиболее полных и достоверных сведений. Опора только на вторичные источники требует от составителей привлечения неоправданно большого количества текстов, существенно увеличивает сроки создания словарей.

Таким образом, для определения лингвистической ценности того или иного текста делового содержания необходимо учитывать целый комплекс дифференцирующих признаков, включающих и его жанровую принадлежность, и заданные возможности лингвистического описания, обусловленные жанром.

Итак, исследование материалов деловой письменности XVII в. позволило определить особенности организации делопроизводства в таможенных и приказных избах городов и острогов Приенисейской Сибири, которые выразились в следующем:

- штаты приказных и таможенных изб формировались не только за счет подьячих, присылаемых из европейской части страны, но в большинстве своем за счет грамотного местного населения, преимущественно служилых людей;

- формирование подьяческих династий, преемственность в делопроизводстве способствовали созданию собственно сибирских традиций в ведении документации, в оформлении документов разных типов, позволяли сохранять единообразное исполнение в течение длительного периода;

- для делопроизводственных учреждений Приенисейской Сибири характерно двухчастное квалификационное деление подьяческих штатов (молодые и средние подьячие);

- исследованные рукописные материалы, а также различные исторические источники позволяют сделать вывод о достаточно высоком уровне грамотности сибирских первопоселенцев, однако распространенность грамотности среди населения и степень орфографической выучки писцов – понятия неравнозначные: довольно часто памятники наглядно демонстрируют невысокий уровень владения правописными нормами даже штатных делопроизводителей, что можно объяснить удаленностью от культурных центров европейской России;

- разработанные нами критерии позволяют разделить всех писцов, создателей памятников делового содержания, на две группы – профессионалы и непрофессионалы;

- сопоставительный анализ текстов, написанных профессионалами и непрофессионалами, показал, что деление писцов на две группы не дает оснований для соответственного деления текстов на грамотные / малограмотные: во всех текстах (независимо от авторства) наблюдаются отступления от складывавшейся орфографической нор-

мы, мотивированные и немотивированные закономерностями развития языка; в текстах, написанных профессионалами, ошибки и опiski отмечаются в значительно меньшем количестве, чем в других текстах;

– высокая вариативность деловой письменности XVII в. на всех уровнях языка способствовала включению в тексты элементов живого разговорного языка, в том числе и в его региональной разновидности;

– отражение в текстах особенностей живой речи писца или заказчика обусловлено жанровыми возможностями памятников и степенью орфографической выучки писцов;

– для определения лингвистической ценности памятников разных жанров необходимо учитывать весь комплекс дифференцирующих признаков, который позволит решить проблему классификации источников для любого вида лингвистического исследования;

– для реконструкции исходного состояния русских говоров Сибири и их лексикографического представления целесообразно создание корпуса словарей различных типов, которые в совокупности дадут достоверную картину далекого прошлого;

– словарь определенной целевой заданности должен опираться прежде всего на базовые (первичные) жанры;

– для определения *базовых и дополнительных жанров* необходимо тщательное исследование и подробное описание памятников всех жанров, представленных в деловой письменности Сибири и Европейской части страны.

Глава II. МАТЕРИАЛЫ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ XVII в. КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

I. ВОЕВОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

1.1 Функции сибирских воевод как экстралингвистическое условие формирования жанровой принадлежности текстов делового содержания

Формирование в Русском государстве приказной системы по времени совпало с началом присоединения Сибири, управлять которой в силу большой географической удаленности от центра было достаточно трудно, поэтому здесь рано сложилось своеобразное областное деление. Основной единицей административного деления в Сибири в XVII в., как и в европейской части страны, стал уезд. Одной из специфических сторон управления было то, что “царское правительство не нарушало внутреннюю организацию аборигенных народов, а стремилось опереться на нее, таким образом, привлекая на свою сторону местную знать. Поэтому уездное деление Сибири опиралось с одной стороны на систему русских военно-административных центров и крестьянских поселений, а с другой – на родоплеменную организацию аборигенного населения края” [Копылов 1965-в: 82].

Уезды на обширной территории Сибири объединялись в более крупные административно-территориальные единицы – разряды. “Само обозначение “разряд” (Разрядный приказ в Москве ведал военной службой дворян) указывает прежде всего на военные полномочия администрации разрядного города, превосходящие полномочия подчиненных ей уездных воевод. Военные функции разрядной администрации дополнялись дипломатическими: в условиях отдаленности от центра она имела право самостоятельных сношений с южными кочевыми соседями России” [Вершинин 1998: 16]. К 1677 г. в Сибири сформировались 4 разряда: Тобольский, Томский, Енисейский и Ленский. Енисейский разряд, в который вошли Енисейский, Мангазейский и Нерчинский уезды, фактически сложился уже к середине XVII в. В 1681 г. к нему был присоединен Красноярский уезд.

Однако особенности социально-экономического и политического развития, а также большая удаленность от центра обусловили некоторую специфичность местного управления. Органы сословно-

представительного управления русского населения находились здесь в зачаточном состоянии, поэтому вся полнота власти сосредоточилась в руках разрядных и уездных воевод.

Двойная административная подчиненность уездных сибирских воевод – Сибирскому приказу в Москве, с одной стороны, и сибирским разрядам – с другой, была необычна для Русского государства и встречала их активное сопротивление, что нашло отражение в многочисленных отписках и судебных разбираательствах.

В то же время, как отмечают исторические источники, четкого распределения прав и обязанностей между разрядными и уездными воеводами не существовало. Сибирские воеводы вообще обладали более широкими полномочиями, чем воеводы в европейской части страны, что было обусловлено удаленностью Сибири от центра Русского государства, а также почти полным отсутствием сословного самоуправления у русского населения.

Сибирский воеводский аппарат, установленный специальным указом 1627 г., состоял из воевод, дьяков, подьячих с приписью и письменных голов. В большинство городов Приенисейской Сибири назначался один воевода, только в Мангазею в течение длительного периода присылалось по два воеводы, несмотря на вышедший регламентирующий указ.

Воеводы в уездные города, как правило, назначались вместе с товарищами, в качестве которых выступали вторые воеводы, дьяки или подьячие с приписью, что зависело от ранга города. Особенно сибирской системы воеводства было то, что в качестве товарищей воевод довольно часто назначались воеводские сыновья: “родственные отношения имели еще большое значение в государственной службе” [Чичерин 1856: 76]. В большинстве городов воеводы опирались на штат подьячих местных приказных изб.

Хотя многие уездные дела решались коллегиально, воевода все же имел большие полномочия, чем воеводские товарищи. Так, только воевода держал городские ключи, заведовал военными делами, осуществлял военные распоряжения. Только воевода “печатал” все дела, поскольку только в его распоряжении находилась государева печать, находившаяся в приказной избе. Только воевода имел право хранения ключей от пороховой и свинцовой казны.

Как отмечает П.Буцинский, “в своем уезде по делам управления, суда и хозяйства каждый воевода имел большие полномочия. Особен-

но в первое время, когда права и обязанности воевод не были строго определены и когда им предписывалось “делать всякие дела по своему высмотру и как Бог на душу положит” [Буцинский 1999: 228].

Права и обязанности уездного воеводы в Сибири охватывали организационно-административные, военные, судебные, полицейские, финансовые, хозяйственные и все другие стороны управления, “вплоть до дипломатических отношений с правителями соседних народов” [Копылов 1965-в: 84].

Являясь начальником воинского гарнизона, воевода обязан был заботиться о вооружении и боеприпасах, обеспечивать выплату денежного и хлебного жалованья служилым людям, отслеживать военнo-стратегическую обстановку. В обязанности воеводы входило строительство и ремонт вверенных острогов и различных оборонительных сооружений. Занимался воевода и “проведыванием новых земель”, расширяя территорию уезда.

Не менее важную роль играл воевода в качестве главы гражданской администрации, обеспечивая регулярные поступления в казну ясака с аборигенного населения и податей с русского тяглого населения. На воеводе лежала ответственность за развитие в уезде различных промыслов и торговли, за расширение пашни, за устройство в государеву пашню крестьян, ссыльных и всяких гулящих людей. Кроме того, воевода осуществлял контроль за деятельностью таможенных и кабацких голов и целовальников, часто превышая свои полномочия.

На местах, принимая воеводство от предшественников, новые воеводы получали печать города, городовые и острожные ключи; уложенную книгу (после 1649 г.), прежние приказы и грамоты, всю текущую документацию; именные списки служилым и “всяким жилецким” людям для пересмотра их “на лицо”; приходные и расходные книги государевой казне и припасам; ясачные книги, по которым собирался ясак; все судебные дела, находившиеся в приказной избе; огнестрельный снаряд, порох, денежную казну, хлебные и другие запасы. Все запасы обыкновенно взвешивались, перемерялись, сверялись с записями в соответствующих книгах и оформлялись в виде специальных документов. Обязанности контролирования при этом возлагались на подьячих и целовальников.

Управление уездом осуществлялось через аппарат съезжей (приказной) избы, слободских приказчиков и родоплеменную знать ясачного населения.

Каждая сфера деятельности воевод нашла отражение в определенных жанрах деловой письменности, которые представляют лексический состав говоров первопоселенцев достаточно полно и разнообразно. Так, административная деятельность отразилась прежде всего в тех обязательных документах, которые составлялись при смене воевод (росписные, городовые, счетные списки) или были связаны с текущей деятельностью (отписки, строельные, переписные, дозорные книги) и др. В подобных памятниках уровень стандартизованности, как правило, высок: тексты имеют устойчивую структуру и оформляющую часть, насыщены трафаретными выражениями, закрыты для проникновения элементов разговорного языка. Структурным и лексическим однообразием характеризуются документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность воевод (сметы, пометы, книги денежного сбора), лексический состав памятников данной группы существенно отличается от текстов, появление которых обусловлено административной деятельностью воевод. Большой интерес представляют материалы, отражающие судебную сферу деятельности воевод: изветы, сыски, расспросные и допросные речи. В содержательной части этих текстов отмечается множество элементов, связанных с живой разговорной речью, что делает эти жанры особенно ценными источниками для региональной исторической лексикографии.

Таким образом, становится очевидным следующий факт: насколько широки функции воевод, настолько разнообразны виды деловой письменности, поскольку каждая сфера деятельности находит отражение в соответствующем документальном жанре, имеющем свою оформляющую часть и содержательное выражение.

1.2 Структура и штаты съезжих (приказных) изб

Делопроизводство центральных приказов в исторической литературе представлено достаточно хорошо, по сравнению с ними "деятельность местных канцелярий допетровской эпохи освещена гораздо слабее" [Качалкин 1988, I: 19], а потому данные по делопроизводству приенисейских канцелярий, думается, восполнят некоторые пробелы в общей картине местного делопроизводства.

Важнейшим административным учреждением в уезде была съезжая, или приказная, изба. Анализируя деятельность местных канцелярий допетровской эпохи, А.Н.Качалкин рассматривает съезжую и

приказную избу как *разные*, хотя и сходные, учреждения (“сходным с приказной избой местным учреждением была съезжая изба”), отмечая в то же время, что “в исторической литературе названия этих двух учреждений употребляются как синонимы” [Качалкин 1988, I: 20]. В памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири на протяжении XVII в. используется как первое, так и второе название, причем название “съезжая изба” используется в текстах примерно до 1675 г., после чего повсеместно употребляется название “приказная изба”. Полагаем, что во всех документах речь идет *об одном* (не двух!) административном учреждении, функции которого с течением времени расширялись.

В съезжей (приказной) избе хранились ключи от города и тюрьмы, государственное имущество, взимались налоги, разбирались судебные дела, принимались челобитные, выдавались проезжие грамоты, составлялись хозяйственные и финансовые книги. В приказной избе создавались, накапливались и хранились разнообразные документы. “В ней составлялись ответы в центральные приказы, обсуждались и решались административные вопросы местного значения, разбирались споры, велись допросы, записывались со слов местных жителей изветы и сказки об особенных событиях, взимались налоги – и все это фиксировалось на бумаге, отражалось в документах, часть которых отсылали, часть сохраняли, особо нужные переписывали для длительного хранения” [Качалкин 1988, I: 19–20].

Аппарат съезжей избы состоял из дьяка или подьячего с приписью, нескольких подьячих, писцов, “запечного мастера” и сторожа. Подьячие обычно ведали делами отдельных столов (ясачного, хлебного, денежного, судного), которые “всегда образовывались только по функциональным признакам, соответствовавшим основным отраслям местного управления” [Демидова 1987: 156].

Количество столов в разных уездных городах и в разные годы было неодинаковым и зависело от значимости приказного учреждения и наличия кадров. Так, в Енисейске, по свидетельству документов, никогда не было менее 4–5 столов; количество подьячих не превышало 2–3 человек, в то время как число “пищиков” иногда достигало 10 человек. Красноярская приказная изба имела 3 стола (денежный, хлебный, ясачный), а штат подьячих и писцов в разное время колебался от 1 до 5 человек.

Обязательными для всех уездных приказных изб были столы: *денежный*, в котором хранились приходные и расходные денежные книги, счетные списки, списки сметные и пометные присыльным товарам, различные росписи, таможенные книги всякого денежного прихода и расхода, а также государственная денежная казна – деньги, мягкая рухлядь, соляной запас; *хлебный* занимался учетом прихода и расхода хлебных запасов, соли, вина, что нашло отражение в приходо-расходных книгах, сметах и пометах, умолотных и выдельных книгах; *ясачный* вел учет ясачного населения и занимался сбором государственного ясака, поэтому в ведомстве этого стола находились таможенные книги десятинному соболиному сбору, ясачные соболиные книги, книги именные ясачного сбора, книги переписные ясачным людям, книги чиновные и крестоприводные. Кроме названных, в документах отмечаются еще *судный* и *ямской* столы. В компетенцию судебного стола входил сбор судебных пошлин, хранение “вершених дел”, ведение записных книг судебным и приходным делам, сбор явочных, изветных и прочих челобитных. В материалах ямского стола значатся книги пашенным крестьянам, которые ездят с подводами, книги дощаничным и варовым припасам, разгонные книги и др.

Деятельность столов не была строго регламентированной: “дела распределялись по столам без всякой правильной системы; в этом, как и во всем выражалось то отсутствие порядка, которым отличалась администрация Московского государства” [Чичерин 1856: 101]. В рамках компетенции одного стола могли находиться документы различного содержания, что объясняется малокомплектностью штатов. Например, в архиве денежного стола енисейской съезжей избы (1653 г.) значатся дела об “убойстве”, о непристойных речах, изветы, челобитные, а судебный стол в 1656 г. занимался ведением и собственно судебных дел и делами судового промысла (строительство и оснащение судов). В Красноярском денежном столе помимо денежных приходных и расходных книг находились челобитные, выписи и “иные какие дела”.

Штаты подьячих, ведавших столами, были различны “смотря по знатности города и по количеству дел” [Чичерин 1856: 101].

Главным лицом в приказных избах Приенисейской Сибири в зависимости от статуса города был *дьяк* или, чаще, *подьячий с приписью*. Приписные подьячие не только оформляли сметные и пометные списки, контролировали правильность ведения документации и подтверждали подлинность особо ценных документов, но и выполняли

различные административно-хозяйственные поручения воевод: вели воеводскую переписку, собирали налоги. дозирали уездные волости, разведывали и описывали "новые землицы". В отдельных случаях, "за малолюдством", подьячие с приписью могли выполнять обычную письменную работу.

Кроме приписных подьячих в памятниках делового содержания в качестве товарища воеводы упоминается и *письменный голова*, отвечавший за письменную работу в целом. Письменный голова имел право на ведение самостоятельной переписки с вышестоящими инстанциями, что свидетельствует о высоком статусе этой должности.

Всю текущую письменную работу, включая копирование документов, выполняли молодые подьячие и дьячки, в обязанности которых входило написание "черных" книг и трафаретных расписок, подсчет отдельных расходных статей.

Объем обрабатываемой документации уездной канцелярии был столь велик, что кадров постоянно не хватало. В 1684 г. енисейский воевода К.О.Щербатов писал: "дель <...> безмерно много а подьячих старых и молодых с пишкии толко 12 члвкъ" [РГАДА, ф. 214, ст. 153, л. 356]. Сведения о недостатке кадров в съезжих избах содержатся и в других документах [РГАДА, ф. 214, ст. 190, лл. 139–140; ст. 470, лл. 257–258, ст. 963, л. 234 и др.].

Формирование штатов приказных изб Приенисейской Сибири происходило за счет подьячих, присылаемых из разных московских приказов, за счет отстраненных от дела ссыльных подьячих, за счет грамотных служилых людей из числа пеших и конных казаков, за счет перераспределения подьяческих кадров между приказными избами, при этом рядовой состав исполнителей документов набирался, как правило, их числа местных жителей.

Таким образом, структура приказных изб соответствовала основным направлениям их деятельности. Начиная со второй половины XVII в. отмечается постепенное усложнение структуры в связи с расширением задач государственного управления.

Описывая областные учреждения России XVII в., Б.Чичерин отмечает, что "в делопроизводстве не было ни законом установленного порядка, ни общих письменных форм для бумаг и отчетов, ни постоянных сроков для производства дел и переписки с высшими властями. Все определялось обычаем и удобством" [Чичерин 1856: 270]. Особенно большое значение "обычай и удобство" имели в делопроизвод-

стве сибирских канцелярий, изолированных от делопроизводственных центров Московского государства. Несмотря на отсутствие специального закона, регламентирующего формы делопроизводственных материалов, в приенисейских канцеляриях формируются и поддерживаются виды документов, структурно совпадающие с документами европейской части страны. Постепенно в течение XVII в. складывается определенная оформляющая часть, обусловленная целевой заданностью и жанровой принадлежностью текста. К концу периода в деловой письменности Приенисейской Сибири наблюдаем достаточно четко выраженную систему жанров с набором определяющих признаков на уровне оформляющей и содержательной части.

II. ЖАНРЫ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

2.1 Жанры приказной документации. Общая характеристика

Жанровые свойства того или иного текста определяются набором признаков, среди которых особенно большое значение имеет *структура* документа, *делимость* на самостоятельные элементы, наличие характерных для данного жанра *формул*. “Исследование структуры документа, его формуляра, типов составляющих его обязательных формул, позволяет, во-первых, более четко представить специфику данного типа документов, установить закреплённость определенных лексических, фразеологических, синтаксических средств за отдельными формулами и, в целом, структурными частями текста; во-вторых, обнаружить проявления живого разговорного языка как в формулярной части документа, так и в содержательной” [Мальшева 1997: 147].

В последние годы при исследовании памятников делового содержания XVII–XVIII вв. широкое применение получил метод, основанный на первоначальном изучении особенностей *формы* того или иного жанра с последующим выявлением зависимости языкового материала от особенностей жанра [Дерягин 1980; Волков 1981; Багрянцева 1986]. В то же время используемая в лингвистических работах терминология характеризуется неупорядоченностью: не всегда различается содержание таких понятий, как *шаблон* – *формуляр* – *трафа-*

рет, формула – трафарет – клаузула [Тарабасова 1964; Дерягин 1971; Волков 1974; Багрянцева 1986]. Терминологическая нечеткость, вызванная “разнообразием актового материала, различием структуры актов и их содержания” [Малышева 1997: 150], требует уточнения некоторых терминов, используемых в настоящей работе.

Каждый отдельный памятник, независимо от объема, мы рассматриваем как *текст* в самом общем виде, обладающий определенной *структурой* и комплектом *формул*. При этом под структурой понимаем набор и последовательное расположение составных частей.

В структуре любого текста четко выделяются *начальная часть*, основная *содержательная часть*, которая является “смысловым ядром рукописи” [Рождественский 1979: 110] и *заключительная, или конечная, часть*. Начальная и заключительная части документа составляют оформляющий текст, который в пределах одного жанра взаимообусловлен и относительно стабилен.

Все структурные части текста имеют собственное внутреннее строение, обусловленное конкретным жанром.

Памятникам одного жанра присуще использование определенных устойчивых языковых средств, которые принято называть *формулами*: “Это часть текста, выраженная словосочетанием или предложением (как простым, так и сложным), которое имеет устойчивую синтаксическую структуру и относительно постоянный словарный состав и отличается обязательностью присутствия в целом ряде документов соответствующей разновидности” [Багрянцева 1986: 102]. Таким образом, определяющим признаком *формулы* является постоянство лексического состава, устойчивость синтаксических конструкций и воспроизводимость в текстах одного жанра.

Исследование памятников деловой письменности показало, что наиболее устойчивым элементом любого жанра является *структура текста*, тогда как набор и состав формул со временем может меняться. Сохранение структуры текста обусловлено сложившимися традициями местного делопроизводства, в основе которых лежали образцы московских приказов. Употребление формул, как и отбор лексических средств, зависели от языковой и делопроизводственной компетентности писцов.

Для определения жанровых особенностей текста и отбора источников в соответствии с задачами разрабатываемого словаря рассматривается структура памятников, устанавливается набор формул,

определяется лексический состав содержательной части, представляющей наибольший интерес для лексикографического исследования.

Деятельность съезжих (приказных) изб отразилась в огромном количестве документов, разных по своей значимости, содержанию, объему. Сохранность всех материалов достаточно хорошая, так как все они были пересланы в Сибирский приказ, где были оформлены должным образом: сгруппированы по разным признакам (территориальному, хронологическому, видовому) и сшиты в книги, в составе которых дошли до наших дней. Документы, оставшиеся в местных приказных избах, к сожалению, не сохранились. Исключением являются 4 источника, оставшихся от архива енисейской приказной избы, полностью сгоревшего; в настоящее время они хранятся в Архиве СПбФИРИ РАН в фонде 110 (Поездная коллекция).

Как уже отмечалось, большинство документов связано с той или иной сферой деятельности воевод, поэтому полагаем целесообразным разделить все памятники на соответственные типы: материалы, отражающие административную деятельность воевод: *рописные списки, счетные списки, наказные памяти, отписки* и проч.; материалы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность: *сметы, пометы, книги именные выдачи жалованья, описные книги рыбных ловель* и др.; материалы, отражающие отношения с аборигенами края: *шертовальные записи, ясачные книги*; материалы, отражающие судебную функцию воевод: *изветы, сыски, челобитные* и др.

В основе объединения текстов по названным группам лежит экстралингвистический фактор, однако лингвоисторический анализ показал, что данные группы различаются степенью стандартизованности, характером оформляющей части, лексическим наполнением и синтаксической организацией текста. Так, материалы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность, как правило, имеют наиболее четко выраженную шаблонную структуру, лексический состав представлен в виде номинативного перечня общеупотребительных слов, региональные особенности представлены незначительно, преимущественно в топонимике. Памятники, отражающие судебную функцию, наоборот, при соблюдении всех требований к оформлению документа более свободны в содержательной части и открыты для проникновения элементов разговорной и диалектной речи, что особенно важно для региональной лексикографии.

2.2 Памятники, отражающие организационно-административную деятельность воевод

2.2.1 Росписные списки

Росписные списки воевод крайне слабо представлены в научных исследованиях историков [Оглоблин 1895; Иванов 1979: 75–81]. Не описаны росписные списки и в лингвистической литературе, хотя некоторые из них (смоленские, рославльские, чердынские) использованы в качестве источника для Словаря русского языка XI–XVII вв. [Словарь... Указатель 1975: 126]. Между тем росписные списки содержат ценные лингвистические данные, а также богатые сведения по истории материальной культуры сибиряков.

Росписные списки – это особые документы, которые составлялись воеводами при передаче городов. Это своеобразные акты передачи, в которых фиксировалось состояние дел в городе или остроге, наличие денег, военных, хозяйственных и других припасов на момент приезда нового воеводы. Несмотря на то, что в городах и острогах Приенисейской Сибири смена воевод проводилась регулярно, росписных списков сохранилось очень мало, все они относятся ко второй половине XVII в.: по г. Енисейску – 4 (1650 г., ст. 335; 1683 г., кн. 817; 1688 г., кн. 940; 1700 г., кн. 1148), по Мангазее – 4 (1653 г., ст. 322; 1700 г., кн. 1140; 1702 г., кн. 1422; 1704 г., кн. 1422).

Объем росписных списков различен – от 5 до 40 листов, исписанных с обеих сторон. При общем структурном оформлении они различаются объемом содержательной части.

Рассмотрим один из наиболее полных росписных списков по Енисейску за 1683 г., составленный при передаче города от воеводы А.П.Салтыкова воеводе К.О.Щербатово [РГАДА, ф.214, кн. 817, лл. 1–41].

Текст начинается характерным, довольно развернутым предисловием, в котором содержится и самоназвание документа: “*Лѣта 7191 г августа в 21 де по гсдрвымъ црвымъ и всяких кнзе Иоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержецъ указу и по грамотѣ из Сибирского приказу за приписю дьяка Семена Румянцова въ Енисейску в приказной избѣ боярину и воеводе кнзю Константину Осиповичю Щербатово отдал воевода Александръ Петровичъ Салтыковъ печать великих гсдреи Енисѣи-*

ского города книгу уложенную Енисейской острог и башни и острожные ключи и наряд и пушки и пищали и желе и свинец и в гддрве казне денги и ясачную и десятинную соболиную и всякую мяхкую рухлядь и присыльные и покутные товары и холсты и винокурную медную всякую посуду и по книгам доимочные денги и хлеб и в гддрвых житницах въ Енисейску и в уезде в острогах и в деревнях хлебные запасы и въ Енисейску же в погребѣ вино и гддрвы грамоты и наказы и приходные и расходные денгамъ и хлебу и соли книги и смѣтные и помѣтные и городовои списки и погодно к великимъ гддремъ к Москвѣ и в города и из городов и из острогов в столпѣхъ отписки и служилымъ людямъ и бѣломѣстнымъ казакомъ и пашеннымъ крстьяномъ и ясачнымъ людямъ имянные и иные записные книги и расходные столпы и судные и приводные и татинные дѣла в столпахъ и тюремнымъ сиделцомъ роспись и всякие гддрвы дѣла и дощаникомъ и лоткамъ и парусомъ и всякимъ судовымъ припасомъ записные книги за приписью подячего Богдана Софоновъ и всякую великихъ гддрей казну а сколько чего отдал и то писано в семь рописномъ списке порознь” [РГАДА, ф.214, кн. 817, л. 1].

Если начальный формуляр (развернутый или усеченный) представлен во всех росписных списках, то конечный формуляр обнаружить не удалось. В выявленных документах текст заканчивается без специального оформления. В последней текстовой строке вписывается рукоприкладства воеводы и подьячих или только “справа” подьячих: “Иванъ Николея Александра Альковсково по ево велѣнию руку приложилъ Седельниковъ руку приложилъ Никифоровъ руку приложилъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 1422, л. 5 об.], “Правили денежного стола Трофимъ Седельниковъ ясашного стола Кирило Гороховъ хлебного стола Борис Суботинъ” [там же, л. 114 об.].

Содержательная часть списков представляет собой подробнейший перечень всего передаваемого имущества, который начинается описанием приказной избы: “приказная изба на подклете строенье столыника и воеводы Михаила Приклонского а в нем образы <...>”. В другой (старой) приказной избе помимо образов хранились государева печать царства Сибирского г. Енисейска; книга Уложенная печатная, наказы прежних воевод (перечислены имена всех предшественников). В приказных избах “всякие государевы дела по столам”: денежному, ясачному, хлебному, ямскому, судному. Подробное описа-

ние документов прошлых лет и текущего делопроизводства позволяет более четко определить объем работы и функции каждого стола. Например, денежный стол занимался сбором денег и выдачей жалованья по окладу служилым людям, ружникам и оброчникам; в распоряжении денежного стола находилась государева казна – деньги, товары, соболиная рухлядь, соляной запас. В архиве денежного стола кроме расходных и приходных книг значатся дела судебного характера: “дело о покраденых животах, что покрадены у сына боярского у Ивана Перфирьева”; “дело даурского колодника Демки Подреза, что у него взял даурской воевода Федор Военков соболи и деньги и камень”; “дело о прииску руд и жемчюгу”; “дело черного попа Капитона о выморочных животах”; “дело изветное красноярского толмача Ивашки Красикова на Григорья Ермолаева с товарищи во всяких их неправдах”. Здесь же дела об убийстве, о непристойных речах, о пожогех двора и живота, об отбое подвод, различные сказки, записки, изветы, челобитные.

Ясачный стол занимался сбором десятой пошлыны с соболиного промысла, а также государева ясака с коренного населения Енисейского уезда. Этот стол вел учет ясачных людей, приводил местное население к присяге на верность государю.

Хлебный стол ведал приходом и расходом хлебных запасов, соли, вина, пороха и свинца, что отражено в соответствующих приходно-расходных книгах, книгах умолотных, сметах и пометах.

Среди документов судного стола указаны: “столп судных пошлинных вершенных дел”, “столп всяких дел и записок и челобитья”, “столп приводных и татинных и убивственных дел разных годов”, “столп кабальных дел” и др.

В ямском столе хранились именные книги “пашенным крестьяном которые ѣздять с подводами за Маковской волокъ”.

После описания дел приказных столов в обязательном порядке следует:

1) ропись наряда: “енисеиского дѣла пушка медная весом пятнацать пуд мерою три аршина три вершка тоболской присылки пушка медная весом одиннацать пуд и с вертлюгомъ мѣрою два аршина пять вершковъ <...> да к нимъ двѣсти ядер пушечныхъ” (л. 19 об.); “сорокъ одна пищаль и мушкетовъ с замками и с ложми, семь ствольовъ ломаныхъ и горѣлых и починиват не годяцца <...> пятдесят

бердышей да сто шездесят пикъ долгих шездесять полупикъ да восьмьдесят копей желѣзныхъ” (л. 20 об.);

2) описание острога: “кругом шестьсотъ дватцать одна сажень с полусаженью и в томъ числѣ подгнилого острогу семдесят сажень с полусаженью а по тому острогу восемь башен <...> у пяти воротъ запоры и пробой желѣзные з замками и ключами а у трех наугольных башен запоровъ и замковъ нѣтъ” (л. 20 об.). Указано также место расположения старого острога и причины его разрушения: “а тотъ острог подгнил и розвалился мало не вес”, “водою подгнилои острог рознесло” (л. 20).

На территории нового острога, как это видно по росписному списку, находились: погреб винный и зелейный тройной с выходом, анбар “о дву житьях”, воеводский и житейный двор, кузница, прядильня, таможня, лавки. В росписном списке подробно описывается имущество погребов, анбара, воеводского двора, что особенно важно для лексикографического описания памятника. За городской стеной находилась государева винокурная поварня и мельница. Рядом с острогом по берегам рек Мельничной и Лазаревки расположился речной флот и сарай с различными судовыми снастями. Заканчивается росписной список именованным перечнем тюремных сидельцев.

Другие известные нам списки не столь подробны, но включают как обязательные элементы содержательной части следующие клаузулы: описание приказной избы и делопроизводственных документов; описание острога; роспись наряда; роспись казны – денежной, собольиной, товарной; роспись хлебных запасов; описание двора воеводы со всеми хозяйственными постройками; роспись судовых припасов. В отдельных росписных списках помимо указанных статей отмечается, например, роспись церковной утвари (ен., 1683 г.), роспись церковного леса (манг., 1702 г.), именной список аманатов (манг., 1702 г.), опись гербовой бумаги (там же).

Росписные списки характеризуются высокой лексической содержательностью и потому являются важным источником изучения словарного состава русского языка в его местной разновидности.

Лексический состав росписных списков достаточно разнообразен, в них нашла отражение лексика таких тематических групп, как предметно-бытовая, административная, военная, метрологическая, лексика строительного дела, судового промысла и др.

Привлекает внимание лексика, связанная с различными видами местных промыслов – судового, пушного, винокуренного и др. Например, лексика судового промысла включает наименования судов (*барка, дощаник, каюк, лодка набойница, лодки однодеревая, набойница, павозок, струг*) название снастей (*бечевы, веревки завозные, дрововые, подчальные, веретно якорное, завоз варовой, парус, плахи денные, райна, сапец, шеймы, якорь* и др.), название процессов (*конопать, обсушка, приплав*).

Винокуренный промысел представлен в росписных списках лексемами: *воронка, ведро деревянное, кадка, кадь, ковш двоечарочной, водочертной, лагун, наливка ведерная, ушат, яндова медная*.

Особенно богата и разнообразна в росписных списках, лексикотематическая группа “Жилище”, в пределах которой можно выделить наименования типов жилищ (*двор воеводский, дом, изба, хоромы*), названия жилых (*горница, комната, подклет*) и хозяйственных построек (*анбар, баня, денник, житенка, казенка, клетка, мишаник, мыльня, поварня, чулан*), устройство жилищ (*башня, ворота створные, вход, вывод, дверь, творило, лестница, окно, окончина, передсенье, перила, стена, спуск, чардак* и др.). В большинстве своем это предметная лексика, в меньшем объеме представлена лексика атрибутивная, глагольная.

Целевая заданность текстов (регистрация инвентаря) исключает развернутые контексты и затрудняет в ряде случаев возможность толкования слов, хотя в отдельных документах отмечаются записи, уточняющие значение лексем: “ручка деревянная что моют тчаны”, “крюк которым на прядилне бечевы спускают” (ср. “крюк котельной”), “ломок чем из судов скобы вынимают”.

Сведения, извлеченные из росписных списков, позволяют расширить представления о лексическом составе русского языка в его местной разновидности. Среди локально окрашенной лексики, например, можно отметить следующие: *дрог* – ‘фал для поднятия паруса’; *жабка* (мельничная) – ‘отверстие в жернове для веретена’; *заплот* – ‘деревянная ограда, забор’; *заступ* – ‘железная лопата’, *казенка* – ‘кладовая, чулан’; *лагун* – ‘бочонок для кваса или пива со специальным отверстием’; *наливка* – ‘черпак’, *напарья* – ‘большой бурав’; *наручи* – ‘запястья, поручи’; *ноги* – ‘снасти, которыми укрепляют маты с бортов’; *павозок* – ‘род речного судна’; *переруб* – ‘бревенчатая перегородка в избе’; *райна* – ‘жердь, к которой привешиваются паруса’;

сапец и *сопец* – ‘руль’; *творило* – ‘подъемная дверь в погреб или на чердак’; *тиска* – ‘вываренная в пресной воде береста, сшитая в полотнища’; *шейма* – ‘якорный канат’ и др.

Некоторые слова по данным диалектным словарей XIX–XX вв. характеризуются как “сибирские”: *жабка*, *заплот*, *лагун*, *набойница*. Отдельные слова связаны с южновеликорусскими говорами: *казенка*, *налевка*, *наручи*, *творило*. Большая часть локально окрашенной лексики севернорусского происхождения, что обусловлено историей заселения бассейна Енисея: *дрог* (арх., помор.), *клеть* (арх.), *напарья* (арх.), *навозок* (арх., помор.), *переруб* (холм.), *поветь* (волог., вят.), *пролуб*, *пролубный* (арх., вят.), *райна* (арх., помор.), *стая* (вят., перм., помор.), *шейма* (арх., онеж.).

Отмечены в росписных списках немногочисленные случаи, характеризующие связь русских первопоселенцев с коренным населением, например, *тиска* – ‘вываренная в пресной воде береста, сшитая в полотнища, используется для покрывания лодок, чумов’ (остяцк.: Даль; турух.: Цомакион).

В трех словосочетаниях отмечаются специальные значения, не зафиксированные словарями: *волк железной*, *спица мельничная*, *колода водяная*. Судя по контексту, можно предположить, что последнее словосочетание обозначает ‘долбленое корыто, желоб, используемый в винокурном промысле’ (ср. у Даля “колода водопойная – большое корыто грубой отделки для месива и поила” [Даль 1955, II: 138]).

Анализ содержательной части росписных списков показал, что лексическую основу текстов составляют слова общеупотребительные. Значительно меньшую часть представляет локально окрашенная лексика, среди которой преобладают лексемы, связанные с севернорусскими европейскими говорами. Южнорусские элементы отмечаются редко и преимущественно в текстах конца XVII – начала XVIII вв., что свидетельствует об относительно позднем их проникновении на территорию Приенисейской Сибири.

Таким образом, росписные списки воевод ввиду их лексикотематического разнообразия следует отнести к достаточно ценным источникам для построения региональных словарей как общего типа, так и специальных.

2.2 Счетные списки

Счетные списки – второй обязательный и достаточно важный акт, составляемый воеводой при приеме воеводства. В этих документах отражена деятельность воевод по хранению, приходу и расходу денежной, хлебной, соляной и соболиной казны. Как правило, “счет” производился за все время предыдущего воеводства, а иногда и за несколько воеводств” [Оглоблин 1895: 22]. По территории Приенисейской Сибири сохранилось относительно небольшое количество счетных списков: по Енисейску – 13, по Красноярску – 4, по Мангазее – 7.

Воеводские счетные списки, в отличие от таможенных, составлялись по приходно-расходным книгам, а не десятинным, и включали различного рода комментарии по поводу наличия хлебных, соляных и прочих запасов. Опора на исходный материал обусловила двухчастную структуру счетных списков: первая часть включает сведения *о приходе* денежной, хлебной, соляной казны, вторая часть содержит информацию *о расходе* государевой казны.

Структура и оформляющая часть исследованных счетных списков не отличается разнообразием, колебания в употреблении формул и устойчивых сочетаний незначительны.

Начальным элементом оформляющей части является развернутое предисловие, в котором выделяются следующие постоянные компоненты: 1) дата проведения счета; 2) сообщение, по чьему указанию проводится счет; 3) должность и имя проверяющего; 4) период, обстоятельства (причины) ревизии; 5) перечень документов, подвергнутых проверке. Например: “Лѣта 7393 2 (7157 = 1649) сентября въ К (20) де | по гсдрву црву и великого князя Алексеѣя Михайловича указу и по наказу боярина и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова да стольника и воеводы князя Ивана Семеновича Гагарина да дьяков Дмитрея Карпова да Третьяка Василева | подячей Яковъ Ивановъ считаль в Мангазѣискомъ городе воеводу Якова Тухачевсково | с приѣзду ево в Мангазѣю да по ево смерть а сна ево Василя с тѣхъ мѣсть как онъ учаль послѣ отца своего у дѣла быт да по приѣздъ писмянново головы Ондрѣя Секѣрина и по свои | по приходным и по расходным книгамъ августа съ А 2 (1) числа РНЕ 2 (155 = 1647) году да июня по КЗ (27) число РНС и (156 = 1648) год в гсдрве денежной казнѣ и хлебных и в пушечных и во всякихъ запасах и в ясачной и в поминоч-

нои и во всякои мяхкои рухляди в приходе и в росходе а что по тѣмъ приходным и расходным кнгамъ денегъ и хлѣбныхъ и всякихъ запасов и мяхкои рухляди в приходе и в росходе и в остатке и то писано в семь счотномъ списке порознь по статьямъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 322, л. 68].

После предисловия идет счет *прихода* денежной казны за один год, отмечается, откуда и в каком количестве поступила казна. Затем следуют аналогичные записи о приходе хлеба, соли и проч. Часто дословно передается содержание книг, подвергнутых счету: “в приходной кнге ·РНЕ· (155 = 1647) году августа съ ·А· (1) числа написано воевода Яков Тухачевской заѣхал в Малгазѣю в гсдрве казнѣ и принял у прѣжнево воеводы у князя Петра Ухтомсково денегъ налицо” [РГАДА, ф. 214, кн. 322, л. 69].

Следующий раздел счетного списка – о *расходе* денег, хлеба, соли.

Приходные и расходные статьи существенно различаются по характеру оформления и лексическому наполнению. Если записи о приходе представляют собой итоговые записи по каждой статье, то записи расхода носят более детальный характер: “за наимъ Олферка Павѣлова с товарищем к воеводе к Ондрию Федоровичю в стан хвои насечи и наслати дано обоимъ восемь алтнѣ две денги”; “за наимъ на Енисейском волоку воеводе Андрию Федоровичю шалаш поставити под его людеи наиму дано десет алтнѣ” [РГАДА, ф. 214, кн. 26, л. 306], “куплено у Гришки Мезенца полтретя цети гвоздей железных на гсдрвы аманатские каюки к салцам и к тягамъ дано восмнатцат алтнѣ [там же, л. 310], “куплено у Тимофия Костеника две тиски на карбась сотнику Ивану Патракиеву дано полтину” [там же, л. 310 об.], “дано земьскому диячку Ююдину Петрову годового наиму дватцет рублев денег что он писал всякие гсдрвы дела и земские” [там же, л. 311], “отпущены старые тубинские аманаты в Тубу на дорогу дано им на кормъ гривна” [РГАДА, ф. 214, кн. 847, л. 141 об.], “плотники Петрушка Василевъ с товарищы дѣлали чеснокъ около бухарского двора за работу им дано дватцат алтын”, “куплена лошад у подячево у Алексѣя Собакина подгороднымъ ясачным иноземцом на кормъ дано два рубли” [там же, л. 142].

Заканчивается годовой счет статьей о проверке соболиной казны, причем не только подробно рассматривается количество прихода

и расхода, но и даются сведения о количестве ясачных людей по во-
лостям.

В конце года подводится итог остаточным деньгам, хлебу, соли.

За следующий год счет повторяется по определенному ранее
порядку, что образует своеобразную закольцованность текста.

В текстах счета можно найти записи, поясняющие отступления
от общего порядка расхода денег, например: “и в тои даче передал не
по государеву указу <...> сверх окладу <...>”. Если в процессе счета
никаких нарушений со стороны старого воеводы не обнаружено, то
новые воеводы отмечают в счетном списке по каждой статье отдельно
или в общем заключении, что “все принято сполна”.

В отдельных счетных списках содержатся замечания о состоя-
нии исходных документов ” – приходных и расходных книг, в кото-
рых “в именах и в годах и в месячных числах и в даточных статьях
скребено да меж строк приписано”, “а по скребеному ничего не напи-
сано <...> и в дву местех лист задран” [РГАДА, ф. 214, кн. 151, лл.
277, 278].

К счетным спискам воевод примыкают дьяческие и подьяческие
счетные списки, которых сохранилось крайне мало: один текст по
Енисейску [РГАДА, ф. 214, кн. 908] и один текст по Мангазее [РГА-
ДА, ф. 214, ст. 218] (для сравнения: воеводских счетных списков –
24). Одной из причин появления данных текстов является отдельная
проверка дьяков и подьячих с приписью, обусловленная несовпадени-
ем сроков “сидения” воевод и дьяческого состава. Составление этих
документов, как отмечает Н.Оглоблин, “не было обязательным и по-
явление их всегда вызывалось какими-либо особыми причинами”
[Оглоблин 1895: 29].

По содержанию дьяческие счетные списки целиком совпадают с
воеводскими. Структура текста также аналогична рассмотренным
выше: предисловие, затем счет денежной, хлебной и соляной казны. В
отличие от воеводских счетных списков в дьяческих обнаруживается
проверка “церковных запасов” (церковного вина, воску, ладану), го-
рячего вина, меду, мягкой рухляди и проч.

Как свидетельствуют исследованные материалы, мангазейских и
енисейских дьяков проверяли не их преемники, а другие лица, что
обусловлено особыми обстоятельствами. Так, мангазейского дьяка
Богдана Обобурова считал присланный из Тобольска письменный го-
лова Александр Коковинский и подьячий Парфен Максимов [РГАДА,

ф. 214, ст. 218], а енисейского дьяка Ивана Юдина считали его подчиненные – подьячие приказной избы, перед которыми стояла особая цель – проверить деятельность И.Юдина в связи с поступившими на него многочисленными жалобами с обвинениями “во многих винах”. После проверки Юдин был “бит батоги” и выслан к Москве [РГАДА, ф. 214, кн. 908].

Счетные списки отличаются достаточно высокой степенью стандартизованности. Лексическое наполнение счетных списков в их расходной части сближается с росписными списками воевод, но менее разнообразно. Здесь представлена преимущественно номинативная лексика, причем количество лексем ограничено определенными тематическими группами: названия денежных единиц, названия единиц измерения, названия шкур пушного зверя, названия хозяйственного инвентаря и пр. В отступлениях от стандартного текста можно встретить глагольную лексику, а также существительные и прилагательные, выходящие за рамки лексико-тематических групп, обычных для счетных списков. Как лексикографический источник счетные списки менее интересны, чем росписные, поскольку они лишь подтверждают наличие в лексической системе говоров сибирских первопоселенцев слов, уже известных по другим источникам.

2.2.3 Городовые списки и росписи наряда

Городовые списки представляют собой годовые отчеты сибирских воевод о состоянии подчиненных им городов. Н.Оглоблин разделяет городовые списки на два типа: 1) тексты с преобладающим описанием городских укреплений; 2) перечни наряда по укреплениям и разных предметов государственной казны (подробные и краткие) [Оглоблин 1895: 32]. Однако если брать во внимание самоназвание документов, их объем и лексическое наполнение, то следует говорить не о двух типах городских списков, а о двух самостоятельных, хотя и содержательно близких, жанрах – *городовых списках и росписях наряда*. В городских списках представлено описание укреплений городов и острогов, дается перечень припасов зелейного погреба и государевых житниц. В росписях описания заменяются перечнем наряда.

Структура исследованных городских списков одинакова и в принципе соответствует структуре большинства текстов административного содержания.

Оформляющая часть начинается развернутым предисловием, в котором указывается дата составления списка, дается краткий перечень воинского наряда предыдущего воеводы. Самоназвание текста представлено в преамбуле в двух вариантах: “*список всякому городо-вому строению и наряду*” и “*городовой список*”, причем первое разорвано именованием царственных особ, а второе завершает вступительную часть: “·РОЕ· (175 = 1667) году список великого гедря цря и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца и гедря блговѣрнаго црвча и великого князя Алексѣя Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии и гедря блговѣрнаго црвча и великого князя Феодора Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии и гедря блговѣрнаго црвча и великого князя Симеона Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии и гедря блговѣрнаго црвча и великого князя Иоанна Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Енисѣйского острогу всякому городовому строению и наряду пушкамъ и пищалемъ затыннымъ и мушкетомъ и пушечнымъ запасомъ зеля и свинцу что во ·РОЕ· м (175 = 1667) году столникъ и воевода Кирило Аристарховичъ Яковлев принял у воеводы Василя Голохвастова наряду и в зелеиномъ погребѣ пушечныхъ запасовъ и что во ·РОЕ· м (175 = 1667) году при столнике и воеводе Кириле Аристарховиче Яковлеве построено въ Енисѣйскомъ остроге и в уезде остроговъ и надолбъ и застѣкъ и наряду пушекъ и пищалей и что в приходе пушечныхъ запасовъ зеля и свинцу и то писано в семъ городовомъ списке порознь” [РГАДА, ф. 214, кн. 505, л. 271].

В конце XVII в. в городских списках объем предисловия заметно сокращается и начинает употребляться самоназвание “перечневая смета”.

Основное содержание городских списков разбито на статьи в соответствии с содержанием: описание острога; оборонительные сооружения в уезде; описание наряда по предыдущему росписному списку и по наличию на момент описания; перечень наряда, посланного в разные остроги; расход пушечных запасов и проч.

Заключительная часть как таковая отсутствует, сразу после текста городского списка стоит рукоприкладство воеводы и припись подъячих.

Опорными словосочетаниями, которые устойчиво используются во всех городских списках, являются следующие: “острог строения

воеводы <N>”, “а по острогу <S> башен”, “острог мерою кругом <S> аршин”, “в <nn> уезде от приходу воинских людей в слободах в деревнях в разных местах поставлено”, “всего кругом острогов и в уезде и на перелазех”, “и в том числе”, “по воинским вестям”, “всего вышло в росход”.

Городовое строение описывается во всех памятниках примерно одинаково, расхождение обусловлено реальной ситуацией: “а по острогу шесть башен проѣзжих ворота створные двѣ башни глухих а башни построены с верхними и с середними и с нижними бои и со всяким боевым строением” [РГАДА, ф. 214, кн. 583, л. 188], “и у проѣзжих башен подѣланы ворота створные у трех башен подѣланы выше облатов кругом брусных клѣток перила и покрыти тѣ всѣ башни тесом двоинным” [там же, л. 189].

Среди всех городовых списков выделяется текст 1686 г., в котором кроме всех обязательных компонентов отмечается раздел с описанием знамен и барабанов: “знамя большое городовое полотняное в середине орел двоеглавыи знамя полковое кумашное в середине орел двоеглавыи два знамени новые строене боярина и воеводы князя Костянтина Щербатова перьвое знамя середина полотняная в средине крсть китаичатой черной и поля кумачные красные другое знамя середина полотняная в средине крсть кумачной красной каимы китаика черная знамя дорогилное средина лазоревая в средине крсть и поля желтые [РГАДА, ф. 214, кн. 842, л. 33], “шесть барабанов новых два барабана старых оставлено въ Енисѣйску в казнѣ великих гедрей” [там же, л. 33 об.]. В этом же списке отмечается год изготовления пушек, чего нет в других памятниках: “пушка мѣдная ядромъ двѣ гривеньки длина три аршина семь вершковъ в неи вѣсу дватцат один пуд девят гривенок вылита в РПД м (184 = 1676) году [там же, л. 31].

Городовые списки и перечневые сметы описывают не только город, но и все остроги уезда, при этом порядок описания и структура статьи одинаковы.

Росписи наряда начинаются предисловием, которое структурно несколько отличается от предисловия городовых списков, здесь на первом месте стоит самоназвание, разорванное титулованием царственных особ, дата ставится в конце предисловия: “Роспис великого гсдря цря и великого князя Алексеѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца и гсдря блговѣрного црвча и велико-

го князя Феодора Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии и гсдря блговѣрнаго црвча и великого князя Иоанна Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии Красноярского острогу огненному наряду и пушечнымъ всякимъ запасомъ зелью и свинцу 'РОИ' з (178 = 1669) году" [РГАДА, ф. 214, кн. 543, л. 142].

Основу статьи содержательной части составляют слова: "пищаль (*вестовая, витая, гладкая, длинная, медная, полуторная, полковая*) а к ней по счету <S> ядер железных". Кроме пищалей в росписях дано описание пушек, количества ручного и пушечного зелья. В росписи 1694 г. отмечается необычная статья о вестовом колоколе: "на Спаскои башнѣ колокол вестовой вѣсомъ девятнацать пуд тритцат два фунта" [РГАДА, ф. 214, кн. 1057, л. 66 об.].

В росписях, как и в городских списках, наблюдаются пояснительные записи, которые представляют особый интерес благодаря полноте контекста: "а пушек в тѣх гсдрвых острогах нѣтъ а послать нечево а без пушек и без затинных пищалей в тѣх новых острогах быть немошно к тѣмъ острогамъ кочуют поблиску немирных земель болшие люди" [РГАДА, ф. 214, кн. 317, л. 34], "у заднево шурупа селина скрозная к стрельбе не годитца" [РГАДА, ф. 214, кн. 505, л. 273], "для осадного времяни выкопан колодез" [РГАДА, ф. 214, кн. 583, л. 201 об.], "и тот порох и свинец он Тит в казну великих государей не принашивал" [РГАДА, ф. 214, кн. 847, л. 175 об.], "и тот острог подгнил" [РГАДА, ф. 214, кн. 618, л. 273].

Городовые списки и росписи наряда представляют большой интерес для лексикографических построений, поскольку концентрированно представляют военную лексику, в том числе и терминологическую, например, название боевых орудий и их деталей (*бердыш, винтовка, карабин, копье, мушкет, пика, полупика, пистолет, пищаль медная полуторная в станку на колесах, пищаль ручная, пищаль затинная, пищаль тюфяк дробовой, пищаль витая, гладкая, чешуйчатая, пушка медная, вестовая; замок, ложе, ствол, стволина*), название укреплений (*засека, надолбы двойные, надолбы с наметами, чешнок*). В текстах с разной степенью детализации дается описание устройства острогов: *башня проезжая, башня глухая с верхними, средними и нижними бои, бойницы, ворота створные, выводы, острожные стены к надолбам, обламы, клетки брусяные, перила, полати, катки*. Представлены в текстах и единицы измерения длины (*аршин*,

вершок, сажень печатная) и веса (*гривенка, полугривенка, пуд, полупуд, фунт*).

Уездные городовые списки содержат большое количество локальных топонимов (*деревни Большая Елань, Казачий Луг; слобода Дубчаская; остроги Ангарский, Балаганский, Баргузинский, Кемский, Красной Яр, Нерчинский, Селенгинский; реки Белая, Тасеева, Тынгу-ска, Усолка, Шилка; озера Байкал, Иргень*), что позволяет использовать их в качестве достаточно информативного источника для разработки региональных топонимических словарей.

Сопоставление городских списков разных лет позволяет проследить изменения в строительстве острогов и оснащении их боевым снаряжением, расширение охраняемой территории.

Таким образом, городовые списки и росписи наряда могут стать надежным источником лексикографического описания военной лексики, обладающей национально-культурным компонентом.

2.2.4 Наказные памяти

Наказные памяти (наказы) – документы, которые выдавались служилым людям “для отправления порученного им дела” [Оглоблин 1895: 41]. Воеводских наказов сохранилось немного, поскольку, как правило, они оставались на руках у исполнителей, а в Сибирский приказ попадали лишь в особых случаях. Небольшие по объему, тексты отличаются богатым и разнообразным содержанием, так как выдавались в связи с самыми разными поручениями: отправка в новые земли на розыск серебряной руды, корня ревеня, разведывания намерений кочующих инородцев и проч. Лучше других сохранились наказания, выданные ясачным сборщикам, например, Ваське Горемыкину, посланному мангазейским воеводою в Вилуйское зимовье для сбора ясака в мае 1641 г. или черкашенину Сидору Степанову, отправленному на реку Вилуй. Особой ценностью обладают прилагаемые к наказам росписи государевым товарам, посланным на жалованье иноземцам.

Структура наказов традиционна. Оформляющая часть содержит начальную и конечную диспозитивные формулы, которые отличаются высокой степенью устойчивости. Так, начальная формула содержит полную дату (год, месяц, число), указание, по чьему указу определяется задание (государеву, воеводскому, дьяческому), самоназвание

документа, адресат. В отдельных текстах вместо самоназвания может употребляться глагол *велел* (*велели*). Примером типовой начальной оформляющей части может служить наказная память мангазейским служилым людям о посылке на реку Вилюй для ясачного соболиного сбора 1641 г.: “Лѣта ·ЗРМ·ѣ · (7149 = 1641) мая в ·Л· (30) *де* по гсдрву црву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память вилюискимъ ясачнымъ зборщикомъ мангазѣискимъ служилымъ людемъ Василю Михайлову Горемыкину Микифору Павлову Богдану Оболтину” [РГАДА, ф. 214, ст. 328, л. 198]. Или другой вариант: “Лѣта ·ЗРМ·ѣ (7140 = 1632) марта въ ·Д· *де* по гсдрву црву и великог князя Михаила Федоровича всеа Руси указу воеводы Василеи Олексѣевич Давыдов да Дмитриеи Федорович Клокачов велѣли ѣхат из Мангазѣиского города в Мангазѣиской уѣздъ *вверхъ* по Енисѣю рѣке до Усть Подкаменной Тунгуски рѣки на заставу <...> мангазѣискому стрелцу Васке Горемыкину да закаменному ясачному зборшыку Мишке Казанцу” [РГАДА, ф. 214, ст. 328, л. 44].

Конечная формула оформляющей части во всех текстах повторяет самоназвание документа и свидетельствует о приложении печати лица, давшего наказ: “к сеи памяти гсдрву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси *печат* земли сибирския Мангазѣисково города приложил воевода кнзь Микита Михайлович Борятинской” [РГАДА, ф. 214, ст. 328, л. 198], “к сеи памяти атаман Осифъ Алексѣевъ *печат* свою приложыл [РГАДА, ф. 838, ед. хр. 9, л. 2].

В содержательной части, обусловленной конкретной ситуацией, излагается предписание, что следует выполнить тому или иному получателю наказа. Если задание требует длительного времени исполнения, то указываются все основные этапы и условия выполнения задания. Так, при посылке “в дальние землицы” участникам похода предписывалось “идти на брацких людех с великим береженьем <...> с крепкими сторожами наперед *велет* *иттит* *пятма* члвком добрымъ въ ертоуле а назаде *велѣт* *столко* жи *пятма* члвком *иттит* а на сторонах *велет* *иттит* в карауле по два члвка для тово чтоб брацкие или тынгуские люди безвѣсным приходом над вами дурна какова не учили” [РГАДА, ф. 214, ст. 328, л. 204].

Лексическое наполнение содержательной части наказных памятей богато и разнообразно: здесь в большом количестве представлена глагольная лексика, что существенно повышает ценность данных па-

мятников в качестве лексикографических источников. Повелительный фон текста поддерживается большим количеством инфинитивных форм глагола: *ехать, быть, велеть, взять, видеть, держать, заказывать, играть, изымать, иттить, обыскивать, описать, оставить, отдавать, отогнать, отписать, переписать, повоевать, подать, послать, поставить, привести, призывать, прокликать, промышлять, пущать, сказывать, смирить, смотреть, спрошать, ставиться, стретить, унимать, ходить* и др., в то время как форм собственно повелительного наклонения немного: *выберите, отпишите*. Имена существительные представляют такие лексико-тематические группы, как названия промышленного зверя (*бобр, куница, лисица, соболь*), названия домашних животных (*верблюд, корова, лошадь, овца*), типы жилищ и поселений аборигенов края (*юрта, улус*), названия воинских доспехов (*пансырь, шелом*) и оружия (*копье, лук, пицаль, сабля*) и др.

В наказной памяти В.Горемыкину о походе на захребетную реку Вилюй “для прииску новых неясашных землиц” 1640 г. богато представлена этнонимическая и топонимическая лексика, что особенно ценно для региональной лексикографии: *шелогоны, огольцы, фувляги, калтакулы, мургаты; реки Вилюй, Олекма, Тунгуска; Вилюйский хребет*.

В наказных памятях можно встретить слова, имеющие выраженную разговорную окраску: *доправить, похочет, поспрошать, приваживать, учнет, однолишно, однононешно, неоплошно, повольно, покаместа, усторожливо*.

Отмечаются в памятях и устойчивые сочетания: *беречь накрепко, давать суд и сыск и оборонь, давать на поруки, держать ласку, держать привет, дутчие люди, по вся годы, под государевою высокою рукою, сказать государево жалованное слово* и др.

Памяти обладают еще одним бесспорным достоинством – завершенными синтаксическими конструкциями, что способствует достоверности определения семантики слова: “и приѣхав на Усть Муки рѣки подыскаѣ у торговаго члѣвѣка в онбарѣ тынгуских соболеи у Микитки Ворыпаева потому что вѣдомо учинилос атаману Осифу Алексьиѣву в инѣшнем во РМИ м (148 = 1640) году до гсдрва ясаку тот Микитка торговал с тынгусами и служылым людѣм и целовалнику отыскивал накрепко [РГАДА, ф. 838, ед. хр. 9, л. 1], “а присмотря мѣсто на том мѣсте поставити острожекъ и боиницы подѣ-

лат и укрѣпити накрѣлко и караул уставити чтобы иноземцы какова дурна и убоиства не учинили и жит бы от них безстрашно” [РГАДА, ф. 214, ст. 328, л. 240].

Таким образом, богатое лексико-грамматическое и синтаксическое наполнение наказных памятей позволяет использовать их в качестве надежного источника для разработки региональных словарей общего типа.

2.2.5 Отписки воевод

Отписки воевод относятся к массовому виду документов и по назначению совпадают с отписками таможенных голов. Сохранилось большое количество отписок, отправленных сибирскими воеводами преимущественно в Сибирский приказ и к разрядным воеводам. Объем этих документов редко достигает 4 листов столбцового формата, наиболее часто встречаются отписки, тексты которых вмещаются на одном листе. Отписки и необходимая документация достаточно регулярно, насколько позволяли обстоятельства, пересылались в Сибирский приказ, а потому хорошо сохранились.

О количестве и содержании отписок можно судить по *рописям дел*, которые удалось обнаружить в массиве документов Приенисейской Сибири. Так, в росписи 1640 г., отправленной в Москву с десятником Петрушкою Дрочевым и Осташкою Спиридоновым, перечислены: “отписка о сыскных и о роспросных и о пыточных рѣчах про аманатов; отписка о сыску про ссыльных людей; отписка о тотарах которые пришли из Киргиз под Красноярской острог жит на старые свои юрты; отписка что дано гсдрва жалования служилым людѣм которые посланы гонцом к Москвѣ” [РГАДА, ф. 214, ст. 91, л. 16].

В отписке красноярского воеводы Л.Поскочина 1690 г. перечислены 22 отписки, одновременно переправленные в Москву вместе “с ясашной соболоиной и поминошной казной”: “отписка о волчье коренье и о звѣробое, о зборѣ поворотных денег, о поставкѣ нового острогу и о крѣпостях, о смертных убоицахъ Костьке да Гаврилке Кольцовых; о красноярскихъ служилыхъ людехъ о збѣге их из Красноярска; о недовозныхъ дватцети лисицахъ к Москвѣ; о неприсылкѣ из Енисѣйска в Красноярской хлѣба и о Марковыхъ книгахъ; о продаже в Красноярском вина и почему придеть по хлѣбном центѣ ведро; о

прихожихъ в Красноярской киргискихъ людей в подданство и впредъ о приемѣ ихъ; о посылкѣ Серешки Кузнецова в моторцы; о высылке красноярцовъ въ Енисѣйскъ” [РГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 348–349]. Писали воеводы о проводывании новыхъ земель, о заготовке леса на дошаники, о выдаче жалованья, о перевозке хлебныхъ, соляныхъ и другихъ припасовъ и под. Даже простой перечень отписокъ показываетъ, насколько разнообразна тематика сообщений, определяющая лексический составъ текстовъ.

Содержание отписокъ представляетъ почти все виды деятельности воеводъ – административную, финансовую, хозяйственную, судебную и пр. Несмотря на стандартность оформления, эти тексты отражаютъ разнообразную лексику какъ в семантическомъ плане, так и в частеречной принадлежности.

Оформляющая часть отписокъ начинается формулой адресата: “гсдрю црю и великому кнзю Михаилу Федоровичю всеа Русии” [РГАДА, ф. 214, ст. 91, л. 10]; “гсдрю црю и великому кнзю Алексѣю Михайловичю всеа Русии” [РГАДА, ф. 214, ст. 274, л. 5]; “гсдрю црю и великому кнзю Алексѣю Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцу” [РГАДА, ф. 214, ст. 635, л. 75]; “гсдну Петру Ивановичю” [РГАДА, ф. 214, ст. 869, л. 70]. Иногда в адресной формуле после имени адресата следуетъ списокъ всехъ благоверныхъ царей: “и гсдрю блговѣрному црвчю и великому кнзю Феодору Алексѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии и гсдрю блговѣрному црвчю и великому кнзю Иоанну Алексѣевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии” [тамъ же].

После формулы адресата следуетъ имя воеводы с уничижительнымъ самоименованиемъ “холопъ твой” и выражение “челомъ бьетъ”.

Такимъ образомъ, структура начальной части отписокъ выглядитъ следующимъ образомъ: государю <N> холопъ твой <NN> челомъ бьетъ; в нынешнемъ во <D> году в твоей государеве грамоте изъ Сибирского приказа за приписью дьяка <N> писано ко мнѣ холопу твоему в <nn> острогъ, велено <что сделать>. Далее идетъ пояснение воеводы о томъ, что сделано, почему не все удалось выполнить и проч.

Воеводские отписки, какъ правило, не имеютъ даты, поэтому она устанавливается косвеннымъ путемъ: по ссылкамъ на полученные указы, грамоты или по содержанию. Дополнительнымъ источникомъ датировки

может служить оборотная сторона отписок, на которой отмечалось, кто и когда подал этот документ адресату.

По содержательной части и характеру конечной формулы воеводские отписки можно разделить на два вида: *информативные* и *сопроводительные*. Первые содержат информацию о текущих делах или ответы воевод на ранее поступившие предписания вышестоящих инстанций. Такие отписки заканчиваются выражением “мнѣ холопу своему что укажешъ” или формулой-обязательством в выполнении поручения: “и мы его Ивана роспросим и *отпишемъ* тебѣ к гсдрю к Москвѣ подлинно” [РГАДА, ф. 214, ст. 259, л. 17], “и мы ту твою гсдрву казну из Енисѣйского острогу в Маковской острожекъ велимъ перевести лѣтнимъ путемъ” [там же, л. 20]. В некоторых отписках в конечной формуле используется выражение: “мнѣ бы холопу твоему от тебя гсдря в опале не быти” [РГАДА, ф. 214, ст. 91, л. 20].

Сопроводительные отписки, как правило, небольшого объема, сообщают о факте пересылки какого-либо документа. Сопроводительный характер отписки подчеркивается конечной формулой, в которой используется и самоназвание документа: “тое их челобитную я холоп вашъ у них принял и послал к вам великим гсдрям <...> к Москвѣ под сѣю отпискою” [РГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 6]; “и тое скаску за своими руками послал я к тебѣ великому гсдрю к Москве под сѣю отпискою с енисейским атаманом” [РГАДА, ф. 214, ст. 1567, л. 4]; “и тѣ их допросные рѣчи за их руками прислал к тебѣ в Тоболескѣ под сею отпискою” [РГАДА, ф. 214, ст. 869, л. 70]. В некоторых сопроводительных отписках после конечной формулы дается приписка: “а отписку и <название отправленных документов> велѣл подать в Сибирском приказѣ вашему великих гсдrei боярину кнзю <N>”.

Характер конечной формулы позволяет отличить жанр отписок от жанра челобитных, имеющих совпадающую с отписками начальную формулу.

Степень стандартизованности содержательной части отписок ниже, чем в других памятниках делового производства. В них содержится богатый лексический материал, поскольку тематика охватывает самые разные сферы деятельности не только воевод, но и всего населения подведомственной воеводам территории. В отписках нашли отражение события, связанные с освоением новых земель, розыском полезных ископаемых, сбором ясака, взаимоотношениями с коренным

населением, нарушением общепринятых моральных устоев, отношениями между разными социальными группами поселенцев и др. Так, красноярский воевода И. Башковский пытается объяснить нежелание ссыльных людей селиться на пашнях следующими причинами: “селим гдри ссыльных людей на пашню непрочно потому гдри что тѣ ссыльные люди многие присылаютца без жен а пашенные крстьяне дочери своих за ссыльных людей и свои брати за крстьянскихъ дѣтей не дают а даютъ они за казаков и за казачьихъ дѣтей и от того в Красноярскомъ ваша великихъ гдрей десятинная пашня запустѣла и ссыльные люди и крстьянские дѣти холостые из Красноярска бѣгаютъ” [РГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 78].

Лингвистическая ценность отписок определяется тем, что в них богато представлена глагольная лексика в разных формах выражения: *зазимовали, откочевали, покупали, летовать, розвоевать, угрожать, женятца, селятца, убью, заклинаю, мучаешь*; номинативная и атрибутивная лексика также представлена в разных падежных формах: *острогу, в остроге, ведра, старостию, старым, в старом остроге* и проч. Разнообразны и синтаксические конструкции.

В отписках нашли отражение различные тематические группы лексики: бытовая (*блюдо, торели*), сельскохозяйственная (*пшеница, рожь, семя конопляное, огурешное, коса литовка, коса горбуша, соха*), название тканей (*сукно, лятчина*), названия растений и их частей (*зверобой, ревень, травка, волчье коренье*), название родственников (*брат, дочь, жена, зять, отец, племянник, свойственник, сродич*).

Разговорная лексика представлена примерами: *почасту, испроворовали, запустели, напахать, подмог*, в то же время диалектная лексика встречается крайне редко.

Отмечаются устойчивые и образные выражения: *напустить кровь, очная ставка*, “*якак им будет мушкетные пульки и вострая сабля на их шеи*” [РГАДА, ф. 214, ст. 1052, л. 109].

Богатство и разнообразие языкового материала делает отписки ценным источником региональной исторической лексикографии.

2.2.6 Переписные книги

Переписные книги представляют собой перепись детей боярских, сотников, атаманов, подьячих, служилых и посадских людей, пашенных крестьян Енисейского острога и уезда. Они содержат све-

дения об общей численности и составе населения, пространственном его размещении. Наряду с крестьянскими и бобыльскими дворами, в переписных книгах отмечены и дворы монастырские, вдов, мастеровых и ремесленных людей, а также их обитатели мужского пола. По территории Приенисейской Сибири сохранилось 9 памятников, не бывших до настоящего времени предметом специального лингвистического исследования. Все книги относятся к Енисейску (острогу, городу) и Енисейскому уезду.

Переписные книги собраны по годам и в переплетенном виде составляют четыре единицы хранения: кн. 527, 1669 г. (4 книги); кн. 580, 1681 г.; кн. 566, 1686 г.; кн. 1390, 1704–1705 гг. (3 книги).

Во всех документах в оформляющей части используется самоназвание “переписная книга”, однако структура и объем предисловия различны. Так, наиболее развернутая вступительная часть отмечается в кн. 527, лл. 226–263. Здесь указывается не только территория, охваченная переписью, но и по чьему указу она проводится, с какой целью: “Книга переписная великого гсдря цря и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца Енисѣйского острогу ясачнымъ людемъ остроговъ и волостей что по указу великого гсдря и по грамотѣ и по отписке ис Томского столника и воеводы Ивана Салтыкова при столникѣ и воеводѣ Кириле Аристарховиче Яковлевѣ переписаны енисѣйские подгородные Кѣтские Рыбенские и Чадобские и братцкихъ нижнягъ и верхняго Балаганского и Иркутского и Байкала озера баргузинского и Ангарского остроговъ и Баунта и Буженѣя озеръ и Витима и Каранги рѣкъ и новогъ Кучидцкогъ острогу ясачныхъ волостей сколько в которой волости ясачныхъ людей и подростьковъ и хто имяны и по сколку с члвка великому гсдрю ясаку и поминковъ платятъ и то писано в сихъ переписныхъ имянныхъ книгахъ по рознь сталями” [РГАДА, ф. 214, кн. 527, л. 226].

Менее развернутое начало находим в кн. 527, лл. 264–273, 345–423: “Книги имянные Баргузинского острогу ясачнымъ людемъ хто имяны и по сколку соболей великому гсдрю ясаку платятъ с пунки и с хвосты”; “РОЗ: з (177 = 1669) году книги переписные енисѣйскимъ посадскимъ людемъ сколько въ Енисѣйскомъ остроге и в уѣздехъ посадскихъ людей и хто что платитъ великихъ гсдrei в казну оброку пятого снопа хлѣба”.

Заканчиваются переписные книги, как правило, рукоприкладством воеводы и скрепой подьячего.

Содержательная часть представлена в виде набора статей. Объединенные общей задачей – дать сведения о населении, статьи каждой книги отличаются структурно и содержательно. Так, в переписи ясачных людей основное внимание уделено информации о том, где, кто и сколько платит ясаку: “новокрещен Ивашко Щербакъ платит ясаку два соболи” [кн. 527, л. 227 об.]; “на реке Енисѣе ж волость Сымыская и Касовская а в неи ясачных людей лутчеи члвкъ Сараико Калганов ясаул Васка Калев Оска Тичкин Белоголов Тимкин Илчекъ Чипкин Ливан Кимкин Тогдын Холень <...> всего дватцат члвкъ помиников платят с члвка по соболю да ясаку по одиннатцат соболеи с члвка с хвосты без пупков” [кн. 527, л. 228]; “на Кѣти рекѣ волость Намцкая а в неи ясачных людей Имкук Логинов стар ясаку платит восемь соболеи Федка Тугулаев стар и хром ясаку платит два соболи с пупки и с хвосты [кн. 527, л. 231].

“Книги переписные Енисейского острогу детям боярским и сотникам и атаманам и подьячим, служилым и всяких чинов жилецким и посадским людям и пашенным крестьянам” [кн. 527, лл. 283–344] имеют структуру статей двух типов:

1) сын боярский (сотник, атаман) <N>, дети у него <имя, возраст>, велено ему быть / поверстан он в <дети боярские, атаманы и пр.> по гсдрве грамоте за приписю дьяка <NN> (в каком году, при каком воеводе), служит с пашни без хлебного жалованья / оклад денег <S>, хлеба <S>;

2) двор <N>, у него дети <имя, возраст, женат / холост>, земля отведена <когда, при каком воеводе, по какому документу> служит с пашни без хлебного жалованья / жалованье.

Указанные структуры не закреплены за типом текста и широко представлены в различных переписных книгах Енисейска: “Евсѣеви Ортемев у нег сын Якунка десяти лѣт у него ж два пасынка Семейка дватцати лѣт Стелка шеснатцати лѣт а велѣно ему Евсееву быт в дѣтех боярских въ Енисѣйскомъ остроге с тюменскимъ окладом по гсдрве грамоте за приписю дьяка Третьяка Василева во РѣѢ (162 = 1654) году служит с пашни без хлѣбново жалованя” [кн. 527, л. 285 об.]; “въ елане дворъ десятника казачья Ивана Болотова <...> служит он Иван с пашни без хлѣбново жалованя” [там же, л. 295].

Тексты содержат богатые сведения о занятиях служилых людей, которые не только охраняли окраины Русского государства, но и пахали землю, занимались делопроизводством в съезжей и таможенной избе, собирали ясак, осваивали новые земли. Так, из 487 человек (детей боярских, сотников, атаманов, подьячих и служилых людей) на момент переписи в 1669 г. только 36 человек служили “с пашен без хлѣбново жалованя”, в самом же “Енисѣйском остроге пятидесятников и десятников и служилых людей за всякими службами осталось 13 члвкъ а иные служат за малолюдством служилых людей безперемѣнно в братских и в Ыркутцком острогахъ и на Байкале озере” [кн. 527, л. 343 об.].

За стандартными формулировками переписных книг стоят факты из истории жизни сибирских первопоселенцев, возможно, обычные для XVII в., но вызывающие недоумение у нынешних современников. Речь идет о возрасте женитьбы. Судя по встретившимся контекстам в брак могли вступать молодые люди уже в 11–16 лет: “Двор служилого члка Ивашка Федорова Черного у него дѣтей четыре сына Васка штинаццати лѣтъ женат Тихонко холость пятаццати лѣтъ Куземка четырнатцати лѣтъ женат Матюшка двунаццати лѣтъ земля отведена з братом” [кн. 527, л. 300 об.].

Информация о раннем возрасте женитьбы встретилаь также в переписной книге крестьян Енисейского уезда [кн. 527, лл. 424–492]: “Митко Ондрѣев одиннатцати лѣт женат пашет он Митка полдесятины” [кн. 527, л. 492]. Пожалуй, это единственный случай, в других памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири подобная информация не встретилаь.

В этой же книге встретились записи, нарушающие структуру стандартной статьи: “а по рѣке почасту бывает хлѣбу недород для того что подле Енисѣю рѣки на лугах запорными лдами хлѣб выдираетца и вешнею водою топит и от морозовъ позябают из десятии бывает в те годы ржи и ярового пуд по шти и по пяти в умолоте” [кн. 580, л. 466].

Наибольший интерес и в культурно-историческом, и в лингвистическом аспекте представляет перепись посадских людей [кн. 527, лл. 345–423], которая начинается подробным описанием дворов Енисейска, включая сведения о дворовладельцах, их детях, количестве

оброка, промыслах посадских людей, завершается перепись более скупыми сведениями по слободам Енисейского уезда.

Структура статьи: двор <N>, у него дети <имя, возраст, женат / холост>, промысел у него <название>, оброку платит <S>. Например: “двор посадцкого члка Федки Красикова дѣтеи у него снѣ Васка сапожное дѣлает другои Васка ж осми лѣт промысел у него Федки колачнои <...> у него ж Федки лавка в рыбном ряду” [кн. 527, л. 350 об.]; “двор посадцкого члвка Петрушки Ефремова Скорняка дѣтеи у него нѣт промышляет скорнячеством оброку платит по рублю на год” [кн. 527, л. 359]; “Посничко Федотов у него пасынки Омелка да Ивашко Афонасевы а дѣтеи у него нѣт промысел у нихъ плотничают да за Маковскои волокъ вѣзят в наимѣхъ” [кн. 527, л. 361 об.]; “дрвня Моклоковская а в неи двор посадцкого члвка Левки Олферева Зыряна дѣтеи у него нѣт землю владѣет купленою купил во 162-м (1654) году у посадского у Данилка Короваева з земли платит великим гсдрем пятои снопь хлѣба” [кн. 527, л. 385 об.].

Переписная книга дает сведения о семейном составе и занятиях 411 посадских, из которых только 70 занимались земледелием, а остальные имели свой промысел [кн. 527, л. 423].

Книги 1704–1705 гг. содержат перепись постоянных дворов города Енисейска, в которую включены список с ценовной переписи и сказки енисейских дворовладельцев.

Перепись постоянных дворов проводилась с целью введения правительственного квартирного налога, поэтому описание дворов проводилось с особой тщательностью. В обязанности переписчиков входило также описание (с чертежом) пустых мест и урочищ для устройства новых постоянных дворов.

Статьи переписной книги постоянных дворов, составленной енисейским сыном боярским Борисом Серебренниковым, отличаются подробным описанием местонахождения двора, жилых и хозяйственных построек с указанием их размеров, перечнем “стояльцев”.

В 1705 г. енисейский земской староста Иев Кондаков с посадскими людьми провел ревизию дворов и составил ценовную роспись, которая почти дословно повторяет перепись Бориса Серебренникова, но отличается дополнительным указанием на стоимость двора и дворовой земли. Наличие идентичных текстов дает возможность провести сопоставительный анализ и определить возможные расхождения.

двор енисѣиского пѣшіе служ-
бы казака Прокопья Гатилова на
той же улицѣ Воскресенской
подле Якова Красикова в мѣжах
а в другую сторону двор Петра
Ермолина на той же на лѣвой
сторонѣ а на том дворѣ хором-
ного строения горница на под-
клѣтѣ мѣрою двух сажень с ар-
шином у той горницы четыре ок-
на колодные да волоковых два
окна а у подклѣта той горницы
два окна колодные два волоко-
вые под тою горницею сѣни за-
браны тесом на том же дворѣ из-
ба новая мѣрою полутретьи са-
жени у той избы окно колодное
два окна волоковые перед тою
избою сѣни перед сѣними клѣтъ
мѣрою полутретьи сажени на том
же дворѣ изба полторы сажени
баня новая двух сажень на том
же дворѣ поставлена баня к ост-
рогу на огороде на том же дворѣ
сенникъ новои а под тѣмъ сенни-
ком погребѣ а под дворовымъ
строением земли в длину девят-
натцат сажень поперег семь са-
жень с аршиномъ а у того хо-
ромного строения двери на крю-
ках желѣзныхъ печи кирпичные и
трубы выводные кирпичные ж а
на том дворѣ на постое четыре
члвка торговых людей четыре ж
члвка портных швецов [кн. 1390,
лл. 15, 15 об.].

двор енисѣиского пѣшіе служ-
бы казака Прокопья Рогалева на
той же улицѣ Воскресенской
подле Якова Красикова в мѣжах
а з другую сторону двор Петра
Ермолина на той же на лѣвой
сторонѣ а на том дворѣ хором-
ного строения горница на под-
клѣтѣ мѣрою двух сажень с ар-
шином у той горницы четыре ок-
на колоденных [исправлено на
колодных] да волоковых два окна
а у подклѣта той горницы два
окна колодные два волоковых
под тою горницею сѣни забраны
тесом на том же дворѣ изба но-
вая мѣрою полутретьи сажени
печатных у той же избы окно ко-
лодное два окна волоковые перед
тою избою сѣни перед сѣними
клѣтъ мѣрою полутретьи сажени
печатных на том же дворѣ изба
полторы сажени печатных баня
новая мѣрою двух сажень печат-
ных же а на том же дворѣ по-
ставлена баня к острогу на ого-
роде на том же дворѣ сенникъ
новои а под тѣмъ сенником по-
греб а под тѣмъ дворовым хо-
ромным строением земли длин-
нику девятнатцат сажень по-
перегъ семь сажень с аршином а
у того хоромного строения двери
на крюках желѣзныхъ а печи
кирпичные трубы выводные
кирпичные ж цена тому двору
тритцат рублев [кн. 1390, л. 53,
53 об.].

Всего в городе Енисейске и на посаде оказалось 28 дворов, на которые пускают на постой 109 человек. Причем живут *стояльцы* не только в *одной избе* с дворовладельцами, но и в *особой избе*, и в *горнице*, *подклете*, и даже в *особой скоцкой избе* (л. 35 об.).

Включенные в перепись “сказки дворовладельцев” [кн. 1390, лл. 26–47] содержат ценную информацию об условиях найма жилья – стоимости проживания, “харчевых припасах” и пр.: “живут у меня Петра в одной избе на постое разных городов гулящие люди <...> а пустил я Петръ тѣх гулящих людей к себѣ на постои въ нѣшнем 1704-м году в сентябре мѣсе а в которых числѣхъ того я не упомяну а рядил я с нихъ постоянного наиму с члѣка на ндлю по алтыну да за тем же наимом тѣм же стоялцомъ держу я про их расход харчевые запасы крупы капусту квась соль и лучину дрова без денежной цены и за работу что ево Петровы домашние работают про их расходъ ястиѣ и питиѣ ничего я с них Петръ не емлю” [кн. 1390, л. 27]; “живеть у меня Федора на дворѣ в особой избе неверстанои бобыл Федор Емелянов <...> а за постои я Федор с него денгами и запасом ничего не емлю для того что пособляеть мнѣ он Федор кожевную работу работать а дрова и ястие и питие он Федор держить все свое” [кн. 1390, л. 36 об.].

Как видим, статьи представленных переписных книг достаточно разнообразны по структуре и лексическому наполнению, но в совокупности они дают интересный материал для исследования лексики, в том числе и специальной, подтверждая общерусский характер одних групп и специфичность в употреблении других. Так, во всех текстах наблюдается использование традиционных терминов родства, широко употребляемых по всей территории Руси: *брат*, *внук*, *дед*, *дети*, *дочь*, *дядя*, *жена*, *зять*, *муж*, *отец*, *пасынок*, *племянник*, *сын*, *шурин*.

Традиционны и наименования мер длины: *аршин*, *сажень*, *сажень ручная*, *сажень печатная*, *полусажень*, *мерюю в длину* – *длиннику*, *поперегъ* – *поперешник*.

Географическая же терминология, в частности, наименование рельефа, представлена преимущественно словами диалектными, часто указывающими на связь первопоселенцев Енисейского острога и прилегающих территорий с Европейским Севером, что обусловлено историей заселения Приенисейской Сибири: *боярак* – ‘буерак, овраг’ (юж., татарс.: Даль); *гора* – ‘высокий берег реки’ (сев., волж.: Даль);

елань, ялань – ‘обширная прогалина, возвышенная и открытая равнина’ (мск., ряз., тмб., сиб.: Даль); *камень* – ‘утес, гребень, отдельная каменная сопка’ (арх., сиб.: Даль); *край* – ‘берег реки’ (перм., арх., калуж., ряз.: ЭССЯ.); *култук* – ‘балка, овраг’ (сиб.: Даль); *ленивица* – ‘уступ берега’, ‘возвышенность на болоте’ (вологод., сиб.: Даль). Группа гидронимов в исследованных переписных книгах немногочисленна, включает всего два общерусских слова: *озеро, река*. Учитывая интерес лингвистов к изучению географической терминологии по памятникам письменности [Дьякова, Хитрова 1988: 38–51; Мельхеев 1986; Мокиенко 1969; Полякова 1988], полагаем, что переписные книги различных регионов могут стать перспективным источником исследования путей формирования данной терминологической группы, раскрывающим характер соотношения между общенародной и локальной лексикой.

Переписные книги Енисейска и других городов могут стать ценным источником и для исследования строительной терминологии, поскольку содержат подробнейшее описание *хоромных* и *дворовых строений*, возводимых на основе единых строительных приемов (*рубленый в угол, рубленый в косяк; забрано тесом, забрано в косяк, окно колодное, волоковое и др.*).

Особенно интересный материал дают переписные книги для исследования системы наименования ремесел и промыслов, а также наименования лиц по роду трудовой деятельности.

Так, род занятий сибирских первопоселенцев передается в текстах глаголами: *извозничает, колачничает, мясничает, переторговывает, плотничает, прасолит* (рыбою), *скорнячит, торгует* (рыбою, мелочью), *учитца* иконному письму.

Занятие тем или иным промыслом может передаваться также двух- и трехсловным словосочетанием, первой частью которого выступают глаголы *делать, промышлять* (чем? что? где?), *работать, торговать* и некоторые другие, например: *делает* бронное, колодези, котельное, кузнечное дело, медное, портное, ровдуги, сапожное, серебряное, серебряное дело, судовые варовые снасти, чеботное, шапки женские; *промышляет* в ряду, кузнечную работою, мясничеством, рыбу, серебряное дело, свечным промыслом, скорнячеством, шапки женские; *работает* топорною работою, кожевную работу, кузнечную работу; *торгует* в лавке, в отъезде, в ряду лавочной мелочью,

товарное большое. Из других видов ремесленно-промысловой деятельности сибиряков переписные книги указывают: *ездит в наймах, кормитца торжишком, переторговывает в лавке, переторговывает в торгу небольшое, печет хлебы на продажу, пишет иконное, иконы, ходит на лес для соболиного промыслу, ходит на соболиной промысел, шьет портное, чарки*.

Сам промысел в енисейских переписных книгах определяется прилагательными: *кожесной, колачной, кузнечной, мыльной, сапожной, свечной, токарной, харчевой, чарочной*.

Из выявленных исследователями различных моделей номинации человека по профессии в переписных енисейских книгах отмечаются только однословные и двусловные наименования. К первым относятся суффиксальные образования типа *писарь, плотник, шапочник, сапожник, работник* и под., ко вторым – *портной швец, ремесленный человек (ремесленные люди), лавочный сиделец, работный человек, прикащук в отпуску* и др. Не обнаружены атрибутивные сочетания со словом *мастер*, характерные для вологодской [Чайкина 1984: 26–35] и западносибирской деловой письменности [Старикова 1990: 87–93].

Более детальный анализ указанной терминологической группы, думается, позволит дополнить имеющиеся сведения о времени бытования и способах образования различных номинативных единиц.

Переписные книги содержат богатейший материал по атропонимике, позволяя выявить наиболее употребительные в XVII в. имена собственные (*Гришка, Ивашко, Лучка, Ондрюшка, Петрушка, Федька*), проследить взаимосвязь именования с возрастной, социальной или иной характеристикой лица (дети: *Гришка, Данилка, Матюшка, Петрушка*; воеводы: *Федор Полибин, Иван Ржевской*; атаманы: *Петр Андреев Бузина, Иван Колесников*; посадские: *Федька Ермолин, Ивашко Клепиков, Петрушка Семенов*). В текстах можно встретить и такие прозвища, как *Афонька Матвеев Удавленник, Данилко Худая Шуба, Фторко Ушивая Шуба, Федька Безносой, Никонко Тихонов Соловар, Васька Богомол, Ивашко Кувака, Ивашка Бакули, Федька Суети, Ярофейко Шадра*.

Переписные книги – ценный источник для создания топонимических словарей, поскольку в них представлены практически все названия административных единиц и населенных пунктов, существовавших на момент переписи: волости *Касовская, Кузнецкая Подгородная, Натцкая, Сымская*; деревни *Верхняя Подгородная, Костыль-*

никова, Моклоковская, Нахвальново, Павловская, Частоостровская, слободы Бугачевская, Дубческая, Надпорожная, Спасская; села Ильинское, Ясаулово и др.

Таким образом, региональные переписные книги могут стать ценным источником разработки как общих, так и специальных словарей. Использование переписных книг различной территориальной приуроченности позволит более точно определить состав заданной терминологической группы, установить соотношения между ее членами; выявить новые слова, употребляемые в качестве специальных; уточнить значения отдельных слов, не зафиксированных словарями; уточнить время появления и регион бытования отдельных терминов; раскрыть связь терминологической лексики с общерусским и диалектным фондом. Кроме того, переписные книги содержат богатый материал по антропонимике и местной топонимике, что делает их ценным источником для построения антропонимических и топонимических словарей.

2.2.7 Крестоприводные книги

Крестоприводные книги по содержанию близки к переписным и представляют собой именной перечень русского и инородческого населения в момент привода его к присяге новым государям. Сохранилось две книги 1676 г. – по Енисейску [РГАДА, ф. 214, ст. 605, лл. 31–156] и по Красноярску [РГАДА, ф. 214, ст. 605, лл. 207–244], каждая из которых имеет одинаково построенную довольно большую вступительную часть объемом в 4 столбцовых листа, исписанных с обеих сторон. В первой части преамбулы содержится дата, ссылка на государев указ и воеводскую наказную память, по которым необходимо привести к присяге население уезда, описывается и процедура проведения мероприятия. Во второй части описывается сам факт выполнения предписания: “томские сын боярской Федор Полозов да подячей Андрюшка Поспѣловъ июля въ ·КД· (24) де приѣхали въ Енисѣйской острогъ и посылали к столнику и воеводѣ к Михаилу Приклонскому служилово члвка Микифорка Саранчина чтоб он столникъ и воевода Михаило Приклонской для гсдрва великого и земского дѣла шел в соборную црковь а за собою велѣл быт казачью головѣ и дѣтемъ боярскимъ слоботцким прикащиком конным и пѣшим казаком

и стрелцом и всяких чиновъ служилымъ и жилѣцким и приѣзжимъ
торговымъ и промышленымъ и гулящимъ людямъ всем до одново
члвка и столникъ и воевода Михаило Приклонской съ енисѣйскими
дѣтми боярскими с конными и с пѣшими казаки и со всякими чины
служилыми и з жилѣцкими и с приѣзжими торговыми и с промыш-
леными и з гулящими людьми того же числа в соборную црковь пришел
и пред свтым евангелием по чиновной кнге вѣру учинили на томъ что
им ему великому гсдю и его црьскому величеству и ево гсдрским
наслѣдникомъ <далее перечисляются все царские родственники –
мать, братья, тетки, сестры> служити и прямити и во всемъ всяког до-
бра хотѣт безо всякие хитрости <...> а хто въ Енисѣйску всяких чи-
новъ люди были у вѣры и имена их писаны в сих книгах порознь по
статямъ” [л. 33 об., 34]. Если все православное население присягало
на верность государю в соборной церкви, то иноземцам, и захребет-
ным татарам, и бухарцам, и ясашным людям следовало “шертовать по
своей вере” на съезде двора (“русские люди приведены к вѣре а
иноземцы к шерти”).

Каждая статья начинается указанием даты, после которой сле-
дует именной список населения, начиная с администрации – воевода,
таможенный голова, стрелецкий казачий голова. Далее следуют пере-
чень детей боярских, пятидесятников, десятников, рядовых служилых
людей. Особую ценность для лингвистического источниковедения со-
ставляют статьи, в которых перечислены подьячие приказной и тамо-
женной избы. Так, в 1676 г. в числе подьячих енисейской приказной
избы указаны: Иван Пузанин, Петр Полев, Артемий Дмитриев, Васи-
лий Дмитриев, Микита Гусев, Микита Хохряков, Данило Игумнов,
Алексей Часовщиков, Борис Иванов, Александр Ростовщиков. В та-
моженной избе в это же время служили Иван Мургин и Митрофан
Ананьин [кн. 605, л. 35]. В красноярской приказной избе в 1676 г. от-
мечены “посольского приказу ссылнои подячеи Василии Еремѣевъ
Борис Улянов Михаило Афонасевъ Семен Яковлевъ” [кн. 605, л. 210].
Среди присягавших на верность указаны *толмачи, кузнецы, пушкарн,*
острожной воротник, сторожа, палач.

Крестоприводная книга 1683 г. отличается небольшим предис-
ловии, в котором отмечается территория и состав населения, приво-
димый к присяге на верность великому государю: “вниз Енисѣя реки
Пятницкого погоста Ярцова и Дубчаской слободы и вверх Енисѣя

Маркова городища тутошныя жильцы дѣти боярскіе и служилые люди и новокрещенные остяки посадские и пашенныя крѣстьяне и гуляющіе и промышленныя люди собрався по погостамъ въ црковь и предъ святымъ евангеліемъ великимъ гсдремъ вѣру учинили” [РГАДА, ф. 214, кн. 817, лл. 124–132]. После введения следует список имен “по статьям”, расположеннымъ в соответствии с воинскимъ чиномъ: пятидесятники, десятники, рядовые.

Крестоприводные книги – прекрасный источникъ по антропонимической лексикографии, поскольку количество описанныхъ антропонимовъ исчисляется тысячами. Особый интерес представляютъ имена-прозвища, в основѣ которыхъ лежатъ разные признаки: *Ивашко Лапа*, *Федька Каша*, *Якунка Сорочка*, *Федька Рожса*, *Бориско Резвой*, *Васька Поротой*, *Елфимка Беспалой*, *Пашко Косой*, *Ивашко Кислой*, *Васька Новограбленой*, *Назарко Староватой*, *Ондрюшка Кырнай*, *Федька Куварша*, *Якушко Хлопотун*, *Ивашко Анабара* (ср. река Анабара), *Петрушко Токмак* (ср. скала Токмак под Красноярскомъ), *Иван Байкал*, *Васька Каменщик*, *Ивашко Соловар*, *Евдокимко Скорняк*, *Петрушка Котельник*, *Ивашко Ложник*, *Микитка Сапожник*, *Митька Кузнец*, *Митька Пивовар*, *Костька Чарошник*, *Аничка Ситник*, *Данилко Харчевник*, *Ивашко Мельник* и др.

Часть собственныхъ имен-прозвищъ содержитъ указание на ихъ севернорусское происхождение: Никита Паутовъ отъ *паут* – ‘овод’ (вят., перм.: Даль), Елизар Шадра отъ *шадра* – ‘слѣды оспы на лицѣ’ (арх.: Даль, Подвыс.; олон.: Кулик.), Ивашко Шанежкинъ отъ *шаньга* – ‘лепешка, намазанная сметаной’ (новг.: Даль; олон.: Кулик.; арх.-помор.: Грандил., Даль, Подвыс.), Первушка Шабуръ отъ *шабур* – ‘верхняя крестьянская рабочая одежда изъ домотканнаго полусукна’ (вологод.-вят.: Васн., Даль; арх.: Подвыс.), Матюшка Простокишинъ отъ *простокиша* – ‘простокваша’ (олон., арх.: Даль, Кулик., Подвыс.).

Такимъ образомъ, однотипность статей и крайне бедное лексическое наполнение делаютъ данный жанръ непригоднымъ для использования в качестве источника для словарей общаго типа. Однако ограниченный лексический составъ компенсируется разнообразіемъ антропонимовъ, что позволяетъ рассматривать данные памятники в качестве базовыхъ источниковъ для словарей антропонимовъ.

2.3 Памятники, отражающие финансово-хозяйственную деятельность воевод

2.3.1 Сметы и пометы

Воеводские сметы и пометы составляли обязательную часть приказного делопроизводства. Сметы и пометы составлялись ежегодно, причем в двух экземплярах, один из которых пересылался в Москву, что в дальнейшем обеспечило достаточно хорошую сохранность этих памятников. Вторые экземпляры, хранившиеся в местных канцеляриях, утрачены или пока не выявлены.

Сметы представляют собой годовой отчет воеводы о наличии, приходе и расходе казны (денежной, хлебной, соляной и др.) *за прошедший год*.

Пометы отражают своеобразное *планирование* всех возможных поступлений и расходов *на следующий год*.

Сметы и пометы в соответствии с содержанием прихода и расхода подразделяются на денежные, хлебные, соляные и “мягкой рухляди”.

Оформляющая часть начинается самоназванием документа: “Смѣта гсдрвым и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии хлѣбным запасом что в приходе во ·РЛЗ· м (137 = 1629) году сентября съ ·А· (1) числа да сентября по ·А· (1) ж число ·РЛИ· (138 = 1630) з году въ Енисѣвском остроге з гсдрвых десятин вымолотново хлѣба и с тѣмъ что осталос у ·РЛЗ· (136 = 1628) году во ·РЛЗ· и (137 = 1629) год и что ис того числа во ·РЛЗ· м (137 = 1629) году въ Енисѣвскомъ остроге хлѣбных запасовъ в росход вышло енисѣвским служивым людем и ружником и оброчником на жаловане и на неокладные на всякие росходы и то писано в сем смѣтном спискѣ ниже сего порознь по статьямъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 18, л. 570]. Если в данном предисловии самоназвние представлено в двух вариантах, то в некоторых памятниках в начале и конце вступительной части отмечается только один вариант самоназвания – *сметный список*. Аналогично построена начальная часть помет с той разницей, что здесь информация ориентирована на будущее время: “<...> и что будет во ·РЛИ· м (138 = 1630) въ Енисеѣвскомъ остроге з гсдрвых десятин вымолотно-го хлѣба в приходе пахоты ·РЛЗ· з (137 = 1629) году и что ис того

числа надобе хлѣбных запасовъ енисѣйским служивымъ людемъ и ружникомъ и оброчникомъ на жалованье и на неокладные на всякие расходы” [РГАДА, ф. 214, кн. 18, л. 577].

Как видим, самоназвание представлено в двух вариантах: *смета* и *сметный список*, *помета* и *пометный список*. Оба варианта могут использоваться в одном развернутом предисловии как равнозначные.

Структура смет и помет состоит из двух частей – приходной и расходной. Приходная часть сметных списков начинается перечнем денег, товаров, хлеба, соли, оставшихся в казне от предыдущего года: “у ·РЛЗ· з (137 = 1629) году осталос за расходом во ·РЛЗ· и (137 = 1629) год хлѣбных запасов ·ТК· (320) чети с осминою и с четвериком ржи ·УМИ· (448) чети ячмени” [РГАДА, ф. 214, кн. 18, л. 570 об.]. В денежных сметах указываются и “доимочные деньги”, которые необходимо было вернуть в казну.

Далее следует перечень доходов, которые поступили в казну. Сметные книги, составляемые на основе прихода-расходных книг, подробно описывают источники поступления доходов. В конце дается общая сумма доходов текущего года. Приходная часть пометных списков повторяет статьи дохода сметного списка предшествующего года и их общий итог.

В расходной части смет представлен перечень расходов на местные нужды с указанием тех сумм, которые подлежат высылке в Москву; после всех расходов отмечается остаток наличных средств.

Сметные и пометные денежные списки представляют собой краткий перечень доходов и расходов, составленных на основе различных финансовых документов. “Ограничиваясь фиксацией и денежной оценкой однотипных статей прихода и расхода, сметы и пометы в информативном отношении были менее полными, чем документы, которые лежали в их основе” [Леонтьева 1983: 91].

Сметы и пометы относились к числу обязательных документов годовой финансовой отчетности и планирования и поэтому подлежали обязательному контролю со стороны местной и центральной администрации. Контроль требовал соблюдения формы ведения документа, а потому тексты смет и помет следует отнести к текстам с высокой степенью стандартизованности, в статьях сохраняется четкая структура с набором повторяющихся элементов: *помечено взять, продано того, да сверх пометы взято наддачи, и тех денег не взято потому,*

не продано потому, а те деньги возмуться, объявятся, вышло в расход, осталось за расходом налицо и др. Однако и в сметных, и пометных списках наблюдаются отступления от строго регламентированного порядка ведения отчетности, которые мотивируются необходимостью дать те или иные пояснения о причинах несовпадения данных, например: “не продано ·АЩПЗ· (1787) копен потому что служивые и посадские люди и пашенные крестьяне сѣна косят на себя сами а у приѣзжих у торговых и у промышленных людей своих лошадей не бывает купит сѣна нѣкому” [РГАДА, ф. 214, кн. 28, л. 368]; “куплено на гсдрву пашню на сѣмя ·В· (2) чети ячмени для того что з гсдрвых десятин ячмен вес не всходил и на сѣмя не пригодился” [там же, л. 373 об.]; “посланы они были на Тунгуску и Лѣну рѣку для гсдрва ясачново збору и на Лѣне рекѣ их тунгуские люди в прошлом во ·РЛЗ· м (137 = 1629) году побили” [там же, л. 378]; “а стрелец Ондрюшка во ·РЛЗ· м году заворовався из Енисѣйского острогу збежал” [там же, л. 379]; “тѣх денег не взято потому мекин и ухоботя и дробин никакие люди не купили” [кн. 18, л. 552] и др.

Основу словарного состава смет и помет представляет лексика общеупотребительная, среди которой можно выделить названия лиц по роду деятельности: *воротник, зборщик, приемщик, пролубщик, сыщик*; названия тканей: *бумага красная, китайка, крашенина, кумач, пестредь, полотно ивановское, сукно кармазин, сукно сермяжное, холст, хрящ, шелк*; названия злаков: *рожь, овес, ячмень*; названия судов: *барка, дощаник, струг, коч*. Широко представлена метрологическая лексика: *гривенка, полугривенка, осьмина, полуосьмина, пуд, полупуд, фунт, четверик, полполчетверика; аршин, вершек; десятина, сотница*. Определенный интерес представляют слова, отражающие делопроизводственную деятельность приказных изб: *бумага гербовая, бумага большого герба, бумага другого (?) герба, бумага меньшего герба, бумага ярлышная, стопа, десть*.

Сметы и пометы по перечислительному характеру изложения материала несколько сближаются с таможенными книгами.

Для лексикографического описания наиболее ценными являются отступления от стандартизованных статей, поскольку в них содержатся законченные синтаксические конструкции, а также лексика разговорная и локально окрашенная: *покаместа, надобе, заворовався; пролуб* (арх., вят.), *ярец* (камч.).

Таким образом, сметные и пометные списки вполне пригодны для использования в качестве лексикографического источника, поскольку подтверждают использование конкретных слов на определенной территории, а также дают информацию о локально ограниченной лексике.

2.3.2 Городовые (строельные) книги

Жанр **городовых книг** по Приенисейской Сибири представлен всего двумя памятниками. Исходя из содержания текстов Н.Оглоблин называет подобные книги *строельными* [Оглоблин 1895: 38–41]. Под этим названием памятники зарегистрированы и в архивных описях. Однако сохранившиеся документы существенно различаются по объему, а также *по самоназванию*, которое является ведущим признаком жанровой принадлежности.

Наиболее полно жанровые признаки отражены в енисейской городской книге 1667 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 528, лл. 218–236], в которой представлен материал о постройке нового острога в городе и засек в уезде. В начале и финале типового предисловия используются два самоназвания документа: “книги строенья нового острожного дела” и “городовые книги”. Предисловие как начальная оформляющая часть текста содержит дату и перечень основных позиций, расписанных далее по статьям: “что здѣлано въ Енисѣйскомъ кругомъ посаду острогъ и надолобы и засѣки по воинскимъ калмыцкимъ вѣстямъ при столнике и воеводе Кириле Аристарховиче Яковлеве а в которыхъ мѣстехъ въ Енисѣйскомъ острогъ здѣлан и сколко башен и каковы мѣроу и в уѣздѣ остроги и надолбы подѣланы и засѣки засѣчены и в которыхъ мѣстехъ и на сколькихъ саженихъ и сколко кто острогу и надолобъ здѣлал и то писано в сихъ городовыхъ книгахъ порознь” [л. 218 об.].

В содержательной части сначала дается подробное описание нового Енисейского острога, построенного за речкою Мельничною вокруг посада: “за посадомъ башня проѣзжая в вышину дватцать три венца до обламовъ а обламовъ десятъ венцовъ и всего до кровли тритцать три венца а на верху клетка брусная с перилы а в вышину мѣроу та башня и с кутѣткою до маковицы восемь саженъ печатныхъ а ручныхъ десять саженъ безъ чети аршина” [л. 219]. Далее следует описание новых острогов, надолоб, засек, построенных в Енисейском уезде,

отмечается, где именно и что именно построено: “на той же стороне против Родюковские деревни поставлены надолобы двоинные с вязми и с наметными слѣгами а мѣроу тѣх надолоб сто сажень и позади надолоб рублена застѣка и на углу от Енисѣя рѣки поставлено дватцать сажень острогу и по надобнымъ мѣстом ставлены выводы з боиницами а мѣроу та застѣка четыреста сажень от Енисѣя рѣки и до болших болот” [л. 228]. После описания каждого укрепления отмечается, кто осуществлял строительство: “а дѣлали надолбы и застѣку служилои члвкъ Пронка Андрѣевъ да посацкои члвкъ Мишка Фоминъ” [л. 229], “а дѣлал тотъ острог и надолбы атаман Иванъ Колесниковъ да служилои члвкъ Моска Вязма” [л. 231 об.], “а дѣлал тотъ острог сынъ боярской Иванъ Кашинцовъ” [л. 233 об.].

Завершается енисейская городовая книга подведением итогов по всему уезду: “и всего острогу здѣлано въ Енисѣйскомъ кругомъ посаду и в уѣздах по рознымъ мѣстомъ тысяча семьсотъ дватцать пять сажень а по острогомъ здѣлано четырнатцать башен з бои и со всякимъ башеннымъ строенем и покрыто все тесом” [л. 235 об.]. Специальной конечной формулы нет, в последней строке текста стоит рукоприкладство воеводы Кирилла Яковлева.

Разновидностью жанра городских книг можно считать список городу Мангазее 1673 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 635, лл. 126–129]. В этом памятнике также содержится подробное описание укреплений, но не всего уезда, а только нового города. Самоназвание текста представлено в начале оформляющей части: “Списокъ городу что в инѣшнем во РПА м (181=1673) году великих гсдрей по указу и по грамоте построень на Турухане и сколько в том городе дорог и башен и от башни до башни городень и скол высокъ город и башни от земли по обламы а от обламов до кровли и около всего города и башен сколько мѣроу сажень” [л. 126].

Содержательная часть начинается описанием новой Мангазеи: “город новои Мангазѣя на Турухане деревянnoi рублень городнями а стоит над рекою Николским шаром <...> а город стоит лицомъ на западъ с приѣзду с посаду от гостиново двора башня проѣзжая круглая о шти стенах а в стенѣ бревна по В (2) сажени а в неи двои ворот на обѣих стенах а вышина воротам по сажени печатной а ширина то ж” [там же].

Затем следует подробное описание башен, особенно проезжей: “а в башню вход з земли листница на городовую стѣну и по городовой стѣнѣ вход в башню двери на первой мостъ и с того мосту двери на другую стѣну на том же мосту окно круглое колодное в посад <...> и с того мосту из нутра башни двери на обламы а по обламамъ круг башни обход и забраны по обламам перила в косякъ и покрыты тесом” [л. 127].

В текстах представлена преимущественно общеупотребительная лексика: *башня, венец, вход, выпуск, вышка, городня, двери, двор, калитка, кровля, лестница, мост, облам, окно, прясло, реж, стена, угол* и др. Встречается и локально ограниченная лексика: *полуден* – ‘юг’, *полуденный* – ‘южный’, *облый* – ‘округлый, круглобокий’, *надобный* – ‘нужный, полезный’, *елань* – ‘голая и открытая равнина’.

Таким образом, городовые (строельные) книги, несмотря на их небольшое количество, представляют собой ценный источник для создания общих и специальных региональных словарей, так как они отражают одну из основных сфер деятельности первопоселенцев – строительство жилья и оборонительных укреплений по всей территории бытования.

2.3.3 Дозорные и выдельные книги

Дозорные книги напоминают писцовые книги европейской части страны, хотя существенно от них отличаются: в писцовых книгах описываются *поместные владения*, но в Сибири служилые люди служили не за поместные дачи, а за определенное хлебное, денежное и соляное жалованье – владение землей не было для них обязательным. Если служилые и владели земельными угодьями, то только на правах жилецких (посадских) людей и обязаны были платить в казну оброчный и выдельный хлеб. Крестьянами сибирские люди не владели.

Анализируемые книги имеют разные названия: “книги письма и меры”, “писцовые”, “переписные”, но чаще используется название, в котором употребляется термин “дозор”, “дозорные”: “книги письма и дозору”, “дозорные книги” (I половина XVII в.), “переписные книги” (II половина XVII в.). Последние следует отличать от собственно переписных книг, в которых “если не исключительно, то главным предметом являются посемейные и другие *перечни населения*, и где или

совсем отсутствуют данные о землях, или же эти сведения отличаются особенной краткостью” [Оглоблин 1895: 49].

В дозорных книгах представлено подробное описание земельных угодий уезда.

Оформляющая часть представлена традиционно развернутым предисловием, в котором указываются документы, ставшие основанием для дозора, поименно называются исполнители переписи, перечисляется, у кого и что необходимо досматривать: “у енисѣйскихъ дѣтей боярскихъ и у служилыхъ людей даныхъ ихъ пашенныхъ земель кому енисѣйскимъ и Красноярскимъ людямъ за годрво хлѣбное жаловане за ихъ оклады по сколку дано десятин пашенной земли” [РГАДА, ф. 214, кн. 618, лл. 361]. Традиционна и концовка вступительной части: “и то писано в сей книге порознь”.

Значительный интерес представляет Красноярская дозорная книга 1700 г., которая по оформлению и содержанию аналогична писцовым книгам Поместного приказа [РГАДА, ф. 214, кн. 1504, лл. 4–150]. Как и в енисейских, здесь отмечается развернутое название документа: “Книга писцовая великого годря <...> писма и мѣры столника и воеводы Федора Мусина Пушкина которыхъ съ товарищи писалъ и мѣрилъ у Красноярскихъ грацкихъ и уѣздныхъ жителей у всякихъ чинов людей что за кѣмъ явилос по крѣпостямъ и безъ крепостей пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ” [там же, л. 4]. В отличие от предыдущих книг, после вводной части следует оглавление (“главы книги сея”) – именной перечень городских, а затем деревенских жителей с указанием глав, в которых о них говорится. Всего на лл. 6–33 перечислены 862 главы по числу землевладельцев.

В каждой статье Красноярской дозорной книги не только отмечается количество пахотной земли и сенных угодий, но и подробно описываются межевые границы, перечисляются географические ориентиры: “за пѣшимъ казакомъ Ивашкомъ Серебренникомъ пашни и перелогу на Гремячемъ Яру въ лугу в межахъ с коннымъ казакомъ Данилкомъ Толоконниковымъ десятина безъ чети в поле а в дву потому жъ за нимъ за Ивашкомъ пашни и перелогу *вверхъ* речки Черемховой в межахъ с посадчимъ человекомъ Стенкою Коркинымъ полторы десятины в полѣ а в дву потому жъ а обоего пашни за нимъ и перелогу ·В· (2) десятины с четью в полѣ а в дву потому жъ да за нимъ за Ивашкомъ сѣнныхъ покосовъ у Гремячя Яру на лугу ·Д· (4) десятины да на Татушевомъ острову де-

сятина" [там же, л. 34]. Благодаря подробному описанию рельефа и местных микротопонимов, данная книга выступает как своего рода хранилище народной памяти о Приенисейском крае.

Разновидностью дозорных книг являются **книги выдельные**, в которых представлен дозор "лишних пашен" и определение "сколко выдѣлу придется взять с каждого крестьянина".

Начальная часть выдельных книг ничем не отличается от книг дозорных. После развернутого предисловия следует описание заимок служилых людей, при этом отмечается, сколько земли в даче под пашню по документам, с какого времени, сколько земли в лишке выявлено в результате досмотра: "заимка енисѣйского сна боярского Ивана Максимова а тою заимкою и пашенною землею и селными покосы владѣет он Иванъ по гсдрве грамотѣ а в даном у него Ивана сколко десятин за оклад ему пахат не написано <...> и по досмотру объявилось у него Ивана земли в пахотѣ в лишке пять десятин и с тою у него земли взят выделной хлѣб" [РГАДА, ф. 214, кн. 618, л. 362 об.].

В выдельной книге определяется место расположения заимок, говорится, в каком году служилый человек получил землю за хлебное жалованье, кто прежде владел его участком. В отдельных статьях содержится ценная информация о формировании постоянного населения: "заимка атамана казачья Петра Бузина а наперед сего тою заимкою и пашенною землею и сѣнными покосы владѣл дѣд ево Елисѣи и отец ево Андрѣи" [РГАДА, ф. 214, кн. 618, л. 363 об.].

Отдельной книгой представлен дозор десятинных пашен пашенных и оброчных крестьян по деревням [РГАДА, ф. 214, кн. 618, лл. 376 об.—410]. После описания каждой деревни подводится итог.

Статьи этой книги однотипны, включают устойчивые формулы: <N> с братьями, (с сыном, со внучаты) пахал до <D> году <S> десятин и против дачи у него в пахоте в лишке земли не объявилось и в нынешнем во <DD> прибавлено на него <N> осьмина и пахать ему <N> с новоприбавочною пахотою на великих государей <SS> десятин. В отдельных случаях отмечаются особые условия владения землей: "лготы ему дано по 'РПГ' (183 = 1675) год а как лготной год отидет и ему Овдѣику пахать на великих гсдрей десятинною пашни чети десятины с полуосминою в поле а в дву потому же" [там же, л. 410].

В содержательной части выдельной книги 1673 г., составленной А.Ушаковым [РГАДА, ф. 214, кн. 580, лл. 1–363], представлены запи-

си двух типов: 1) о крестьянах, у которых лишней пашни не выявлено и “выделу отписать не с чево”; 2) о крестьянах, у которых обнаружены лишние пашни. Если записи первого типа очень кратки, то во втором случае объем статей довольно большой, так как в них описывается, сколько “спахано и посеяно в лишке собинной пашни”, сколько “с того сѣву ужато” и какого именно хлеба, сколько с того выдела будет умолочено хлеба и др.

Дозорные и выдельные книги неравноценны по объему лингвистической информации, поэтому при лексикографическом описании их следует дифференцировать.

Исследование всех дозорных и выдельных книг, созданных на территории Приенисейской Сибири, позволило выделить пласт номинативной сельскохозяйственной лексики: *пашня (государева, собинная), пахота, земля, лог, перелог, поле, огород, сенной покос, сев, умолот, ужин, сотница, сноп; заимка, деревня; рожь, овес*. Атрибутивная и глагольная лексика представлены крайне слабо: *хлебный, выдельный, пахать*.

Отразилась в дозорных книгах и местная топонимическая лексика, например, реки *Енисей, Кача, Кемь, Лазарвка, Мельничная, Черемховая* и др.

Богато представлены в рассматриваемых книгах антропонимы, количество которых исчисляется сотнями (по числу землевладельцев): *Васька Пестерев, Иван Максимов, Иван Галкин, Петр Бузина, Иван Поршенников, Марчко Чеусов, Оська Пестреденников, Ивашко Падера, Яков Ромашка* и др.

Таким образом, дозорные и выдельные книги, несмотря на стандартность построения статей и невыразительность синтаксических конструкций, вполне пригодны для использования в качестве лексикографических источников для создания региональных словарей общего типа, антропонимических и топонимических.

2.3.4 Ужинные и опытные списки

Ужинные и опытные списки относятся к числу редких документов, ввиду их слабой представленности в архивах и плохой сохранности. Н.Оглоблин в своем “Обзрении” дает о них скупую информацию, отмечая, что по Приенисейской Сибири известны лишь два фрагмента списков. В.Ф.Иванов относит ужинные и умолотные

книги “к разряду источников, почти не введенных в научный оборот” [Иванов 1979: 148].

В приенисейских ужинных книгах представлен результат сбора нового урожая с государевой десятинной пашни. Кроме ужинных, отмечаются еще и умолотные книги, в которых даются сведения о полном умолате всего собранного хлеба. Обычно, как отмечают историки, обе книги составляли один документ. Однако среди наших документов такой комплекс обнаружить не удалось. В нашем распоряжении имеются лишь два ужинных и опытных списка Енисейского острога за 1629 и 1630 гг., причем первый представлен в отрывке.

Начальная оформляющая часть обоих текстов почти полностью совпадает и содержит самоназвание, дату, краткое содержание документа: “списокъ ужинной и опытной Енисѣйского острогу ·РЛИ· з (138 = 1630) году гсдрву црву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси хлѣбу енисѣйские пахоты сколко чети и на сколки десятинах в прошлом во ·РЛЗ· м (137 = 1629) году ко ·РЛИ· му (138 = 1630) году сѣяно ржи и сколко чети на сколки десятинах во ·РЛИ· м (138 = 1630) году сѣяно яровог хлѣба овса и ячмени енисѣйскими пашенными крстьяны и сколко сотницъ снопов тово хлѣба ржи и овса и ячмени з гсдрвых десятин во ·РЛИ· м (138 = 1630) году ужато порознь и почему какова хлѣба из сотницы по опыту будет в умолате и то писано в семь ужинномъ и опытномъ списке порознь по статьям” [РГА-ДА, ф. 214, кн. 28, л. 390].

В содержательной части статьи о засеянном хлебе и полученном урожае чередуются со статьями об “умолате для опыту” и предполагаемом приходе.

Ужинные и опытные списки дополняют общие сведения о сельскохозяйственной лексике, полученные из других источников. Здесь представлены названия злаков (*овес, рожь, ячмень*), единиц измерения собранного хлеба (*сноп, сотница*) и веса зерна (*осьмина, четь, четверик, получетверик, пополчетверика*). Активно употребляются глаголы и отглагольные формы: *вымолотить, умолотиться, вымолочено, молочено, ужато*. Однако количество сохранившихся памятников, их объем и лексическое наполнение не дают оснований для внесения этих текстов в число базовых источников для региональных словарей. Ужинные и опытные списки (а также умолотные книги)

можно использовать лишь в качестве вторичных (дополнительных, справочных) материалов.

2.3.5 *Описные и записные книги рыбных ловель*

Описные книги рыбных ловель по целевой заданности — описание угодий — примыкают к дозорным книгам, но отличаются от них тем, что описанию подвергаются не земельные, а гидрографические объекты уездов.

Сохранилось две описные книги, связанные с территорией Приенисейской Сибири: за 1704 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 1389, лл. 1–48] и за 1705 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 1403, лл. 190–259].

Обе книги имеют одинаковую достаточно развернутую вступительную часть, в которой сначала подробно расписывается, кто и в соответствии с какими указами должен проводить опись рыбных ловель, а затем отмечается, как реализовано предписание: “и сынъ боярской Борис Серебrenиковъ въ Енисѣйску в городе и во всем Енисѣйскомъ уѣзде всяких чинов у людей за которыми явились рыбные ловли скаски взялъ и с тѣхъ сказокъ учинил книги а хто что в скасках сказали и тѣ скаски за руками всяких чинов людей и книги писаны ниже сего порознь [кн. 1389, л. 1 об.].

Первая часть каждой книги представляет собой список со сказок, каждая из которых оформлена в соответствии с традициями делопроизводства и имеет собственную оформляющую и содержательную часть. Оформляющая часть сказки содержит формулу даты (“АѲД· 2 (1704) сентября въ ·КА· (21) де”), перечень регламентирующих указов, грамот, памятей (“по указу великого государя и по грамотѣ и по памяти из Енисѣйска ис приказной избы”), имена подавателей сказок. Завершается начальная оформляющая часть сказки устойчивой формулой: “по свѣти евангелской непорочно заповеди гсдни еже еи еи сказали”. Далее следует содержательная часть документа, которая является наиболее ценной для лексикографического описания.

Вторая часть памятника представляет собой собственно описные книги, составленные по сказкам, и имеет самостоятельный заголовок: “книги, что учинены по указу и по грамоте из вышеписанных сказок за которыми людьми явились во владенье в Енисѣйске и уезде

рыбные ловли оброчные и безоброчные <...> и то писано в сих книгах ниже сего порознь” [РГАДА, ф. 214, кн. 1389, л. 36]. Все статьи даны в той же последовательности, что и сказки, основное содержание сказок передается слово в слово.

Книги подробно описывают местонахождение и границы рыбных ловель: “ловимъ мы въ Енисѣе рекѣ противъ своеи крепосной земли рыбу в урочищахъ от Моклоковской дрови вверхъ от речки Моклоковки от талника до камня что сред Енисѣя реки да вниз пониже Боровской кури до красново камня а того рыболовного мѣста на полверсты а по зарѣшную сторону против того жъ вышеписанного камня от острова посацкого члвка Ондрѣя Трофимова с верхнеи изголови до нижнеи а по матерому берегу против тово жъ острова с верхнеи изголови вниз Енисѣя реки до Караулной кури на полверсты” [РГАДА, ф. 214, кн. 1403, л. 239].

В книгах называются места лова: *река, речка, озеро, исток, залив и залива, запор, плес*; указывается, какая рыба ловится и для чего: *елец, ерш, стерлядь, карась, ленок, налим, пескаръ, плотва, сиг, сима, сорога, тугун, харьус и харгуз; на продажу, про свой расход*; перечисляются способы лова: *неводом, сетью, удами, мордами*. Дается описание рыболовных снастей: *морды прутяные плетеные; невод большой, средний, полуредик; сеть сапная*. “В поплавню по четыре сети редких мѣрою сеть по дватцати сажен а мѣрою у нас невод по десяти сажен <...> а езы у нас бывають от берегу в реку девяти сажен” [кн. 1403, л. 239].

По описным книгам можно предствить организацию ловли: “бывает у поплавня по двѣ лотки набоинные в них работников по два члвка в лотке а у невода по лотке на набоинные в нем работников по три члвка у еза по человѣку у удъ по лду и у остроги в лодкѣ по члвку жъ” [кн. 1403, л. 239 об.].

Подробное описание границ и местонахождения участков позволило зафиксировать в тексте большое количество названий местных рек и небольших речек, озер, речных плесов, островов, деревень, например: озера *Круглое и Долгое*; речки *Белокопытовая, Галкина, Клоповая, Мельничная, Сволоковая, Скутовая, Сухая, Черменина*; реки *Каменка, Кеть, Тасеева, Тунгуска, Чадобец*; протока *Быстрая*; ручьи *Болотный, Касовский, Межевой, Плоский*; пруд *Мельничный*; шивера *Кашина* и др.

Лексический состав памятников включает слова, которые в более позднее время получили маркировку “сибиризм”: *дель* – ‘сеть’; *кривда* – ‘сеть на шестах, при помощи которой ловят рыбу с берега’; *курья* – ‘речной залив, рыбное угодье’, ‘старое русло реки’; *хрушкой* – ‘крупный’; *шивера* – ‘речной порог, перекат’ и др.

Таким образом, описные книги представляют большой интерес в качестве лексикографического источника для региональных словарей, поскольку отражают как общеупотребительную, так и специальную лексику, в том числе и локально ограниченную. Описные книги могут стать надежным источником и для топонимических словарей начального периода освоения Сибири, поскольку содержат названия объектов, утраченных или переименованных в более позднее время.

Не менее ценным лексикографическим источником является **Книга записная рыбным ловлям**, которая представляет собой целый комплекс документов, объединенных общей темой [РГАДА, ф. 214, кн. 1403, лл. 324–401]. В состав комплекса вошли собственно записки, составленные по челобитным владельцев рыбных ловель (лл. 324–351), а также подлинные документы, по которым составлялась книга: челобитные, росписи необрочным водам, выписки воеводы с пометой подьячего, допросные речи по спорным межам, поручные записи (лл. 352–401). Подлинные документы расположены в той же последовательности, что и записки в первой части книги.

Комплекс имеет развернутое общее название “Книги Енисѣйскаго города записные рыбнымъ ловлямъ которые оброчные и необрочные воды <...> отданы ис прежнего оброку с наддачею в которыхъ месяцевъ и числѣхъ челобитные в Енисѣйску в приказной избѣ поданы и с которго числа по которое число по помѣтамъ на выпискахъ и в которыхъ селѣхъ и деревняхъ и на какихъ урочищахъ рыбные ловли кому имяны откупщикомъ из оброку отданы и за какие цены и на сколько и кто по нихъ имяны и какихъ чиновъ поручики и на которые сроки оброчные денги въ Енисѣйску в приказную избу в казну великого гсдря тѣмъ откупщикомъ заплатить и сколько с кого вышепомянутыхъ указныхъ пошлинъ и за бумагу и за переплет у записки челобитен денегъ взято и то писано в сихъ книгахъ по статьямъ перечнями со всякою подлинною очисткою ниже сего [РГАДА, ф. 214, кн. 1403, л. 324 об.].

Первая часть книги состоит из подневных *записок*, которые имеют одинаковую структуру и общие формулы: дата, “били челом <N>”, “есть де у них въ <NN> на оброке <...>”, “а с тои де оброчной рыбной ловли платили они въ ево великого гедря казну старого оброку <S>”, “а они де будут платить въ ево великого гедря казну старого оброку”. Каждая записка завершается рукоприкладством челобитчиков, удостоверяющих подлинность записанного.

В последних статьях записной книги подводится итог собранному годовому оброку: “всего по сии записной книге с вышеписанных откупов годовых оброчных денег на один год на откушниках разных чинов на людех взятъ довелос дватцать семь рублей пят аттын в том числѣ <далее – именная роспись>” [там же, л. 344].

Во второй части подлинные документы расположены в определенной последовательности: челобитная с росписью вод, выписка воеводы, поручные записи.

Наибольший интерес представляют прилагаемые к челобитным и воспроизведенные в записках *росписи рыбных ловель*, где подробнее, чем в описных книгах, представлены границы рыбных угодий: “по обѣ стороны Енисѣя реки от истоку которой под Поповую дрянью да вниз Енисѣя реки ниже Антипины курьи до крстовъ которые крсты поставлены на городовои сторонѣ Енисѣя от вышепомянутой Антипиной курьи десятины з двѣ в разныхъ мѣстех” [там же, л. 327 об.] “Озеро глухое прозваньемъ Елесино вниз по Енисѣю рекѣ в Антипинской дрянне от дворов в гору с полверсты длина тому озеру верста и болши <...> к тому озеру залегло болото зыбучое з другую сторону лѣсная согра” [там же, л. 329].

Пристальное внимание к межевым границам обусловило включение в текст таких слов, как: *болото, боярак, бугор, веретья, дресва, залива, исток, коса, курья, лог, озеро, остров, прорва, протока, прилука, река, речка, ручей, согра, урочище, яр, ельник, бор, березник, тальник* и др.

Ни в одном другом памятнике не встретилось столь подробное описание озер Енисейского уезда: “озеро за рѣчкою Кемью прозваньемъ Ломоватой исток ” [там же, л. 329] ; “первое озеро Мостовое прозваньемъ а исток ис того озера пал в Кемь реку <...> другое озеро прозваньемъ Сухое а исток ис того озера палъ в вышеписанное Мостовое озеро <...> третье озеро прозваньемъ Желѣзова курья <...>

четвертое озеро Щучье” [там же, лл. 330–330 об.]. Упоминаются также озера *Большое, Долгое, Глухое, Калинино, Кроминино*. Во всех случаях указывается местоположение и размер озера – “длинник” и “поперешник”.

Кроме перечня и описания рыбных угодий в записной книге отмечаются отдельные записи комментирующего характера: “По вся годы бывают наносные деревья великие с коренем и каменные задѣвы” [там же, л. 326]; “Да в то же озеро зашла залѣва от высокои веретъи” [там же, л. 329].

Отмечаются в тексте книги названия рыболовных снастей (*сети поплавные, невод редкий, невод частик, морды, уды, острога*) и мелкой рыбы (*ельцы, ериш, окуни, тугуны, харьюсы* и др.).

Но наиболее богато представлена в записной книге все-таки топонимическая лексика: **реки** *Енисей, Кемь, Пит, Тис*; **речки**: *Абалатцкая, Зырянки, Лазаревка, Караульная, Межевая, Мельничная, Михалевская, Моклоковка, Оверина, Пузанина, Савинская, Сволоковая, Скutowая, Таловая, Тимовеева, Черная, Черменина*; **ручьи** *Вяткин, Малый, Мельничной, Сарафанов, Северный, Сосновый, Шадрина, Щербаков*; **протока** *Маланьина*; **курьи** *Антипина, Власова, Малая, Монастырская, Остякая, Полоусная, Фокина*; **острова** *Баженов, Еловый, Касовский, Кемский, Колмогоров, Подтесов, Пузанин, Скutowой, Ушаковский, Ханжин*.

Таким образом, описные и записные книги рыбных ловель представляют большой интерес для лексикографического описания, поскольку в большом объеме включают лексику одного из ведущих промыслов сибирских первопоселенцев, в том числе и локально окрашенную, а также топонимическую лексику, не зафиксированную в других памятниках той же территории.

2.3.6 Разгонные книги

Разгонные книги не введены в научный оборот ввиду их многочисленности и плохой сохранности, тем не менее для лексикографической разработки они представляют определенный интерес, поскольку отражают еще одну сферу деятельности воеводской администрации – контроль за проездом “разных чинов людей” по территории Сибири и провозом их имущества.

Сохранился фрагмент разгонной книги Енисейского острога за 1668 г., вполне достаточный для анализа содержательной части этого памятника, однако определить специфические черты оформляющей части не представляется возможным.

Книга представляет собой сборник подневных записей двух типов. Наиболее часто отмечаются статьи, структурными элементами которых являются: дата или выражение “того ж числа”; по (московской, тобольской, томской) подорожной дано ему (им) <N–NN> из А в В (откуда – куда) <перечень выданного>, например: “того ж числа по московскои подорожной дано писмянному головѣ Дмитръю Старово под запас ево из Маковского въ Енисѣискъ четыре подводы с санями и с проводники” [РГАДА, ф. 214, кн. 527, л. 218 об.]; “июля въ ·ЕІ· (15) де дано по московскои подорожной якутцкому прежнему воеводе Андрѣю Барнешлеву и под людеи ево и под запас дватцать четыре подводы а ѣхал он Андрѣи к великому гсдрю к Москве из Якутцкого” [там же, л. 223 об.].

В статьях второго типа регистрируются люди, отпущенные из Енисейского острога в Москву или в другие сибирские города: “того ж числа по указу великого гсдря и по грамоте отпущень из Енисѣиска к великому гсдрю к Москве ссылнои члвкъ Ивановскои площади подячеи Ивашко Александров з женою и з дѣтми дана ему въ Енисѣиску за Маковскои волокъ подвода” [там же, л. 222 об.].

В некоторых статьях содержится дополнительная информация о причинах или цели поездки: “пришли в Маковскои за ссыльными людьми в провожатых ис Тоболска тобольские сынъ боярскои Василеи Мокринскои да служилые люди Пронка Молоковъ с товарищи всего десять члвкъ” [там же, л. 218].

В содержательной части представляют интерес названия средств передвижения и перечни перевозимых запасов.

Как свидетельствует текст книги, в зимнее время жители Сибири пользовались подводами “с санями”, в летнее время для переезда и провоза грузов использовали “подводы с седлы” и “подводы вершиние с седлы”. Представляет интерес распределение средств передвижения в зависимости от социального статуса: “сыну боярскому двѣ подводы казакомъ по подводе члвку ссыльным людем семянитым осми члвом по подводе холостым двенатцати члвом трем члвом подвода” [там же, л. 218].

В числе перевозимых грузов разгонные книги указывают только “государево ружье” (пищали с ложами, и с замками, и с фурмами, и с трещетками) и “государеву товарную казну”: *шездесят кумачен, пядесят бунтов сафьянов, десятеры дороги, десят вершков тафты, сто шездесят один аршин сукна кармазину, тысяча двести аршин крашении.*

В отрывке отмечены примеры, в которых содержится указание на национальную принадлежность двух человек, “*отпущенных из Якутцкого острога к Москве и в Тобольск*”: “*гречанин Костянтин Петров*”, “*евреинъ Василии Кириловъ*” [там же, л. 223].

Таким образом, разгонные книги содержат информацию, не отмеченную в других памятниках, а потому могут быть привлечены к лексикографической разработке в качестве дополнительных источников.

2.3.7 Именные книги

Именные книги относятся к массовому источнику, представленному большим количеством архивных единиц.

Под названием **именных книг** объединяются *книги окладные* детям боярским, подьячим, атаманам, служивым людям, конным и пешим казакам, ружникам и оброчникам; *книги выдачи денежного хлебного и соляного жалования* всяким служилым людям и *книги паи* *именным крестьянам* и государеве десятинной пашне, “и кто что пашет, и сколько у которого крестьянина детей и братьи”.

Лучше других сохранились окладные книги, начальная часть которых содержит самоназвание документа (“*книги с денежными окладами*”, “*книги именные, что кому оклад денежного жалованья*”), а также полный перечень сословных групп, чей поименный список с указанием оклада и составляет основное содержание документа. Так, в красноярской книге 1700 г. перечислены дети боярские, подьячие, иноземцы поляки, атаманы, служилые люди, конные и пешие казаки, ружники и оброчники [РГАДА, ф. 214, кн. 1057, лл. 38–65], в мангазейской книге 1704 г. в предисловии указаны “*всяких чинов служилые люди и ружники и оброчники и толмачи*” [РГАДА, ф. 214, кн. 1422, лл. 181–183].

Содержательная часть окладных книг, а также книг выдачи жалования представляет собой перечень имен, сгруппированных по руб-

рикам, в которых указывается размер оклада или жалованья: “дѣти боярские оклад денегъ ·ЕІ· (15) Василеи Многогрѣшном оклад дигъ ·І· (10) Григорей Ермолаевъ Иванъ Ермолаевъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 1057, л. 38 об.]; “оклад по ·З· (7) с четю конные рядовые Андрюшка Арзамасовъ Мишка Ковригин Фомка Потылицын Мишка Сиротининъ <...>” [там же, л. 41].

Списки окладных людей часто расположены в два столбца и содержат пометы против каждой фамилии в виде креста, жирной запятой, двух черточек и др., что свидетельствует о тщательной выверке книг. В редких случаях в книгах отмечаются пояснительные записи “поверстан в дѣти боярские по указу великихъ гедреи и по грамоте за службы отца своево а преже сего служилъ онъ Федор в конной службе и ныне в дѣти боярские с прежним коннымъ окладомъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 1057, лл. 38 об.].

В именной книге пашенным крестьянам 1695 г. представлен перечень всего мужского населения Енисейского уезда по деревням: *Большой Елани, Верхней Подгородной, Каргиной, Моклоковской, Погадаевской, Подпорожной, Рыбенской, Тасеевской* и др. Отмечены и слободы: *Зырянская, Новая Подгородная, Троицкая*. Всего по Енисейскому уезду описано 39 слобод и деревень, “а в нихъ пашенныхъ крестьянъ семьсотъ шестьдесятъ пять члвкъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 1089, л. 139].

Структура статьи довольно проста – <N> (с братьями, сынами) пашет <S> десятин: “дрвня Родюковская а в неи пашенные крестьяня Нефедко Нестеров с пасынки пашет полдесятины Стенка Лукьянов з братьями пашеть чет десятины с получетью” [РГАДА, ф. 214, кн. 1089, л. 104]. В отдельных случаях встречаются пояснения: “Ивашко Тимофѣевъ паникадильщик пахал чет десятины в прошлом ·СГ· ол (203 = 1695) году по указу великих гедреи посланъ он Ивашко за убийство в сылку в Ыркуцкой” [там же, л. 102]; “а он Васка отпушенъ в мнстръ постритца” [там же, л. 128 об.]. Примечательно, что кроме мужских имен, в книге фиксируются и женские: *Анища Анискиева, Анища Рандиха, Марыща Скурихина*.

Лексический состав именных книг однообразен и ограничен наименованием лиц по роду деятельности: *атаман, сотник, пятидесятник, десятник, рядовой казак, пеший казак; игумен, соборной поп, покровской поп, ясауловской поп, дьякон, церковной дьячек, паникадильщик, пономарь, просвирница; подьячий, толмачь; воротник, за-*

плечной мастер, котельник, кузнец, мельник, портной швец, прянишник, пушкаръ, решетник, сапожник, сторож.

Именные книги в большей степени ценны своей экстралингвистической информацией. Так, именно по окладным книгам можно установить состав таможенных и приказных изб в конкретный период, определить статус подьячих, занимаемое ими положение в подьяческой иерархии и тем самым выявить их делопроизводственную компетентность. В книгах первой половины века часто можно обнаружить пометы, указывающие на происхождение служилых людей, которые позже войдут в состав постоянного населения: *белозерец, важенин, вологжанин, вычегжанин, вязмятин, зырян, казанец, каргополоц, кокшар, колмогор, колмогорец, корел, мезенец, нижегородец, пермитин, пинежанин, подвинец, поморец, свияженин, сысолятин, усалец устюжанин* [РГАДА, ф. 214, кн. 70, лл. 100–120]. По именным книгам можно проследить формирование контингента постоянного населения, установить родственные связи.

Все книги содержат богатейший материал по антропонимике. Имена-прозвища (*Варакса, Жито, Кырнай, Муксун, Падера, Чермной, Чирменин, Чюфарист, Щербак*) могут оказать существенную помощь в реконструкции локально ограниченной лексики. Сказанное ранее позволяет квалифицировать именные книги как базовый источник для составления только антропонимических и топонимических региональных словарей. Для разработки словарей общего типа использование этих книг нецелесообразно.

2.3.8 Окладные оброчные книги

Разновидностью именных окладных книг являются “Книги окладные оброчные енисейским нововерстанным посадским людям, и новооброчным лавкам, и анбарам, и погребам, и кузницам” 1685 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 817, лл. 258–270]. Самоназвание книги представлено в двух вариантах: в начале предисловия – “книги окладные оброчные” и в завершающей части – “оброчная книга”.

В окладной оброчной книге можно выделить три составные части, которые имеют свои подзаголовки: 1) “бобыли и захребетники которые поверстаны вновь в посад”; 2) “посадские люди которые поверстаны вместо бѣдных и оскудалых посадских людей и вдовъ в старые их оброки”; 3) “лавки и анбары и погребы и каковы строены и

заводомъ”. Завершаются разделы подведением итогов по вновь положенным оброкам.

Структурную основу статей можно представить в следующем виде: <N> <Ng> сынъ оброку на него положено <S>. Однако почти каждая подобная формула сопровождается дополнительной информацией, которая и составляет особую историческую и лингвистическую ценность оброчной книги: “отставленои подячеи Микитка Хохлаков которои отставлен ис приказной избы за воровство во ‘РЧВ’ м (192 = 1684) году оброку на него положено десять алтынъ [кн. 817, л. 258 об.]; “Кипрюшка Ульянов сынъ Серебряникъ которои посылан был в Нерчинской острог для рудного дѣла оброку на него положено дватцать алтынъ” [там же].

В третьей части содержится развернутое предисловие, напоминающее предисловие переписных книг, в котором раскрывается причина описания необрочных амбаров, погребов и лавок в Енисейском уезде. Все статьи идентичны по содержанию: амбар <Ng> оброку положено <S>. Ценность статей заключается в описании амбаров и лавок: “да под тѣм же амбаром три лавки да погребъ” [там же, л. 262]; “амбар хлѣбной о дву житьях” [там же, л. 263]; “Ивашко Хорошев строит внов амбар мѣроу стѣны по обѣ стороны и с кожухом по три сажени печатных” [там же, л. 264].

Среди облагаемых новым оброком названы обнаруженные в Енисейской уезде необрочные кузницы, мельницы, птичьи ловли, рыбная тоня. Каждый необрочный объект описывается достаточно подробно, что создает законченные микроконтексты в составе статьи: “и тѣ кузницы в тѣ прошлые годы загоралис и тутошным житецким людемъ возлѣ тѣх кузницъ жит от пожару опасно” [там же, л. 265]; “<...> велѣл тѣ кузницы ис посаду перенести кузнецамъ на иное мѣсто покраи того ж зарѣчного посаду на веретѣхъ подлѣ болота чтоб тутошным всяким жителемъ от тѣх кузницъ от пожару какова разорения не учинилось” [там же, л. 265]; “явилис в Бѣлском вверхъ по Бѣлои рекѣ с усть Сѣрои рѣчки по лѣвой сторонѣ до росох Бѣлои рѣчки птичьи ловли” [там же, л. 264 об.].

Таким образом, оброчные книги по лексическому наполнению шире, чем именные окладные книги, поскольку кроме имен собственных включают топонимическую лексику определенного региона, а также слова различных лексико-тематических групп. Зафиксированы

в оброчных книгах и лексемы, имеющие локальную окраску, что особенно важно для региональных словарей: *воденик*, *россоха* и др.

2.4 Памятники, отражающие отношения с коренным населением

2.4.1 Ясачные книги

Под ясачными книгами понимается совокупность документов, основным предметом описания которых является ясак: ясачные соболиные книги; книги ясачным людям; книги поминочному, ясачному и десятинному сбору; книги ясашного соболиного сбора по улусам и землям; книги сбора ясачной мягкой рухляди и др.

Ясачные книги крайне слабо представлены в лингвистической литературе, хотя являются ценным источником для исследования одной из ведущих сфер деятельности служилого населения Сибири – сбор ясака. В большом количестве сохранились ясачные книги служилых людей, отправленных не только в Енисейский и Красноярский уезды, но и на “великую реку Лену”, на Яну, Вилюй. Среди первых составителей ясачных книг значатся енисейский атаман Иван Галкин, сотник Петр Бекетов, сын боярский Парфен Ходырев, которые являются также основателями многих зимовий и острожков на новых объясаченных территориях.

Ясачные книги содержат богатую и разнообразную экстралингвистическую информацию о коренном сибирском населении. В данных книгах вскрывается родоплеменная структура и состав народов Сибири [см. Долгих 1950], социально-имущественное расслоение родов, описывается их образ жизни (*сидячие*, *кочевые*). В ясачных книгах поименно перечислено все население улусов и “лутчих людей”, именные списки в отдельных документах достигают 700 единиц; запись необычных для русских служилых имен коренного населения проводилась на слух, часто с сильным искажением, что можно определить при сопоставлении нескольких списков одного улуса.

Из ясачных книг можно извлечь сведения, отсутствующие в других памятниках: о системе обложения и сбора ясака, “об аманатстве, поручительстве, о прямых и косвенных последствиях ясачного режима; на основе этих материалов можно судить о передвижении местных народов, обусловленных событиями в XVII в., ясачной полити-

кой” [Иванов 1979: 121], об отношениях с русскими первопоселенцами.

Ясачные книги различны по содержанию и объему, а потому представляется необходимым рассмотреть некоторые из них более детально.

К собственно ясачным относятся “Книги переписные ясачным людям”. По содержанию они сходны с переписными книгами русского населения Сибири, но содержат именную перепись только коренного населения с указанием количества ясачного оброка.

К наиболее ранним памятникам относится ясачная книга Мангазейского уезда 1629 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 19, л. 1–52], в которой дано описание мангазейской самоеды по зимовьям, а в них по родам: “Хантаиское зимовье а в нем платят гсдрвь ясак самоедь род Кислои Шапки Мияруи взято три соболи Адудуи взято два соболи ” [там же, л. 2]. Далее идут сведения о родах “тундряной самоеды”, роды *Туруханского, Верхотазского, Инбацкого, Закаменного, Хонтайского, Пясидского* и других зимовий. Имена лучших людей рода, вероятно, записывались на слух (*Выруй, Сыруев, Семирта, Муйдукин*), не исключено, что в записи имена сильно искажались, видимо, поэтому в отдельных случаях писцы пытались “перевести” имя собственное на русский язык: род Кислой Шапки, род Пьяной, род Красной.

В мангазейской переписной ясачной книге встречаются записи о “погроме” ясачных тунгусов “для того что они гсдрва ясаку с себя поволно платить не учили а учили с ними (ясачными сборщиками) драгца” [там же, л. 48].

Более четко структурирована “Книга переписная Енисейского острогу ясачным людям” 1668 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 527, лл. 226–263].

Книга начинается развернутым предисловием, в котором можно выделить три составные части: самоназвание документа и перечень документов, регламентирующих составление книги (*по указу великого государя, по грамоте и по отписке разрядного стольника и воеводы*); перечень волостей – острогов, рек и озер, подлежащих переписи (*Кетская, Рыбенская, Чадобская волости; Баргузинский, Ангарский остроги; Байкал, Баунта и Буженя озера и т. д.*); цель переписи (“сколко в которой волости ясачных людей и подростьков и хто имяны и по сколку с члвка великому гсдрю ясаку и поминков платят). Самоназвание источника в предисловии используется дважды: в са-

мом начале (*книга переписная Енисейского острогу ясачным людям*) и в завершающей части в составе конечной формулы: “и то писано в сих переписных имянных книгах порознь статьями”.

Содержательная часть текста состоит из клаузул в соответствии с волостным делением уезда: “на рекѣ Енисѣе волость Подгородная Кузнецкая а в неи ясачных людеи” [там же, л. 227]; “на рекѣ Енисѣе жс волость Сымская и Касовская а в неи ясачных людеи” [там же, л. 228]; “на Кѣти рекѣ волость Натцкая а в неи ясачных людеи ” [там же, л. 229]; “Волость Рыбенская а в неи ясачных тунгусов” [там же, л. 233 об.]. После описания каждой волости подводится итог по количеству ясачных людей, собранному ясаку и поминкам.

Каждая клаузула включает несколько статей в зависимости от количества “лутчих людей” или “князцов”: “лутчеи члвкъ Сараико Калганов ясаул Васка Калев Оска Тичкин Белоголов Тимкин Илчекъ Чипкин Леван Хочен Кимкин <...> поминков платят с члвка по соболлю да ясака по одиннатцат соболеи с члвка с хвосты без пупков” [там же, л. 228]; “братцкои породы князецъ Конколка Ишегенев <...> ясаку платят по два соболя с члвка” [там же, л. 240].

Как свидетельствуют переписные книги, размер ясака не был стабильным: в Касовской волости платили по 11 соболей “с хвосты и без пупки” с человека, в Натцкой волости – по 6 соболей такого же качества, а подростки, старые и больные люди платили всего по 2 соболя, но “с хвосты и с пупки”: “Федка Тугулаев стар и хром ясаку платит два соболя с пупки и с хвосты” [там же, л. 233 об.].

Таким образом, переписные книги имеют достаточно четкую структуру, а их лексическое наполнение соответствует целевой заданности – регистрация ясака, собираемого с местного населения. Здесь представлены местные топонимы, русские и заимствованные из языков коренного населения антропонимы, названия коренного населения по их этнической принадлежности (*браты, братские люди, братской породы люди; тунгусы, тунгусские люди; тундряная самоедь*), названия соболей в зависимости от сортности шкур (соболя *с хвосты и с пупки, соболь с хвосты и без пупков*).

Переписным книгам по структуре аналогичны **книги поминок** и **ясачному сбору**, в которых отражен сбор поминков и ясака со всех окладных волостей. Самоназвание текста в таких книгах представлено в двух вариантах: “*книги поминокному и ясачному и десятинному соболюному сбору*” и “*ясиная книга*”.

Содержательно книги ясачного сбора несколько отличаются от переписных ясачных книг, поскольку акцент в них сделан не на переписи окладных волостей, а на количестве собранного ясака (в полном / неполном объеме) в сравнении с предыдущим годом. Структура статьи представлена следующими опорными выражениями: “на реке <N> волость <NN> а в ней ясашных людей <S> человек”, “довелось с них взять на нынешний на <D> год поминков <S> соболя да ясаку <S> соболя”, “и в нынешнем во <D> году с тое <NN> волости взято великих государей поминков <S> соболя да ясаку <S> соболя с хвосты без пупков против прошлого <D> году сполна” или “и против полного оклада <D> году недобрано поминку <S> соболей да ясаку <S> соболей”.

В случае недобора поминков или ясака требовалось обязательное пояснение причин случившегося, что и представлено в книгах в виде копий сказок служилых людей, проводивших сбор мягкой рухляди: “в приказном избѣ <...> ясашные зборщики <...> подали за своими руками скаску а в скаске своеи написали недобрали де они великих гсдрей поминочных и ясашных соболей потому в прошлом де во РЧВ м (192 = 1684) году Касовской волости ясашные люди Хосенко Тулуико Топтисов Авжиявко Топтисов же после ясашного платѣжу умерли а ясаку и поминку платили они тридцать пять соболей потому де они поминков и ясаку и недобрали” [РГАДА, ф. 214, кн. 817, л. 183 об.]; “а иные иноземцы немогыи и за тою немочью на промысел не ходили” [там же, л. 192]. В свое оправдание ясачные сборщики приводили и тот факт, что они “ясашных людей на лѣшних соболиные промыслы посылали бѣс престани и въ юртах жить имъ не давали” [там же, л. 226].

Кроме сказок ясачных сборщиков в книгах передается содержание челобитных ясачных тунгусов, которые также поясняют причины недобора ясака: “в урочищах всякого звѣря соболей и лисицъ умалилось и улову не стало для того что де соболей находили многих мертвых в лѣсах помирали и лисицъ и иного ясашного звѣря против прежнего умалилось же” [там же, л. 187 об.]; “соболей и иного ясачного зверя в лесу не стало и собольных слѣдов в лѣсах являлось малое число” [там же, л. 226 об.].

Главный предмет ясака – шкурка соболя, но с начала 40-х годов XVII в. ясак могли собирать шкурами других животных, а в некото-

рых случаях и деньгами. Так, в упомянутой ясачной книге 1684 г. говорится о сборе ясака “соболми и всякимъ звѣремъ за соболя” [РГАДА, ф. 214, кн. 817, л. 181]. Среди “всякого зверя” перечислены: *лисица черная, лисица чернобурая загривок черной, лисица чернотушчатая, лисица сиводушчатая, лисица красная, лисица красная сиводушчатая, бобр черный, карий и рыжий, черевесь бобровая, кошлок, росомака, выдра, рысь.*

В число ясачных книг входят **приходные книги**, в которых вместо именного перечня всего ясачного населения дается список только “лучших людей”, стоявших во главе ясачных волостей, зимовий, родов. Приходные книги могут называться сборными, приемочными, а также ясачными росписями. Главное содержание этих книг – фиксирование сбора ясака и поминков с окладных волостей и новых неокладных земель. В приходных книгах перечисляется все ясачное население с отметкой, сколько каждый из них уплатил соболей, лисиц.

С ясачными приходными книгами сближаются в содержании ясачные **сметы** – “самые существенные документы воеводского управления по ясачной операции” [Оглоблин 1895: 95]. В сметах представляются результаты ясачного сбора за текущий год, однако поименный список плательщиков в них отсутствует. Сметы всегда сопровождаются **пометами**, в которых прогнозируется сбор ясака на предстоящий год. Сметы и пометы образуют неразрывный комплекс, регистрируемый как одна архивная единица. Сметы и пометы отличаются высокой степенью стандартизованности, шаблонным построением статей. Отсутствие в них именного списка также снижает их лингвистическую ценность, поэтому они менее других ясачных книг пригодны для лексикографического описания.

Таким образом, ясачные книги в целом дают ценный материал о численности, движении и расселении аборигенов на территории Приенисейской Сибири. Ясачные книги являются источником, в котором наиболее полно представлена лексика пушного промысла, в частности, наименования шкурок пушного зверя.

Использование насыщенных этнонимами, локальными топонимами и специальной лексикой ясачных книг в качестве лексикографического источника позволяет более ярко представить специфику *регионального* словаря полного типа.

2.4.2 Шертовальная запись

Шертовальные записи не привлекались к исследованию ни историками, ни лингвистами, возможно, в силу их немногочисленности и плохой сохранности. Среди памятников, приуроченных к территории Приенисейской Сибири, удалось выявить только один текст за 1640 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 328, л. 196–198].

Шертовальная запись представляет собой шаблонный текст, по которому коренное население приводилось к присяге на верность государю.

Документ имеет небольшой заголовок, в составе которого используется и самоназвание: “Запис шертовальная по которой к гсдрву црву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Руси якутских князев лутчих мужыковъ и ясачных якутовъ по ихъ вѣре привести к шерте как они шертуют” [там же, л. 196]. Хотя данная шертовальная запись ориентирована на якутских князей, вероятно, такой же текст использовался и при приведении к присяге “лутчих людей” других родоплеменных объединений.

Повествование строится от первого лица: “яз имркъ шертую по своей вѣре и за вес свои родъ”; “а гдѣ увѣдаю или услышу” [там же, л. 196].

Текст шертовальной записи довольно большой, так как в него закладывались основные требования царского правительства, которые должны были выполнять коренные жители: “служить гсдарю и прямити и добра хотѣти вправду безо всякие хитрости”; “ясак <...> по вся годы платит полною без недобору”; “служылых людей в улусахъ своихъ не побиват и не грабитъ”; “денех дават и быт съ гсдрвыми служылыми людьми за одинъ”; “улусных неясачныхъ людей под гсдрву црскую высокую руку приводитъ”; “ни в чемъ гсдрю не измѣнитъ”; “старыхъ своихъ кочевевъ в ыные немирные землицы <...> в неясачные иноземцы не отѣхати”. Предусматривались в записи и отношения с торговыми людьми, с немирными улусами. Предписывалось, что необходимо делать, если князьям станут известны намерения других родов: “мнѣ про тот скопъ и заговоръ потому жъ сказыват <...> воеводамъ или служылымъ людямъ”.

Весь список обязательств заканчивается формулой: “на томъ на всемъ гсдрю своему црю и великому князю Алексѣю Михайловичю

всёя Руси и шертуу что в сеи записи писано по тому мнѣ так и дѣ-
лат” [там же, л. 197].

Лексический состав представлен словами общерусского упот-
ребления, но встречаются и регионализмы – названия родоплеменных
объединений: *браты, мугалы, китары, андауры*.

Поскольку основной текст представлен набором инфинитивных
предложений, то в нем отмечается большое количество глаголов, пре-
имущественно в инфинитиве: *изменить, заказывать, мыслить, обере-
гать, отъехать, платить, побивать, привести, приводить, прямить,
служити, ссылатся, хотети*.

Официальный характер документа подчеркивается употребле-
нием большого числа устойчивых сочетаний и выражений: *не щадя
головы, некоторыми мѣрами, в вечном прямом холопстве, смертным
убойством, быть за один, смотреть и беречь накрепко, никакова ли-
ха не мыслить* и др.

Таким образом, шертовальная запись включает значительный
пласт лексики с национально-культурным компонентом, а потому-
должна включаться в число базовых источников регионального исто-
рического словаря.

2.4.3 Шертовальные книги

Шертовальные книги по содержанию близки к переписным
книгам и представляют собой именной перечень ясачного населения в
момент привода его к присяге государям.

Сохранилась шертовальная книга ясачным людям Енисейского
уезда 1683 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 817, лл. 89–123], в начале которой
отмечается дата и место, где ясачные люди “по своей бусурманской
вере шерть дали и саблю целовали” [там же, л. 89]. Отдельные выра-
жения предисловия совпадают с текстом шертовальной записи, что
подтверждает предположение об использовании единого текста при-
сяги на всей территории Сибири: “великимъ гсдремъ служити и пря-
мити и во всѣмъ всякого добра хотѣти и быт под их црского величе-
ства высокою рукою в вѣчномъ холопствѣ и въ платежу навѣки не-
отступны” [там же, л. 89 об.]

Далее дается перечень имен местного населения по родам, особо
отмечаются “лутчие люди”, подростки, шаманы: “Чюлнего Болгучинъ

подростокъ Болкича Некоулев подростокъ [там же, л. 94 об.]; “Чистюнка шаманъ с своими улусными людьми” [там же, л. 119 об.].

Шертовальные книги, насыщенные географическими названиями, представляют интерес в качестве источника для словаря местных топонимов.

2..5 Памятники, отражающие судебную деятельность воевод

2.5.1 Сыски, сыскные дела

Сыски, сыскные дела представляют собой следственные комплексы документов по уголовным делам, административным и политическим преступлениям. Такие комплексы, составляющие одну архивную единицу, включают тексты разных жанров: изветы, расспросные речи, сыски. Сыскные дела имеют большое значение для изучения материальной и духовной культуры сибирского населения, так как отражают практически все сферы их деятельности: административную, военную, хозяйственную. В сысках отразилась делопроизводственная деятельность воеводской администрации, различные виды промыслов. В основе каждого сыска лежит то или иное правонарушение, связанное со злоупотреблением воевод, дьяков, служилых людей. Объем сыскного дела зависел от статуса ответчика и характера злоупотребления, от количества прилагаемых расспросных речей и других документов.

По Приенисейской Сибири значительный интерес представляют сыскные дела о злоупотреблениях енисейского стольника и воеводы Г.Новосильцева [РГАДА, ф. 214, ст. 947, 1082], мангазейского воеводы князя Н.Барятинского [там же, ст. 930], енисейского дьяка И.Юдина [там же, ст. 1014], красноярского подьячего В.Еремеева [там же, ст. 380] и др. Описанием бытовых деталей ценно сыскное дело енисейского пивного откупщика И.Ушакова [там же, ст. 908].

Языковой состав сыскных дел обусловлен входящими в него документами (изветами, расспросами), которые ориентированы на словесную передачу речи истца, ответчика или свидетеля. Именно поэтому сыскные дела хорошо отражают живую разговорную речь, в том числе локально окрашенную.

Сыскные дела – ценный комплексный источник для региональной лексикографии, однако учитывая жанровое своеобразие отдель-

ных текстов, составляющих сыскное дело, полагаем необходимым рассмотреть каждый тип документов отдельно.

2.5.2 Изветы, изветные челобитные

Изветы (изветные челобитные) представляют собой доносы жителей острогов, служилых и посадских людей на воевод, подьячих, атаманов, служилых людей. Изветы являются исходными документами, по которым сначала проводилось дознание (расспрос), а затем составлялся сыск (сыскное дело).

Изветы представлялись воеводе в устной или письменной форме. Характер извета обязательно отмечался в начальной части *расспросных речей*: “...Рѣдъ з (164 = 1656) мая въ ‘КЗ’ (27) де въ Енисѣйскомъ столнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфову ссылново разбоиника Мишки Муравева жена ево Мишкина Маврутка Яковлева доч извѣщала словесно” [РГАДА, ф. 214, ст. 1567, л. 153].

Письменные изветы оформлялись в виде челобитных, но отличались от них тем, что в начальный формуляр помимо традиционного “бьет челом” включались слова и сочетания: *извѣщает государево дело на <...>, являет и извѣщает на <...>, жалоба нам на <...>*. Заключительная формула изветов также совпадает с традиционной челобитной: “црь гсдрь смилуися пожалуи”. В изветной челобитной, как правило, не содержалось просьбы решить то или иное спорное дело, для подателя извета важно было, чтобы его донос был зарегистрирован в приказной избе: “пожалуи гсдрь меня холопа своего вели гсдрь мою извѣтную челобитную принят в Томском городе въ съѣзжей избѣ воеводе кнзю Осипу Ивановичю Щербатому и про то дѣло сыскат” [РГАДА, ф. 214, ст. 259, л. 618]. С поданных письменных изветов снималась копия (список), которая пересылалась в Москву, оригинал изветной челобитной оставался в местной приказной избе “впредь до спору”.

Во многих изветах отмечаются одинаковые словосочетания, что позволяет квалифицировать их как устойчивые: *держатъ за приставом, морить голодную смертью, мучить розными (тюремными) муками, сказать дело, про тое дело сыскать*.

Наибольший интерес представляет содержательная часть изветов, подробно описывающая причины обращения к вышестоящим инстанциям “за судом и росправою”. В материалах енисейской приказ-

ной избы сохранился целый комплект изветов на енисейского сына боярского Ивана Похабова, которого обвиняют “в разных винах”. Так, сын боярский Иван Ермис, будучи на пиру с воеводским сыном Родионом Уваровым, казачьим головою Петром Бекетовым и Иваном Похабовым, услышал от последнего “неистовные слова про праведного гсдря”, о чем и извещал енисейского воеводу Федора Уварова [РГАДА, ф. 214, ст. 259, л. 612]. Енисейский казак Ивашко Герасимов Чебичаков обвинял Ивана Похабова в том, что тот в братском улусе “покупал и торговал на себя всякую мяхкую рухлед соболи и бобры и лисицы” прежде государева ясака [ст. 259, л. 616]. Извещали на Ивана Похабова и за то, что он “на Байкале озере без гсдрва указу <...> есашнова мужика лутчево именемъ Мушкил ковал в железа для своеи безделной корысти и вымучил на собя дватцат четыре соболя с пукки и с хвосты”, а отпущенный тунгус “сожег гсдрво ясачное зимове на Онгарѣ рекѣ” [там же, л. 617].

Изветы отличаются низкой степенью стандартизованности, открытостью границ для проникновения в текст элементов живого разговорного языка: *застращать*, *испромыслить*, *кликать*, *стакаться*, *побивать*, *сулить*, *упромышлять*, *учать*, *хвалиться*.

Грамматические формы и синтаксические конструкции также во многом отражают особенности разговорной речи писавших (диктовавших).

Разнообразие тематики, внимание к деталям описываемых событий, наличие полных микроконтекстов – все это делает изветы ценным лексикографическим источником.

2.5.3 Расспросные речи

Расспросы (расспросные речи) – это протоколы “официального диалога с целью выяснения у лиц фактов, неизвестных администрации” [Качалкин 1988, II: 83]. Сохранилось достаточно большое количество документов, самого разного содержания: о приходе воинских людей в Красноярский острог [РГАДА, ф. 214, ст. 91, лл. 140–147]; об утерянном Служебнике литовской печати [РГАДА, ф. 214, ст. 656, лл. 1–5]; о гибели государевых запасов [РГАДА, ф. 214, ст. 123, л. 61]; о причинах неудачных звериных промыслов [РГАДА, ф. 214, ст. 210, лл. 172–224]; по делу ссыльного разбойника Мишки Муравьева о блудном грехе [РГАДА, ф. 214, ст. 1567, лл. 153–156] и др.

Как правило, расспросы, связанные с конкретным событием, оформлялись в виде самостоятельного документа и подшивались в книгу, представляя таким образом составную часть определенного комплекса — сыского дела, ясачных книг, воеводских отписок и др.

В начальной части расспроса указывается дата и место проведения процедуры, после чего идет дословно переданная речь, которой предшествуют глаголы: *доложил*, *допросил*, *сказал* и др. Например: “и воевода Григорей Орлов допросил извещаеш ты старец на Леонтья гсдрво дѣло да на нево изветную челобитную что ты на нево вѣдаеш гсдрво дѣло” [РГАДА, ф. 214, ст. 656, л. 17]; “и старец Ефремь сказал что челобитная у нево в келье” [там же, л. 17]; “и чернец Ефремь почаль кричат есть де у меня Григорей и на тобя гсдрво дѣло” [там же, л. 20]. На обороте каждого текста стоит рукоприкладство допрашиваемого человека, при этом слово *приложил* переносится на лицевую сторону и завершает записанную расспросную речь.

В расспросных речах в разговорной форме сообщается о повседневной жизни сибиряков, о трудностях, с которыми сталкивались первопроходцы при освоении новых земель, о проводывании новых безопасных путей поставки хлеба, о воеводской несправедливости при определении хлебного оклада. Небольшие по объему документы раскрывают отношения служилых людей и прочих жителей сибирских острогов с воеводской администрацией и коренным населением. Например: “Того жс числа Даурские земли ясыр девка Ненгучи а русское прозвище Манка в роспросе сказала взяли де еѣ на погромѣ в Даурской земли служилые люди тому годы с три а купил де еѣ из воиска Дмитрея Франзбекова члвкъ Онашка Росланов а что де за нее дал тово де она не вѣдает” [РГАДА, ф. 214, ст. 344, л. 661]; “мангазѣиские служилые люди Васка Петровъ да Оксенко Харитонов в роспросѣ сказали в прошлом де во РНА м (151 = 1643) году июля въ ГИ м (13) числѣ отпущено де было ис Тоболска в Мангазѣю з гсдрвыми хлѣбными запасы <...> два коча и на Березов де они пришли августа въ А м (1) числѣ а з Березова пошли назавстрие августа во В м (2) числѣ а на море из островов вышли августа въ ЕИ м (15) числѣ и на морѣ де встрѣтил противной вѣтръ и стояли два дни да двѣ ночи и оттоле де бежали парусом за море два дни до завороту и в заворотѣ учало погодою кочи бит и гсдрвы запасы и торговых люди рознесло

по морю и по берегу а люди плыли и брели на берег на веслах и на досках и в карбасѣх” [РГАДА, ф. 214, ст. 134, л. 96].

Расспросные речи содержат богатейший лексический материал – бытовую и эмоционально-окрашенную лексику: “Сидит на дороге привезав к себѣ под пазуху мѣхъ рогожнои а з другую сторону привезав бересто сухое чѣмъ укрывают самоеди и остяки чюмы свои” [РГАДА, ф. 214, ст. 656, л. 18]. Употребляются в текстах и устойчивые сочетания: *поставить с очей на очи, кричать во всю голову, на собачье ноге* (“а на собаче ногѣ промыслу не было что снѣг укинул велик” [РГАДА, ф. 214, ст. 210, л. 175]).

Многие написания позволяют трактовать их как отражение живого произношения: “Топерво угрожаеш и про што кричиш на Леонтья” [там же, л. 19]; ср. также: на наемшиков, *срелят* (вместо *стрелять*), *осрог* (вместо *острог*), *видечи*, *помничи*, *привезав*, *слышечи*, *рухледи*, *петнатцат*, *ясашный* и др.

Ценность расспросных речей заключается и в том, что в них представлены все части речи в разных формах, которые в других памятниках почти не встречаются.

Таким образом, расспросы являются надежным источником не только для разработки региональных словарей, но и для исследования фонетических и морфологических особенностей говора русских переселенцев.

2.5.4 Сказки

Сказки по своему значению и содержанию сближаются с расспросными речами, поскольку чаще всего прилагаются к другим документам в качестве доказательств той или иной ситуации. Составляемые по разному поводу, сказки представляют почти все стороны жизни сибиряков, так как в них речь идет о путях сообщения с Туруханским зимовьем [РГАДА, ф. 214, ст. 635, л. 88]; о новом пути на Турухан по Енисею [РГАДА, ф. 214, ст. 635, лл. 90–91]; о трудностях поставки в Енисейск десятинной соболиной казны и кости рыбаь зуба [РГАДА, ф. 214, ст. 1567, лл. 5–6]; о необходимости переноса старой Мангазеи к Туруханскому зимовью и о достоинствах нового места [РГАДА, ф. 214, ст. 635, лл. 92–95]; о рыбных ловлях [РГАДА, ф. 214, кн. 1403, лл. 190–259]; о ясачном сборе [РГАДА, ф. 214, ст. 645, лл. 47–54] и др.

Показателем жанровой принадлежности текста является самоназвание, которое обычно прописывается в конце документа: “то наша и скаска” [ст. 635, л. 15], “то моя скаска” [там же, л. 91] и др.

Начальная формула во всех сказках одинакова: <D> в съезжей избе <N> сказал (сказали). Например: “РП· з (180 = 1672) июня въ ·Е· (5) *де* в съѣзжей избѣ перед воеводою перед Данилом Трофимовичем Наумовым промышленные люди Онтонко Петров Родка Федотов сказали” [РГАДА, ф. 214, ст. 635, л. 16]. В некоторых сказках начальная часть после слова *сказали* содержит факультативные формулы: “по святой непорочной заповеди”, “взирая на Спасов образ”.

Авторами сказок значатся казачьи сотники, пешие казаки, служилые люди, толмачи, но, вероятнее всего, все тексты составлялись в приказных избах другими людьми, авторство которых не установлено. Об этом, например, можно судить по тому, что большая часть сказок служилых людей о строительстве нового города Мангазеи имеет совершенно одинаковый текст и различается только датами и именами. В редких случаях в сказках встречаются ссылки на писавших: “а скаску писал стрелец Васка Иванов Шелопуний” [РГАДА, ф. 214, ст. 635, л. 47]; “скаску писал по их велѣнию стрелец Кирилко Иванов Гороховъ” [там же, л. 48]; “скаску писалъ ясачной зборщик Тишка Василевъ” [там же, л. 52]. Подлинность написанного во всех случаях подтверждается рукоприкладством “автора” сказки.

Для сказок характерны обиходно-разговорные слова, простые синтаксические конструкции: “и нне тоѣ протоку песком замыло лиш весною суды ходят а как вода спадет и та протока пересыхает и судовова ходу по неи не бывает” [РГАДА, ф. 214, ст. 635, л. 91]; “а Туруханское зимове стоит от Енисѣя реки на лѣвои сторонѣ версть с пят от реки на протоке и в межен вода пересыхает и суды тою протокою не ходят” [там же, л. 92]; “и какъ плыли из Ылимсково въ Енисѣиской острогъ нас осенней лед захватил не доплывъ до Енисѣисково на Тунгуске рекѣ на Мурскомъ пороге <...> и плыли во лду з болшею нужею” [РГАДА, ф. 214, ст. 1567, лл. 5–6].

В сказках представлены все части речи в различных грамматических формах: *судовая пристань, кочевой отпуск, ловкое пристанище; разбило, занесло, сметали, потонул без остатку, останетца; угодно, оберегательно, блиско, довольно, безубыточно, поране.*

Хорошо представлены лексико-тематические группы, связанные с ведущими промыслами сибиряков: названия судов (*доценик* и *доцаник*, *лодка*, *коч*, *струг*), названия рыб (*муксун*, *нельма*, *стерлядь*), названия орудий рыбной ловли (*морда*, *невод*, *саип*, *частик*), названия промыслового зверя (*соболь*, *лисица красная*, *чернобурая*, *белодушка*, *сиводушка*, *бобр*). Освоение названий коренного населения выражено написаниями: *самоедь нюрацкая*, *юруцкая*, *юрацкая* (последнее стало общеупотребительным).

Часто отмечается употребление разговорной и локально окрашенной лексики: *межень*, *поруха*, *режма*, *россоха*; *говаривать*, *излюбить*, *истерять*, *отпущать*, *приприводить*, *приводить*.

Таким образом, исследование сказок, их содержания и лексико-грамматических особенностей показало, что данный жанр является очень ценным источником для разработки региональных словарей общего типа, а также для словарей разговорной речи сибирских переселенцев.

2.5.5 *Роспись тюремным сидельцам*

Среди дел судебного делопроизводства привлекают внимание **рописи (списки) тюремным сидельцам**. К числу достаточно подробных относится мангазейская роспись 1671 г., в которой говорится о том, кто именно, как давно и за какую провинность сидит в тюрьме: “въ црковной татбѣ Коземка Оксенов сапожник сидит в тюремѣ девятнацать лѣт <...> в татбѣ винулся”; “и тот тюремной сидельцѣ из тюрьмы в три поимы бѣгал и за то пытан”; “стрелец Сенка Сорочкин сидит в тюремѣ десят недел въ смертном убойствѣ что он Сенка на Есѣе озере стрелца побранясь зарезал до смерти” [РГАДА, ф. 214, ст. 635, лл. 43–44]. Среди сидельцев значатся люди разной социальной принадлежности: *стрелец*, *посадский*, *сын боярский*, *черный*. **Росписи** включают общерусскую судебную терминологию, в частности названия видов преступлений: *воровство*, *кража*, *татьба*, *смертное убойство*, *убиство*. С указанной сферой связаны слова *воровать*, *красть*, *повиниться*, *убойственный живот*.

Подобные росписи дополняют сведения о лексическом составе памятников судебного делопроизводства и могут использоваться в качестве лексикографических источников.

2.5.6 Челобитные

Челобитные являются наиболее ценными источниками как по истории Приенисейской Сибири, так и по региональной лексикографии, поскольку исходят от самого местного (русского и аборигенного) населения и содержат в большом количестве локально окрашенные языковые элементы. В содержательной части челобитных и судебных материалов принципиальной разницы нет (ср. *извет* и *изветная челобитная*), поэтому считаем возможным рассматривать данный жанр в рамках материалов судебного делопроизводства.

Жанровые признаки сибирских челобитных совпадают с признаками челобитных других регионов России, описанными в лингвистической литературе [Волков 1974]. Специфичной является только содержательная часть, обусловленная особенностями быта русских первопоселенцев и аборигенов Сибири.

В Сибирском приказе сохранились тысячи челобитных, отражающих повседневную жизнь служилых и посадских людей, тяготы военных походов в новые земли, столкновения с улусными людьми при сборе ясака и строительстве новых острожков и др.

Достаточно большую часть челобитных составляют тексты, написанные служилыми людьми (или от их имени), в том числе и коллективные. В таких челобитных обычно раскрываются трудности, с которыми сталкивались русские первопроходцы, осваивая обширную территорию Сибири. Тяжелые климатические условия, отсутствие хлеба, постоянные набеги кочевых народов – все это нашло отражение в челобитных атаманов и пятидесятников, конных, пеших и рядовых казаков. Так, в 1629 г. красноярские казаки Васька Потапов и Ивашка Аввакумов, прося повышения жалования, пишут о себе: “и мы с атаманом Иваном Колцовым пришли к ним кыргызам и улус у них погромили и языков схватили и взяли тут на бою лутчево князика княгинку Ишееву матер и привезли гсдрь в Краснои острог и теперечи та княгинка в Краснои острогѣ сидит в аманатах и за тои княгинкои в прошлом году тебѣ гсдрю ясак дали и тебѣ гсдрю учинилис послушны” [РГАДА, ф. 214, ст. 368, л. 43].

О кочевых набегах говорится в челобитной 1640 г.: “а ннѣ гсдрь тѣ свои пашнишка пометали потому что приходят ннѣ под Красноярскои острог многих землиц воинские люди беспрестанно по вся дни” [РГАДА, ф. 214, ст. 91, л. 154]. В том же году атаман Демид Зло-

бин жаловался на отсутствие хлебного и соляного жалованья: “а та жалованная рож везучи ис Тоболска помокла и выросла а в Красноярском остроге гсдрвы мелницы нѣтъ молот нечемъ и негдѣ а которая прислана рож и крупы и толокно и соль ис Тоболска нам холопям на жаловане <...> воевода Никифор Веревкин всево не перевез оставил за волоком в Маковскомъ” [там же, л. 148].

Для развития собственного хлебопашества и обеспечения спокойной жизни служилые люди просили разрешения на строительство новых острожков: “кочюють близ Красноярска воры и изменники киргизы алтырцы и езерцы и тубинцы а мы <...> ходимъ вверху по Енисѣю реке для своей нужи и бѣдности на рыбные ловли и на хмелевые промыслишка и намъ холопемъ и сиротамъ вашимъ рыбы ловит хмелю промышлят не дають грабятъ и разоряют и побивають до смерти <...> и скоть по вся годы отгоняють <...> велите гсдри вверху по Енисѣю рѣке на Абакане реке поставит острогъ новоприбылыми людьми <...> буде на Абаканѣ рекѣ острог поставлень будет Томскому и Кузнецкому и Красноярскому городом от калмыцкихъ и от качинскихъ воинскихъ приходовъ не чаять” [РГАДА, ф. 214, ст. 1052, лл. 2–3].

Однако, несмотря на трудности, служилые люди оседали на угодных местах, строили деревни, перевозили родственников, жен и детей из европейских городов и поселков, “учиняли прибыль государю”: “и в те полтретья годы на Лене рекѣ вновь прибыли учинил шестидесят один сорок тридцат один собол да дватцат пят шуб соболих якуцких да десят пластин соболих да два бобра да сем лисиц красных да недолис красная а преже того гсдръ никто на Ленѣ рекѣ с судных дел твоих гсдрвых пошлин не имывал” [Челобитная енисейского стрелецкого сотника Петра Бекетова, ст. 368, л. 181].

Особую ценность представляют челобитные аборигенов, обращавшихся к русскому правосудию. Именно в них “можно найти ответы на многие сложные вопросы, например, такие как общественный строй, социально-экономические отношения, культура и быт местного населения” [Иванов 1979: 159–160]. Тексты таких челобитных составлялись толмачами и подьячими, которые переводили и записывали слова челобитчиков, иногда искажая не только слова, но и суть прошения [Токарев 1974: 93]. В челобитных коренного населения чаще всего содержатся жалобы на притеснения русских служилых людей и

воевод, а также на скудное содержание их в аманатском дворе: “качинские князцы Базерячко да Козерячко аринские князцы Татушко да Абытайко <...> сидѣли мы в аманатах попеременно и в тѣ прежние годы Красноярской острог хлѣбом и скотом был скуден <...> а нне хлѣбъ стал дешев и скота умножело а у нас холопси твоего гедрва жалования корму убавлено дают нам на аманатцкой двор кормъ не по прежнему скотину дадут на шездесят и на пятьдесят и на сорок дней а вина нам не дают <...> а в иных сибирскихъ городехъ в Томском и в Кузнецком острогѣ кормъ дают скотину на дватцат дней и на пятнатцат а вино указано по вся дни” [РГАДА, ф. 214, ст. 344, л. 414].

В сибирских челобитных представлен богатейший лексический материал, в том числе и бытовая лексика, характерная для данной местности. Поскольку в документах не только описывалась та или иная ситуация, побуждавшая обратиться к вышестоящим инстанциям, но и давалась оценка этой ситуации, то в текстах челобитных можно обнаружить много эмоционально-окрашенных слов.

Исследование большого числа челобитных показало, что эти тексты отличаются от всех прочих памятников делового производства низкой степенью стандартизованности и широкими возможностями отражения в них живой разговорной речи на разных уровнях — лексическом, фонетическом, грамматическом. Так, в текстах челобитных фиксируется бытовая лексика: *коробья, склянница, кови, котел*; сельскохозяйственная лексика: *рожь, конопля, овес; борона, лемехи, соха*; названия домашних животных: *бык, жеребенок, овца, телушка*; названия жилых и хозяйственных построек: *повалыша, сенник, мыльня, погреб, мишеник, стая*.

Рассказ о походах в новые земли сопровождается использованием военной лексики: *война, бой, битва, драка, приступ, полон, язык; обступитъ, оборонити, отбить, побити, повоевать, посекать, приступать*. Названы и военные укрепления: *бойница, засека, крепь, острожек, стан*.

Контакты с коренным населением отразились в письменной речи русского служилого населения в виде этнонимов (*алтырцы, аринцы, баты, браты, езерцы, киргизы, маты, мугальцы, татары, тубинцы*), названий типов жилищ (*чюм, юрта*), названий предметов, необходимых в быту (*нарта, малахай, тиска*).

Зафиксирована в челобитных и церковная лексика, не представленная в памятниках других жанров: *аналой, ангел, архиепископ, бес, боголюбец, богомолец, богомолье, божественная литургия, икона, келья, крест, крестный, ладан, молебен, обедня, образ, олтарь, патриарх, поп, ризы, священник, христианская вера, церковный устав.*

В челобитных заключаются ценные сведения по топонимике края, например, названия рек, редко упоминаемые в других текстах: *Абакан, Ишим, Кика, Мура, Пур, Таз, Уса.*

Как и в расспросных речах, в челобитных представлены практически все части речи, особенно разнообразны формы глаголов, среди которых многие имеют разговорную окраску: *вклепаться, застращать, иззаиграться, испроворовать, испродать, побивать, погнунуть, помирать, потонуть, поукрепить, разбродиться, спроигрывать, уграживать, удалить.*

Полнота отражения сибирского быта, богатый лексический состав, разнообразие грамматических форм, наличие написаний, не обусловленных закономерностями развития языка, – все это делает челобитные ценнейшим источником лексикографического описания зафиксированных в письменной речи как общерусских, так и региональных проявлений.

2.6 Документы о служилых людях

2.6.1 Послужные списки

Послужные списки относятся к числу достаточно распространенных документов, в которых дается описание заслуг служилых людей в походах и схватках с “немирными людьми” при освоении новых земель.

По объему информации послужные списки можно разделить на два типа. Первый тип составляют общие списки, в которых дается отчет о всей службе и об особых служебных отличиях служилых людей. Такие списки имеют довольно развернутое начало с описанием мест расположения “государевых изменников”, их количества, перечислением дат, когда состоялись “драки”, а также продолжительности боя: “и тѣмъ измѣнники в скопе болши полутора ста члвкъ и почали с нами драгца и мы <...> с тѣми измѣнники дралися марта въ ·Е· (5) де бои был билися мы <...> ден с утра до вечера и бжию млстию и твоим

гсдрвым счастьем тѣх измѣнников многих побили а иные ранены ушли” [РГАДА, ф. 214, ст. 368, л. 80]. В таких послужных списках основные статьи имеют следующую структуру: пятидесятник (десятник, стрелец) <N> на том бою тебе государю служил и бился явственно (под мужиком коня убил, мужика убил, мужика жива взял).

К достоинствам послужных списков общего типа можно отнести описание эпизодов, не связанных с дракой: “и тѣ брацкие люди собрався своими улусными людьми меня Петрушку подкараулили и не допусая до своих улусов в колке осадили и я Петрушка <...> зделав креп и сидел в осаде три дни” [там же, л. 141]. Подобные фрагменты по языковым особенностям схожи со сказками.

Памятники второго типа – частные – описывают отдельные походы в новые земли, как, например, послужной список 1631 г. сотника Петра Бекетова о посылке енисейских служилых людей на Лену реку [РГАДА, ф. 214, ст. 368, лл. 161–180]. Начальная часть этого документа содержит дату события и самоназвание документа, которое повторяется дважды: “Список послужной Енисѣйского острогу сотника Петрушки Бекѣтова служилым людям <...> и то писано в семь послужном списке” [там же, л. 180]. В статьях этого документа подробно описываются не столько заслуги служилых людей, сколько характер полученных ими ранений: “на приступе тѣ якуцкие люди Тренку Григореву выстрелили глаз левою вон да у него ж Тренки прострелили голову выше виска правово да Ивашка Щербака в шею болно ранили да Васку Горина левую руку по перстам по двум пробили <...> да у правои руки мышку насквоз прострелили” [там же, л. 167].

2.6.2 *Росписи служилым людям*

Росписи служилым людям по содержанию совпадают с послужными списками, но имеют иное самоназвание, включенное в начальную оформляющую часть: “Роспис енисѣйским служивым людям стрелцом и казаком которые были на гсдрве службе на Лѣне рекѣ и служили в новом Лѣнском острошке с атаманом с Ываном Галкиным и против гсдрвых непослушников выѣзжавъ дралис явственным боемъ и которои стрелец или казак во што ранен и по сколки ран и хто и которои стрелец убил якутцких мужиков или раниль или

лошадеи хто сколько убил или ранил в осаде или на приступех писано порознь по статьямь”[РГАДА, ф. 214, ст. 368, л. 150].

Именной список участников драки сопровождается пометой “бился явственно”, после которой перечисляются полученные ранения. Описание ран, как и в послужных списках частного типа, достаточно подробное: “толмач Дунаик Петров убил под мужиком коня ранень в рожу в правую шоку <...> да правая ж нога прострелена насквоз” [там же, л. 148]. Никаких иных записей росписи не содержат.

Таким образом, послужные списки и росписи служилым людям представляют собой структурно однотипные тексты с ограниченным лексическим составом. Однако это единственные памятники, в которых так полно представлены названия частей человеческого тела: *бок, брюхо, глаз, голова, горлю, грудь, колено, косица, лоб, локоть, лопатка, мышка, нога, перст, плече, рожса, рука, стегно, темя, титька, череп, шока*.

Как и любые именные книги, послужные списки содержат богатый материал по антропонимике: *Ивашко Грамотка, Гришка Коврига, Якунка Торгоша, Володька Мерин, Семейка Капустин, Кирилко Лебедь, Петрушка Церковь, Семейка Чюфарист, Гришка Чаплин, Ивашка Щербак*.

Зафиксированы в списках и росписях региональные этнонимы: *аринцы, братья, моторцы, тубинцы, тунгусы, ясытцы; бохтинские, буклинские, яренские люди*.

Контакты с коренным населением в материалах о служилых людях представлены также словами: *улус, юрта, князец, ясак, ясырь; кочевать, шертовать*.

Нашла отражение в рассматриваемых документах и военная лексика: *бои, драка, креп, осада, приступ; биться, драться, осадить; тика, сабля, стрела*.

Послужные списки и росписи служилым людям отражают одну из специфических сторон жизни служилого населения Сибири в период ее освоения, включают лексику, не отмеченную в других памятниках, а потому являются ценным источником региональных словрей разных типов.

Итак, деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в. представлена достаточно большим количеством жанров, многие из которых не введены в научный оборот, хотя представляют значитель-

ный интерес в качестве источников различных лексикологических и лексикографических изысканий. Первенство в исследовании отдельных видов деловой письменности принадлежит историкам. Именно они впервые представили описание таможенных и ясачных книг, многих документов финансового содержания. В лингвистической литературе до настоящего времени крайне слабо представлены такие жанры приказного делопроизводства, как росписные, городовые и послужные списки, строельные, крестоприводные и шертовальные книги, изветы, сыскные дела и др. Во многих лингвистических работах, построенных на материале местных памятников, деловая письменность рассматривается как нечто целостное, без учета жанровой специфики документа. А между тем, как показали исследованные материалы, степень стандартизованности текста обусловлена именно его жанровой принадлежностью. Так, высокой степенью стандартизованности, насыщенностью трафаретными выражениями, слабым отражением разговорной стихии отличаются документы, представляющие финансово-хозяйственную деятельность воевод: сметы, пометы, именные окладные книги, книги денежного сбора. Напротив, жанр челобитных, расспросных речей и сказок отличается низкой степенью стандартизованности, активным включением в текст элементов разговорного языка. Именно эти жанры содержат в большом количестве слова, отражающие речевые особенности данной местности.

Оформляющая часть документов достаточно стабильна и обусловлена традициями местного делопроизводства, которое развивалось по образцу московских приказов. Как обязательный элемент оформляющая часть включает самоназвание документа, которое довольно часто имеет вариантное выражение. При отсутствии самоназвания жанровую принадлежность текста можно установить по развернутому предисловию, наличию устойчивых формул и содержанию текста.

Содержательная часть текстов разных жанров, в отличие от оформляющей, подвижна и зависит от экстралингвистической ситуации, в том числе и от сферы деятельности русских первопоселенцев. В содержательной части отразилась лексика разных тематических групп: природа и рельеф, человек и семья, ремесло и промыслы, строительное дело, транспорт и пути сообщения, жилище, торговля, военное дело, метрология, делопроизводство и др.

Глава III. ПАМЯТНИКИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

I. СОСТОЯНИЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII В.

1.1 Материалы таможенного делопроизводства в трудах историков и лингвистов

Материалы таможенного делопроизводства неоднократно привлекали внимание историков и лингвистов, начиная с XIX в. Всестороннему и глубокому исследованию подверглись преимущественно таможенные книги европейской части страны, наиболее ценные из которых были опубликованы [Таможенные ... 1950–1951; Сакович 1956; Памятники... 1982; Таможенная ... 1983]. Обзор сохранившихся таможенных книг XVII в. проведен А.Ц. Мерзоном [Мерзон 1957].

Впервые к *сибирским* таможенным документам обратились историки, показавшие ценность и перспективность научного исследования этого вида источников. До настоящего времени не утратила своей актуальности работа Н.Н. Оглоблина “Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.)”, где одна из частей посвящена характеристике дел таможенного управления [Оглоблин 1897].

В советское время к сибирским таможенным книгам одним из первых обратился К.В. Базилевич, который отметил такие специфические черты таможенного дела в Сибири, как сбор десятой пошлины, длительная задержка отмены проезжих пошлин, большое расхождение таможенных оценок товаров с рыночными ценами и др. [Базилевич 1933: 110–129; он же 1936: 71–90]. “Он пытался охарактеризовать и порядок сбора пошлин с приезжавших в Сибирь купцов, но сделал это не совсем удачно” [Копылов 1961: 330].

В 60-е годы XX в. таможенная политика в Сибири XVII в. становится темой особого изучения. В центре внимания историков оказался вопрос, решение которого имеет большое значение и для лингвистического исследования памятников таможенного делопроизводства – *степень зависимости* таможенной политики в Сибири от мероприятий, проводившихся в европейской части Московского государства.

Попытка историков ответить на ряд спорных вопросов привела к необходимости более тщательного исследования таможенных материалов, преимущественно книг, что представлено в работах В.А. Александрова [Александров 1978: 131–138], С.В.Бахрушина [Бахрушин 1953: 332–372], З.В.Башкатовой [Башкатова 1983: 27–42], И.С.Гурвича [Гурвич 1966: 54–62], В.Ф.Иванова [Иванов 1979], В.М.Леонтьева [Леонтьев 1987: 27–49], А.Ц.Мерзона [Мерзон 1958: 67–129], П.Н.Павлова [Павлов 1972, 1974]. Некоторые таможенные материалы опубликованы Н.Н.Оглоблиным [Оглоблин 1894-а], Г.Ф.Миллером [Миллер 1941], а также коллективом авторов в сборнике “Первое столетие сибирских городов. XVII век” [Первое... 1996], однако подборки текстов, разнообразных по форме и содержанию, ориентированы только на представление истории первых русских городов, не передают всех языковых особенностей делового письма и потому мало пригодны для лингвистических исследований.

Изучением таможенных книг XVII–XVIII вв. занимались и лингвисты [Глушкова 1965; Котков 1972-6, Качалкин 1973; Палагина 1978, 1979; Коткова 1976, 1982; Владимирова 1983, Баракова 1995, Малышева 1997, Мордкович 2000, Захарова 2002], однако почти все исследованные материалы относятся к европейской части России, а сами исследования носят частный характер и не отражают всего многообразия жанров таможенного делопроизводства.

Большая часть материалов местного таможенного производства все еще не введена в научный оборот. Вне поля зрения исследователей оказались такие содержательные источники, как перечневые росписи, выписи, проезжие памяти, счетные и росписные списки и др. Да и сам термин “таможенная книга” рассматривается исследователями неоднозначно.

Между тем, памятники таможенного делопроизводства отражают разнообразные сферы человеческой деятельности и потому содержат богатый материал по различным лексико-тематическим группам: здесь представлена лексика предметно-бытовая, социально-экономическая, торговая, сельскохозяйственная и др. Высокая лингвистическая содержательность памятников таможенного делопроизводства определяет их значимость для лексикологических и лексикографических изысканий.

Жанры таможенных документов весьма разнообразны и обусловлены *целью, формой и способом* создания. Несмотря на ограни-

ценность контекста, памятники таможенного делопроизводства дают достаточно полное представление о русском языке XVII века.

Первой попыткой учета и обобщения сведений о таможенных документах XVII в., созданных в *Европейской части* России, можно считать работу А.Н.Качалкина “Таможенные документы XVII в. как источник исторической лексикологии” [Качалкин 1973: 18–24]. Однако до настоящего времени нет работ, в которых было бы представлено описание всего разнообразия таможенной документации по обширнейшей территории *Сибири*. Между тем, как отмечает А.Н.Качалкин, “представление о территориальном распространении сохранившихся таможенных документов позволило бы точнее судить об имеющихся возможностях изучения определенных лексических пластов русского языка в историко-географическом плане” [Качалкин 1973: 19].

Исследование материалов деловой письменности любой территориальной и хронологической отнесенности невозможно без изучения особенностей того делопроизводства, сферу которого представляет тот или иной текст. “Недостаточное представление о том, какую цель преследовало появление того или иного документа, кто участвовал в его создании, каковы были функции документа, как он связан с другими документами, какой путь он проходил, кто и в связи с чем мог его изменить или дополнить и т.п., не даст возможности в полной мере оценить не только тип самого документа, место его среди других документов этой же сферы, но и его лингвистическую значимость” [Малышева 1997: 9], поэтому собственно лингвистическому описанию памятников таможенного делопроизводства предшествует историческая справка о сибирской таможенной системе, видах пошлин, организации делопроизводства в таможенных избах на периферии Московского государства.

1.2 Сибирская таможенная система XVII в. как экстралингвистическая среда функционирования памятников деловой письменности

Сибирские города-остроги, в том числе и Мангазея, и Енисейск, и Красноярск, возникли прежде всего как опорные пункты на пути продвижения русских в глубь Сибири и освоения ее пашенных и промысловых пространств. Первоначально они представляли собой укре-

пленное рублеными стенами поселение “с торгово-промыслово-промышленным профилем, с государственными, культовыми и частными службами и зданиями, с соответственным составом населения и особым городским строем” [Вилков 1990: 114].

Особенностью первых городов Приенисейской Сибири является то, что все они не были “привязаны” к центрам обитания коренного населения, а возникли либо на совершенно свободном месте (Енисейск, Красноярск), либо на месте русского поселения (Мангазея) [Белов 1980: 30–34; Миллер 1937: 289–290; он же 1941: 50–55, 340; Александров 1964: 36–37; Копылов 1965-а: 22–23; Город у ... 1981: 25–30; Бахрушин 1959: 13–22], в то время как западносибирские города строились, как правило, вблизи укреплений местных жителей [Вилков 1990: 115; Гурвич 1966: 54–62; Миллер 1937: 270, 273–275, 284, 305, 308; он же 1941: 21–22].

Появление городов и острогов на территории Сибири способствовало развитию торговых отношений между Сибирью и европейской частью России. “Первые русские города, построенные в неземледельческой и не-промышленной Сибири, могли развиваться и нормально функционировать в начальный период только путем обмена продукции сибирского промыслового хозяйства (пушнины, рыбы и т.д.) на привозимые из Европейской России и Средней Азии промышленные и продовольственные товары” [Вилков 1990: 113].

С проявлением успехов в торговле, сельскохозяйственном и промысловом производстве в Сибири начала вводиться таможенная система, которая окончательно оформилась в 20-е годы XVII в. в период деятельности тобольского воеводы князя Ю.Я.Сулешова. Главную роль в сибирской таможенной системе играл Тобольск, в ведении которого долгое время находились таможенные избы Мангазеи, Енисейска, Красноярска и других населенных пунктов Восточной Сибири.

Первые таможни появились в Сибири уже в начале XVII в. Так, в 1600 г. были построены таможенная изба и гостиный двор в первом зауральском русском городе Верхотурье [Миллер 1937: 389]. В последующие три года появились таможни в Тобольске, Тюмени, Таре, Сургуте, Березове, Мангазее [Фишер 1774: 202; Буцинский 1999: 20; Кочедамов 1978: 61, 75–87, 117–121; Копылов 1965-а: 23; Вилков 1990: 149].

После строительства таможен сибирским воеводам предписывалось “выбирать к таможенному делу” таможенных голов, целовальников для досмотра товаров и сбора пошлин, подъячих для ведения документации и служилых людей “для розысков”. “Таможенные головы первоначально назначались из служилых людей, но вскоре их заменили более опытные в торговых делах выборные посадские люди” [Копылов 1961: 333].

Устройство таможен способствовало расширению состава таможенных сборов. Теперь кроме “сибирского платежа” десятой пошлины в таможах берутся проезжие и торговые пошлины “против русских и поморских городов” [Миллер 1937: приложение № 38].

Появление первых таможен свидетельствовало об организационном оформлении таможенной системы Сибири.

В отличие от Европейской части России деятельность сибирских таможенных изб до 20-х годов XVII в. проходила под непосредственным контролем местных воевод, которые следили за правильностью таможенных сборов и соответствующим оформлением таможенных документов, за выдачей проезжих грамот, за “пятнанием” товаров печатями, за провозом ценной пушнины. Иногда воеводы превышали свои полномочия, излишне активно вмешиваясь в таможенные дела, по поводу чего даже возникали судебные разбирательства. Контроль воевод за деятельностью таможенных изб проводился по таможенным книгам, которые вместе с пошлинными деньгами и мягкой рухлядью ежемесячно сдавались в приказную избу [ДАИ. – Т. IV. – № 138: 365–368.].

Таможенная система Русского государства, организационно оформившаяся в Западной Сибири уже к концу первого десятилетия XVII в. постепенно продвигалась на новые территории. Большую роль в становлении сибирской таможенной системы сыграли Енисейск и Красноярск. Так, в Енисейске скрещивались купеческие караваны, везущие с запада европейские товары, с севера и востока Сибири пушнину, с юга – китайские товары. Проводимые в Енисейске торговые ярмарки для многих прибывших сюда купцов становились “конечным пунктом путешествия, так как они встречались здесь со своими восточносибирскими потребителями” [Кизеветтер 1909: 82]. Красноярск к середине века приобрел значение передаточного пункта на Иркутск, где находилось “средоточие всех операций по русско-китайской торговле” [Кизеветтер 1909: 82].

Регулятором таможенной политики Русского государства считают Таможенный устав 1653 г., упразднявший большинство мелких пошлин [ПСЗ 1830, I: 304.], и Новоторговый устав 1667 г., вводивший единую рублевую пошлину [ПСЗ 1830, I: 682]. Общерусский опыт лег в основу развертывания таможенной политики в Сибири. Однако проведенные в середине XVII в. в европейской части Московского государства таможенные реформы не отразились на таможенной политике Сибири: вплоть до конца столетия здесь сохраняется система, сложившаяся в начальный период освоения Зауральской территории [Базилевич 1936: 71–90].

Вопреки указам, действовавшим в европейской части государства, количество таможенных сборов в Сибири неуклонно увеличивалось. Так, если в самом начале XVII в. определялось 9 видов пошлин, то в конце первой трети в Томском разряде, куда входили города и остроги Приенисейской Сибири, их насчитывалось уже более пятнадцати [РГАДА, ф. 214, ст. 153, лл. 631–650], а к концу века – около тридцати.

Как уже отмечалось, деятельность всех российских таможен в XVII в. регулировалась двумя основными документами – Таможенным уставом 1653 г. и Новоторговым уставом 1667 г. Согласно первому уставу многие мелкие таможенные сборы заменялись единой рублевой пошлиной в размере 5% стоимости товара. Второй устав более четко регламентировал правила ввоза и вывоза товара, сбора пошлин, контроль над предметами купли-продажи. Тем не менее в Сибири ни тот, ни другой устав не получили должного распространения, что объясняется “политикой выкачивания пушных ценностей” [Иванов 1979: 26]. Возникший разноречивый сбор пошлин в Европейской и Сибирской частях России существенно тормозил развитие торговли на новых территориях. Для выравнивания таможенной политики в 1698 г. правительство ввело новые таможенные статьи, по которым все ввозимые и вывозимые товары облагались единым 10-процентным сбором, а доплата десятой пошлины с “приценки товаров” отменялась [ПСЗ 1830, III: 491–516]. Введение единого сбора десятой пошлины представляло собой новую тенденцию в развитии таможенной политики Сибири и содействовало совершенствованию таможенной системы.

Таким образом, в целом таможенная система Сибири и состав пошлин отражали общее состояние таможенной политики Русского

государства, хотя имели и свои специфические особенности. Так, например, в отличие от европейской части, в Сибири воеводы обладали более широкими полномочиями и активно вмешивались в деятельность таможенных голов, а сама таможенная система характеризовалась наличием особой десятой пошлыны, длительным сохранением разнообразных таможенных сборов и отсутствием “исторически сложившихся местных традиций таможенного обложения, ибо товарное хозяйство и торговля складывались вместе с русской колонизацией” [Копылов 1961: 340–341].

1.2.1 Структура и штат таможен

Штат таможен обычно состоял из таможенного головы, выборных целовальников, подьячих, истопника, сторожей и служилых людей “для управы на сильных людей и для розысков” [РГАДА, ф. 214, кн. 2, лл. 34–38, 112–121].

Таможенные головы первоначально назначались воеводой из *местных служилых людей*, однако с 1635 г. по распоряжению Сибирского приказа обязанности таможенных голов стали исполнять более опытные *торговые или посадские люди*, присылаемые, как правило, из поморских городов на срок 3–4 года в первой половине XVII в. и на 1–2 года – во второй. Так, в Мангазее в таможенных головах служили посадские люди устюжанин Иван Кокорин и тотьменин Петр Брагин (1636–1638 гг.) [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 73–81]. В Енисейском остроге на смену таможенному и заставному голове Василию Бухрякову (1645–1648 гг.) в 1648 г. был прислан из Соли Вычегодской Лальского погоста торговый человек Левонтий Бобровский (1648–1651) [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 1], которого в свою очередь сменил посадский человек усонец Иван Сабуров [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 107]. Документы далеко не всегда содержат сведения о предыдущем месте жительства таможенных голов. Не удалось установить происхождение енисейских таможенных голов Алексея Стрекаловского (1683 г.), Матфея Попова (1688–1690 гг.), Александра Альковского (1690 г.), Петра Соловарова (1699 г.), Григория Кожевникова, (1700–1701 гг.); Красноярского таможенного и заставного головы Алешки Михайлова, служившего прежде таможенным подьячим (1700–1702 гг.); мангазейских таможенных и заставных голов: Афоньки Ходутина (1638 г.), Данилы Смирнова, бывшего стрелецкого пятидесятника (1636 г.),

Савки Осолихина (1638–1644 гг.), Ивана Толстоухова (Толстоухина) (1643–1644 гг.).

Бывшие таможенные головы, передав свои полномочия, не сразу возвращались на родину. Например, уже упомянутый таможенный голова Василий Бухряков был отпущен из Енисейского острога лишь спустя три года после передачи дел (28 апреля 1651 г.) [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 3]. Другой таможенный голова, Никифор Комлев, находившийся на службе в 1638–1643 гг. смог уехать из Енисейского острога только в 1646 г., прожив в Енисейске почти 10 лет [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 87]. Причиной задержки таможенных голов являлась тщательная проверка деятельности каждого предыдущего головы и взимание недоимок в случае расхождения сведений в таможенных документах, по поводу чего возникали длительные разбирательства.

Таможенные головы занимались сбором таможенных пошлин в остроге и на заставах, закупкой различных товаров на хозяйственные нужды, выполняли отдельные хозяйственные поручения воевод, они имели также право вершить “суд и расправу” над торговыми и промышленными людьми в случаях тяжбы.

Присылаемым в сибирские таможенные избы головам в Приказе Казанского дворца выдавались указы, в которых говорилось, что осмотр товаров, сбор пошлин и конфискация незаконно провозимых товаров находятся в “одноличном” ведении голов, если же “воевода в таможенное дело учнет вступатца и тем чинити таможенному делу какую поруку и государеве казне убыль”, то голова должен ему “выговаривать и о том его нераденье и поноровке писати <...> ко гедрю <...> к Москве” [РГАДА, ф. 214, ст. 153, л. 391–413].

Однако государевы указы не слишком сказывались на самостоятельности таможенных голов. Воеводы, обладавшие большой военно-административной и финансовой властью, продолжали притеснять не только таможенных голов, но и всех торговых людей.

Полномочия и обязанности сибирских таможенных голов были уточнены дополнительными таможенными статьями 1689 г., которыми предписывалось: строго следить, чтобы воеводы и дьяки ни сами, ни через подставных лиц не торговали; брать в одном из городов годовой оброк с промышленных людей, пришедших “с Руси” по полтине, в с гулящих людей – по полуполтине; отбирать у служилых людей – сборщиков ясака всю явленную и неявленную мягкую рухлядь “для того что им по указу великих государей велено ясак збирати на вели-

ких государей с радением а самим товаров с собою в ясашные волости не возит и не торговать и ничем не корыстоватца” [РГАДА, ф. 214, кн. 1031, л. 16].

В отличие от европейской части государства сибирские таможенные головы не имели права заведовать кружечными дворами, которые находились в полном ведении воевод. Только после указа от 22 ноября 1698 г. управление кружечными дворами перешло к таможенным головам [ПСЗ 1830, III: 517–522].

Таким образом, таможенные головы в течение всего периода находились под жестким надзором воевод и были обязаны ежемесячно представлять в приказную избу таможенные книги, финансовую отчетность, собранные налоги (деньги, пушнину), которые вместе со счетными списками переправлялись в Москву. В то время таможенные головы обладали определенной самостоятельностью, что подтверждается правом “сноситься отписками с Сибирским приказом и получать на свое имя ответные грамоты” [Оглоблин 1897: 3].

Помощниками таможенных голов были целовальники, которые на протяжении всего XVII в. выбирались из числа приезжих или местных жителей обычно на 1 год. В таможенную службу предписывалось выбирать “лучших людей <...>, которым можно было верить в сборе государственной казны [Чичерин 1856: 411]. Основная обязанность целовальников – досмотр товаров и сбор пошлин в городе, на заставах, в зимовьях. Похоже, что за целовальниками были закреплены определенные участки, на которых они осуществляли “зборы с мяхкие рухляди рухлядью ж”. Так, по данным росписного списка 1636 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 168] целовальник Богдан Балезин осуществлял сборы в Туруханском зимовье, Семен Горохов – на Таймуре реке, Шестак Петров Казанец – в Турыжском зимовье, Иван Григорьев Щука – в Инбацком зимовье, Богдан Тверитинов – в Тазовском городе, Степан Боталов – в Пяндинском зимовье.

Один из целовальников держал ключ от ларца, где хранилась государева казна, и потому назывался ларечным целовальником или просто ларечным. Ларечные представляли собой более высокую ступень в иерархии целовальников, а потому часто выступали в качестве товарищей таможенных голов, выполняли более ответственные поручения. Рядовые целовальники выступали только в качестве сборщиков пошлин.

В обязанности целовальников, как и таможенных голов, входили досмотр и оценка товаров, сбор пошлин, кроме того целовальникам доверялась покупка необходимых для таможни предметов, учреждение застав и новых таможен.

Досмотр товаров, представленных в таможенную избу, проводился очень тщательно и скрупулезно: все товары пересчитывались, измерялись, взвешивались, сопоставлялись с перечисленными в сопроводительных документах. Если владелец товаров направлялся проездом в другой сибирский город, то он получал в таможне специальный документ -- *проезжую грамоту*, за которую должен был уплатить *печатную* пошлину. Помимо того ему надлежало оплатить и *проезжие* пошлины со средств передвижения, с оценки товаров, с количества людей, которые следовали вместе с ним в качестве помощников, торговцев, охранников и под. Если владелец товаров оставался торговать в каком-то городе, то он должен был заплатить *десятую* и *явчую* пошлину, а также *постоялую*, *полавочную* (или *амбарную*), *весчую* и некоторые другие. За нарушение таможенных правил, за беспошлинную торговлю взимался штраф -- *протаможье*.

Целовальники не принимали участия в описании товара или составлении таможенного документа, однако подтверждали достоверность написанного рукоприкладством. Среди целовальников встречались и неграмотные, в таком случае подписать документ поручалось доверенному лицу: “К сему списку вместо таможенных целовальников вместо отца своего Григоря Леонтиева сна Кулака Якова Иванова сна Микиты Верешагина Ивана Якимова сна по их велению Якунька Григоревъ снъ Кулаковъ руку приложилъ” [РГАДА, ф. 214, ст. 254, лл. 17 об.-69 об.].

Служба таможенных голов и целовальников считалась почетною, а потому была безвозмездной [Лодыженский 1886: 34]. И только в 1698 г. появился указ, согласно которому сибирским целовальникам стало возможным выдавать жалованье по усмотрению воевод или Сибирского приказа и лишь в том случае, если “целовальник, будучи у казенных сборов без промысла, впадал в бедность, а служил добросовестно и усердно” [Чичерин 1856: 423].

Составителями делопроизводственной документации в таможнях были подьячие “со справой”, основной обязанностью которых было осуществление контроля над ведением таможенной документации. Подьячие “со справой” проверяли правильность записей в кни-

гах, подьячие средней статьи и молодые, а также дьячки выполняли письменную работу под надзором таможенных голов и более опытных работников. В случае большого объема письменных работ или для ускорения переписки книг подьячие могли привлекать к делопроизводству грамотных людей из местных жителей [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 50–51], что позволяет использовать подобные тексты как достоверный источник информации об исходном состоянии говоров русских первопоселенцев. Иногда к письменной работе привлекались грамотные сторожа и церковные дьячки.

Дьячки и подьячие записывали все сборы в таможенные книги отдельными статьями по видам пошлин, выдавали выписи на товары, оформляли проезжие, вели учет поступающих в таможенную документацию.

Формуляр таможенных документов в большинстве случаев не предусматривал указания на лицо, выполнившее письменную работу. Прямое и регулярное название писцов (не только подьячих) отмечается только в проезжих и росписях. Исследование всей совокупности таможенных документов позволило установить имена некоторых дьячков и подьячих, служивших в разных таможнях Приенисейской Сибири. Так, в **енисейской** таможенной избе письменную работу выполняли таможенные подьячие: Федор Сидоров, (1634–1637 гг.), Сила Петров (1637 г.), Васья Бубенный, из служилых людей (1634–1648 гг.), Обросим Козьмин (Кузьмин) (1644–1687 гг.), Нехорошко Левонтьев, до 1648 г. – таможенный дьячок в той же избе, Иван Федосеев сын Пузанин (1650–1654 гг., 1669–1688 гг.), Наум Федотов (1669 г.), Ивашко Михайлов (1700 г.). К переписыванию таможенных книг “за малолюдством” привлекались и церковные дьячки Федька Федосеев (1633 г.) и Гришка Яковлев (1637 г.). В **красноярской** таможенной избе служили: Семейка Яковлев, подьячишко, который сам писал и “справлял” документы (1670 г.); подьячий Ивашко Семенов, (1686 г.); подьячий Семен Надеин, который в 1689 г. переведен в енисейскую таможенную избу уже в качестве подьячего со “справой”; Алешка Михайлов, таможенный подьячий, затем таможенный и заставный голова (1700 г.); подьячие Алексей Пословин и Михайло Семенов, (1700 г.). По немногочисленным мангазейским памятникам удалось установить имена таможенных подьячих **мангазейской** таможенной избы Петрушки Дмитриева (1638–1639 гг.), Володимира Лукьянова (Лукьянова) (1667 г.), Митьки Акимова (1672 г.), бывшего стрельца

Васьки Петрова (1667 г.). Меньше всего сведений по **туруханской** таможенной избе, что обусловлено наличием и сохранностью документов; здесь удалось установить имена таможенного подьячего Матюшки Седельникова и подьячего с приписью Богдана Софонова.

Палеографический анализ рукописных текстов позволяет предположить, что за писцами в крупных таможенных избах было закреплено ведение определенных типов документов, например, почерк красоярского подьячего Васьки Кириллова (1689 г.) встречается только в проезжих и росписях, в то время как в таможенных книгах представлены другие почерки. В небольших таможенных избах всю письменную работу выполняли не только писцы, но и сами таможенные головы, что нашло отражение в мангазейских рукописных материалах. Выдвинутое предположение нуждается в проверке, так как не исключено, что при исследовании большего количества памятников может сложиться иная картина.

За свою работу дьячки и подьячие, как правило, получали окладное жалованье, хотя “казна всегда предпочитала *выборных* подьячих, так как этим уменьшались расходы на жалованье: поэтому предписывалось иногда не давать подьячим жалованья, а быть им по мирским выборам” [Чичерин 1856: 419]. Земские люди выбирали иногда и сторожей, а также истопников, которые “получали от них подмогу или наем, но иногда эти лица назначались или нанимались правительством и получали от него жалованье или наемную сумму” [Чичерин 1856: 419].

Финансовые документы и ящик с деньгами, опечатанный специальной печатью таможенного головы, в определенные сроки относились в приказную избу, где воевода проверял голов по представленным таможенным книгам. В приказной избе по принесенным документам составлялась краткая справка, которая впоследствии вносилась в финансовый отчет по воеводству, после чего все документы в полном объеме пересылались в Сибирский приказ. Именно факт пересылки в Москву позволил сохранить в составе архивов большую часть материалов локально приуроченного таможенного делопроизводства, так как документы, остававшиеся на местах безвозвратно утрачены.

Таким образом, штаты таможен комплектовались в зависимости от размера товарооборота в том или ином населенном пункте Сибири. В больших городах, через которые проходили торговые пути и прово-

дились ярмарки, функционировали крупные таможни, где под руководством таможенного головы работало несколько целовальников и писцов, которых, впрочем, всегда не хватало и потому к письменной работе привлекались сторожа, служилые люди, грамотная часть местного населения. В небольших таможнях служили, кроме таможенного головы и целовальников, не более двух подьячих, при этом срок службы последних был достаточно долгим из-за отсутствия возможной замены. Как видим, при разном количестве работников в таможенных избах структура штатного контингента была одинакова: таможенный голова, целовальники, подьячие, дьячки, сторож, истопник.

Делопроизводственная компетентность писцов проявлялась в соблюдении внешней атрибутики документа и зависела от опыта работы, приобретенного во время работы в таможенной или приказной избе. Недостатком опыта можно объяснить некоторые допущенные писцами неточности в употреблении устойчивых сочетаний, нарушения структуры документа. В содержательной части таких текстов можно наблюдать большее количество описок и ошибок по сравнению с текстами, написанными опытными подьячими с приписью или таможенными головами. В то же время даже тщательное соблюдение всех необходимых этикетных формул не препятствовало проникновению в тексты делового содержания элементов живого разговорного языка, обусловленного принадлежностью говора писца к определенной диалектной группе.

1.3 Таможенные сборы как фактор создания документов различных жанров

Как показывают материалы таможенного делопроизводства, в Сибири, вплоть до 80-х годов XVII в., сохранялось многообразие таможенных сборов, характерное для Русского государства XVI – первой половины XVII вв.

Наиболее четко определяются две основные группы пошлин – **торговые** и **проезжие**, которые в свою очередь подразделяются на более конкретные:

торговые пошлины: *десятая, рублевая, записная, перекупная, головщина, пошерстная, роговая;*

проезжие пошлины:

1. поголовный сбор с людей за приезд, отъезд, проезд: *явчая головщина, поголовный сбор, отъезжая головщина, проезжая головщина, отъезжая с товарой, проезжая с товаров, указной оброк*;

2. сбор за провоз товаров: *отъезжая, проезжая, печатная*;

3. сбор с владельцев транспортных средств (за приезд, отъезд, проезд): *полозовая, посаженная*.

Кроме названных, выделяется группа пошлин, связанных с обслуживанием торговли: *весчая, померная, амбарная, полавочная, банная, сенная, постоялая*.

Самой ранней в Сибири была *десятая пошлина* – особый 10-процентный сбор за промысел пушнины и за право торговли “русскими товарами”. Это была и самая значимая пошлина, единая для всей сибирской территории, “превышавшая размером все другие сборы вместе взятые” [Копылов 1961: 342]. Постепенно этот вид таможенного сбора стал взиматься с любых товаров местного промысла – с соли, рыбы, хмеля и др.

Десятая пошлина имела сложную природу, поскольку соединяла в себе промысловые, торговые и проезжие пошлины. “Владелец “товарных денег” имел право купить в отвоз любой товар, не платя за него снова десятую пошлину ни при продаже в Сибири, ни при вывозе “к Руссе”. В данном случае действовало общее правило русской таможенной системы: покупка на “товарные деньги” не подлежала обложению таможенной пошлиной. Однако пошлины, полученные в европейской части государства, не засчитывались в Сибири, и все привозные товары и деньги подлежали здесь обязательной оплате десятой и другими местными пошлинами” [Копылов 1961: 342].

Десятую пошлину могли брать натурой, то есть товаром (каждым десятым зверем), или деньгами (с общей суммы стоимости), хотя фактический сбор десятой пошлины, как отмечает А.Н.Копылов, “обычно превышал 10%, так как таможенная оценка товаров в Сибири, как правило, была выше продажной цены” [Копылов 1961: 342].

Сбор десятой пошлины отражен в специальных таможенных книгах десятинного сбора, которые сохранились в большом количестве и представляют практически всю территорию Приенисейской Сибири [РГАДА, ф. 214, кн. №№ 32, 75, 82, 94, 505, 583, 817, 1244, 1253, 1353, 1422 и др.].

Продавцы привозных товаров и пушнины помимо десятой пошлины платили еще и *записную* пошлину, которая оформлялась в ви-

де специальных записных книг, при этом наиболее устойчивой была пошлина за продажу пушнины, которая регистрировалась в “книгах записных соболиной продажи”, в то время как записная пошлина за привозные товары постепенно исчезла.

Перекупщики привозных “русских товаров” платили *перекупную* пошлину, которая взималась с торговца однократно в конце года, а записи об этом вносились в “книгу перекупных товаров”.

“Книги записной головщины” регистрировали специальные пошлины за покупку ясыря, при этом с продавцов ясыря бралась *десятая* пошлина, которая вносилась в “книги десятинного сбора”.

В таможенной документации отразился сбор *пошерстной и роговой* пошлины, которая взималась за покупку или обмен лошадей и крупного рогатого скота. Продавцы лошадей и крупного рогатого скота платили *десятую* пошлину. Сбор пошлин за одну и ту же торговую сделку (купля – продажа одного товара), как видим, облагался разными видами налоговых сборов для продавца и покупателя и фиксировался в разных книгах.

“Книги таможенным денежным пошлинам...”, “Приходные книги всяким денежным доходам...” отражают состав пошлин, связанных с *обслуживанием* “всякого звания торговых, промышленных, служилых и гулящих людей”.

За взвешивание на казенных весах с владельцев “весчих” товаров брали *весчую* пошлину, “за прикидку на контаре” – *померную*. Померную пошлину брали и за измерение хлебных запасов казенной мерой. Продажа “не в государев вес” и “не в казенную меру” строго запрещалась, поэтому *весчая* и *померная* были обязательными пошлинами при продаже развесных товаров и тщательно записывались в соответствующие книги, которые представляют большой интерес для лексикографического описания, так как в них представлен перечень всех “весчих” (хлеб, различные крупы, семена, соль, воск, железо и проч.) и “невесчих” товаров, бытовавших в Сибири.

Приходные книги фиксируют также *постоялую* и *амбарную*, или *полавоchnую*, пошлины. Первую торговые люди платили за постоя на гостином дворе, вторую – за хранение товаров и право торговли в казенных лавках. При этом следует отметить, что взимание пошлин проводилось даже в том случае, если торговые люди не останавливались на гостином дворе и не пользовались казенными амбарами.

Довольно большую группу составляют тексты, появление которых обусловлено *проезжими пошлинами*, отличавшимися особой сложностью и многообразием. Проезжие пошлины брали на таможене за приезд – с людей “*головицину*” (“*поголовное*”), за проезд транзитом – “*проезжую головицину*”, “*проезжую с товаров*”, за отъезд – “*отъезжую головицину*”, “*отъезжую с товаров*”. Сохранились и книги *указных оброков* – ежегодных сборов, которые брались с торговых, промышленных и гулящих людей в одном из городов Сибири [РГА-ДА, ф. 214, кн. 1244, лл. 90–99, 388–399 об.]. Для получения проезжей грамоты владельцы товаров и пушнины должны были заплатить еще и *печатную* пошлину, которая взималась с общей оценки имущества и наличных денег. К группе проезжих пошлин относится и *посаженная*, которую платили владельцы судов, *полозовая* с саней и *вьючная* с верховых лошадей. Иногда несколько видов пошлин могли объединяться в виде единого *поголовного сбора*, что представлено, например, в мангазейских книгах [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, лл. 172–184]. Поголовный сбор взимался с торговых, промышленных и их рабочих людей при отъезде “к Русе” или в другой сибирский город [РГА-ДА, ф. 214, кн. 82, лл. 1–11, 88–90].

Сбор пошлин в Приенисейской Сибири, по описанию А.Н.Копылова, выглядел следующим образом: “Владелец товаров, ехавший в Сибирь для торговли и промыслов, являл свои товары в первом сибирском городе (Верхотурье или на Собской заставе близ Березова) для досмотра и оценки. Если он ехал проездом далее, а это было чаще всего, то получал проезжую грамоту, уплатив за грамоту печатную пошлину (с оценки товаров) и проезжие пошлины (с количества людей, с оценки товаров, со средств передвижения). В случае остановки здесь для торговли, владелец товаров платил явчую и десятую пошлины, а также постоянную (избную), амбарную (полавочную), весчую, померную и некоторые другие сборы за торговлю и обслуживание. В главных центрах обмена привозных товаров на сибирскую пушнину (Енисейск, Илимск) большинство пошлин (в том числе десятую, постоянную, амбарную, весчую) брали при отъезде “исторговывавшегося” с пушниной “к Русе”; <...> если продавец привозных товаров на вырученные деньги покупал пушнину, то у него “десятую за деньги с русских товаров” обычно брали пушниной. При отъезде в другой город владелец товаров, оставшихся от продажи или купленных для вывоза, платил печатную и отъезжие пошлины (с людей, то-

вара, транспорта), а в следующем городе – явчую, десятую (если она не была уплачена в предыдущем городе) или десятую “с приценки” по местной таможенной оценке. <...> С “нетоварных” денег, явленных на покупку пушнины, товаров и продовольствия с целью отвоза на промыслы, в другой сибирский город или в европейскую часть государства <...> брали десятую пошлину” [Копылов 1961: 346–347].

Различные таможенные сборы требовали ведения точных и подробных записей, которые оформлялись в виде записных и различных приходно-расходных книг, являвшихся одновременно годовым отчетом таможенной избы. Отдельные таможенный сборы могли быть сконцентрированы в специальных книгах, например, десятинный сбор – десятинные книги. Но могла наблюдаться и другая картина, когда в одну книгу вносились записи о разных видах пошлин.

Таким образом, многообразие таможенных сборов является важным фактором, обусловившим появление разнородных по объему и содержанию памятников делового содержания. Система пошлин определяла структуру и содержание многих таможенных документов, в частности, таможенных книг, способствовала формированию сложного состава этих источников. Наличие большого количества пошлин приводило к скрупулезному и всестороннему описанию предметов материальной культуры, поставляемых в Сибирь, позволяло фиксировать в текстах лексический состав русских говоров первопоселенцев. Однако виды пошлин не могут быть взяты за основу жанровой классификации таможенных материалов (ср.: одна пошлина – разные книги, разные сборы – одна книга). При жанровой квалификации памятника следует учитывать прежде всего обусловленные средой функционирования языковые качества текста, его структуру, набор устойчивых формул.

Материалы таможенного делопроизводства функционально неоднородны, различны по содержанию, форме, объему, но все они в совокупности дают много ценных сведений по истории торговли, местных промыслов, по состоянию материальной и духовной культуры русских первопоселенцев. Являясь образцом региональной деловой письменности, таможенные документы достаточно полно отражают словарный состав русского языка в его местной разновидности на определенном этапе развития и могут служить надежным источником для создания корпуса словарей различного типа.

II. ЖАНРЫ ПАМЯТНИКОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

2.1 Жанры таможенной документации в лингвистическом аспекте

Таможенное делопроизводство Приенисейской Сибири XVII в. представлено большим количеством разнообразных документов, среди которых на первое место по значимости, содержательности и объему выступают таможенные книги, но не меньший интерес для лингвистического изучения представляют и другие материалы: росписные и счетные списки, сметы и пометы, проезжие грамоты и отпускные книги, отписки таможенных голов, перечневые росписи, допросные речи и др.

Деятельность таможенной избы представлена памятниками двух типов:

1) материалы, связанные с организационно-административной деятельностью таможен: отписки таможенных голов, росписные списки, перечневые росписи, памяти, наказы, сметы, пометы, сказки;

2) материалы, отражающие основную функцию таможен – сбор пошлин за торговлю, проезд и услуги: таможенные книги (десятинные, отпускные, поголовных сборов, ямские, табашные и др.), выписи, проезжие грамоты.

Первая группа документов отражает характер связи между таможнями и центральными приказами. И хотя эти памятники не раскрывают отношений между торговцами и таможенной администрацией, тем не менее они представляют большой интерес в качестве источников для региональных словарей. В этих текстах описывается текущая ситуация, дается оценка деятельности таможенных голов, целовальников и писцов, иногда затрагиваются проблемы, требующие разрешения при помощи вышестоящих инстанций. Степень стандартизованности текстов первой группы ниже, чем второй, а потому они более открыты для отражения живой речи писцов, обладают достаточно широким контекстом, позволяющим показать слово в его реальном употреблении и связях с другими словами. Тексты данной группы выполняют преимущественно *коммуникативную* и *информативную* функции.

Появление текстов второй группы обусловлено видами таможенных сборов и теми операциями, которые проходил товар. Фиксировались все виды таможенных пошлин, поэтому основная функция этих документов – *регистрационная*. Многообразие таможенных операций предопределяло и разные виды таможенных документов. В данную группу входят тексты с более высокой степенью стандартизации, которая оправдана прежде всего экономией затрат труда и времени: работая по образцу, используя набор устойчивых сочетаний, писцы получали возможность сосредоточить внимание на важных моментах передаваемой информации.

Документация таможенного делопроизводства оформлялась в виде книг или столбцов, расклеенных при архивной обработке в более позднее время. Все памятники сохраняют палеографические приметы, характерные для делопроизводства XVII в.: переплет книг, оформление столбцов, качество бумаги, филигранный цвет чернил, тип письма, характер почерков, наличие скреп и рукоприкладств – все подтверждает хронологическую приуроченность текстов к изучаемому периоду [Черепнин 1956; Городилова-а 2000] и их принадлежность перу местных писцов.

Содержательная часть текстов делится на объединенные смыслом фрагменты, которые в текстах первой и второй групп неравнозначны ни по объему, ни по содержанию, ни по степени стандартизованности. Поэтому считаем целесообразным по отношению к текстам первой группы, то есть административно-организационным, использовать традиционное понятие *клаузулы*, а по отношению к собственно таможенным материалам (и некоторым памятникам первой группы) применить термин *статья*, опираясь на *самоназвание* этой составной части в таможенных книгах, которые составляют основу данной группы. *Клаузула* имеет более свободную структуру, чем *статья*, которая четко и стабильно распадается на неравные по объему части, называемые *начальный протокол*, *содержательная часть*, *конечный протокол* [Малышева 1997: 150].

Таким образом, для определения жанровых особенностей текста и отбора источников в соответствии с задачами разрабатываемого словаря необходимо рассмотреть структуру памятников, установить набор формул, определить лексический состав содержательной части, представляющей наибольший интерес для лексикографического исследования.

2.2 Организационно-административные памятники

2.2.1 Росписные списки

Росписные списки – это документы, составляемые при смене таможенных голов и передаче таможенной избы. Новый голова расписывался в том, что принял от прежнего головы таможенную избу (а с конца XVII в. и кружечный двор) со всем оснащением, хлебными и другими припасами, утварью, документами, остатками сборов и пр. Росписные списки таможенных голов по своему значению и в какой-то степени по содержанию подобны воеводским росписным спискам.

Росписные списки сибирских таможенных голов упоминаются в Обозрении Н.Н.Оглоблина [Оглоблин 1897], но предметом самостоятельного исторического и лингвистического исследования до настоящего времени не были. При обращении к росписным спискам предпочтение отдается более массовым росписям воевод и приказчиков [Иванов 1979: 75–81].

Сохранилось крайне малое количество росписных списков сибирских таможенных голов. По территории Приенисейской Сибири в настоящее время известны лишь 2 текста (подлинник и список с него), составленные в Мангазее в 1636 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 51, лл. 100–152 (список); 167–203 (подлинник)].

Росписной список имеет традиционное начало:

“Лѣта 7143 = 1635) декабря въ ЕІ (15) де по гедрву црву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу в Сибири в Мангазѣе таможенные головы устюжанин Иван Филипов Кокорин да томменин Петръ Герасимов Брагин приняли у прежнево таможенново головы Дмитрея Мокиева свияженина таможенную избу <...> а что в таможенной избѣ гедрве казне книг и грамот проѣзжих торговым и промышленным людем ис Тоболска и с Обдори и з Березова и из Енисѣйского острогу и всяких таможенных дѣл и то все писано в сем росписном списке” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 167].

Как видим, росписной список подтверждает, что в таможенных головах служили люди, присланные из других городов.

Росписной список – это прежде всего подробная инвентарная опись таможенного архива, по которой можно достаточно полно воспроизвести состав делопроизводственных документов.

Судя по росписному списку, большую часть материалов таможенной избы составляют “черные” (т.е. черновые) книги: *книги явчие хлебным запасам, книги явчие мягкой рухляди, книги явчие каючные, книги явчие рыбные и костья и юколы, книги приходные мягкой рухляди, книги покупочные мягкой рухляди, книги именные отпуску торговых и промышленных людей, книга приходная привальная головицинная, книга расходная таможенная*. Кроме книг в числе делопроизводственных материалов упоминаются *отписки, выписки, явки, грамоты, наказы, росписи, сказки*.

Отмечается в росписном списке и способ хранения таможенных документов. Так, по свидетельству росписи, часть документов хранилась в *свертках*. В мангазейской таможенной избе при передаче обнаружены 2 неучтенные свертка: в одном были *выписки* русским товарам за прошлые годы, в другом – *росписи и памяти* от таможенного головы к воеводам, письменному голове, подьячему.

Разрозненные документы хранились в *связках*. В мангазейском росписном списке упоминается связло с *явками* прошлых лет (“а числом в связле явок ·ЛЗ· (37) явок” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 201]), связло выписей “розных зимовей” от приказных и от служилых людей (“а числом выписокъ в связле ·З· (60) выписей” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 203]). В связле содержались и “неклеенные грамоты”, тогда как обычно проезжие грамоты подклеивались “в столпъ”. В таможенной избе хранились, как правило, только “черные” (черновые) варианты, которые к настоящему времени утрачены.

Для росписных списков характерно достаточно полное и подробное описание имеющихся в таможенной избе материалов. Так, помимо точного названия документа обязательно указываются крайние даты ведения записей, дословно передается последняя статья, отмечается количество исписанных листов:

“·РЛА· з (131 = 1623) году кнги явчие черные всякой мяжкой рухляди Тазовсково города и Турухансково зимовя августа съ ·КЗ· з (27) числа и ·РЛВ· з (132 = 1624) году а послѣдняя статья кнги июня въ ·В· (2) де явил Онтон Юров кафтан песцовой а числом листов в кнгах писаных ·М· (40) листов” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 167];

“·РЛВ· з (132 = 1624) году кнги явчие черные Тазовсково города и Турухансково зимовя всякой мяжкой рухляди декабря съ ·Ф· (9) з числа да к тѣмъ же кнгам приплетены кнги явчие каючные Нижние и Верхние Тунгусок а послѣдняя статья в кнгах у Дружины Леонтьева

важенина пят доскутов бобровых а числом в кнгах листов писаных ·КВ· (22) листа” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 168].

Довольно часто наблюдаются пометы, свидетельствующие о сохранности документов: “а лисе в кнгах многое мыши изели а стати в кнгах обчерчиваные по строкамъ и круг строк и мараны” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 167]; “а лисе в кнгах многое побилос” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 167]; “а одна в них грамота драная и начало у неи отадрано” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 203].

Помимо подробного описания архива росписные списки содержат сведения об устройстве самой таможенной избы, ее оснащении:

“[таможенная изба] на подклете жилом а против таможенные избы повалыша на онбаре в таможенной избѣ нерукотворенной Спасов образ пядница на празелене да таможенных дѣл приголовашекъ окован желѣзом контар желѣзной пят гир терезных желѣзных вѣсу в них пуд да безмен а гиря у нево желѣзная да ·З· (7) трубок пятенных соболных” [РГАДА, ф. 214, ст. 51, л. 167].

Анализ структуры росписных списков позволяет выделить в тексте следующие обязательные компоненты:

1) *начальная часть*, которая представлена набором формул, содержащих информацию о том, *когда, где, кто и у кого* принял таможенную избы;

2) *содержательная часть*, включающая погодную опись государственной казны и “и всяких таможенных дѣл”;

3) *конечная часть* не сохранилась.

Начальная часть документа содержит *диспозитивную формулу* – постоянный компонент любого текста делового содержания, включающий указания на дату (лѣта <D> декабря въ <D> день), источник распоряжения (по гсдрву црву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу), место протекания события (в Сибири в Мангазѣе), имена исполнителей с указанием их социального или служебного статуса (таможенные головы устюжанин Иван Филипов Кокорин да томении Петръ Герасимов Брагин), название процедуры (приняли). Особенностью начальной части данного росписного списка является то, что она разрывается описанием таможенной избы, которое по характеру изложения сближается с основной содержательной частью документа, но не совпадает с ней, поскольку не содержит информации

о таможенных документах, а потому не отражает целевой заданности памятника в целом.

Показателем завершения начальной части является формула: “и то все писано в сем росписном списке”.

Содержательная часть текста включает клаузулы с четко выраженной внутренней схемой, которая включает обязательную и факультативную информацию. К обязательной относится: год, точное название документа, сроки ведения записей, дословная передача последней статьи описываемой книги. Факультативную информацию составляют дополнительные сведения о характере книги (*черная*), комплектности, форме хранения (*связло, сверток*), степени сохранности и др.

Лексический состав росписных списков предопределен содержанием текста. При описании обстановки таможенной избы используется бытовая лексика, в том числе и диалектная: *изба, повальиша, приголовашек*. Оценка состояния документов прошлых лет передается при помощи разговорной лексики: *лис(ть)е побилось, мыши из(ъ)ели, обчерчиваный, мараный, драный* и под. Отмечается и собственно канцелярская терминология, в частности, наименования документов и способов их хранения: *книга черная, книга явчая, книга приходная, книга расходная, книга отпускная, выписки, памяти, росписи, грамоты, явки, сверток, связло, тетрадь*. Встречается наименование видов пошлины: *головщина, десятая пошлин*. Отмечаются устойчивые и повторяющиеся сочетания: *по гсдрву црву и великого кизя Михаша Федоровича всеа Руси указу, по оценке ден(ъ)гами, а последняя статья в книгах*.

Для лексикографической разработки имеет значение тот факт, что в данном жанре представлены практически все части речи с преобладанием существительных и прилагательных, а достаточно развернутые и полные контексты позволяют определить лексическое значение слова, не прибегая к дополнительным источникам.

2.2.2 Счетные списки (счеты)

Другим обязательным документом, оформляемым при смене таможенных голов, являются *счетные списки*, которые представляют собой отчеты таможенных голов за период своего правления. Счетные списки таможенного ведомства, как и росписные, относятся к мало-

изученным памятникам. Первое историческое описание счетных списков по Якутии осуществил В.Ф.Иванов [Иванов 1979: 87–91]. В лингвистической литературе они лишь упоминаются среди прочих материалов таможенного делопроизводства [Качалкин 1973: 18–24].

По содержанию таможенные счетные списки подобны счетным спискам воеводского управления. Как предполагает В.Ф.Иванов, создавались они “в двух случаях: 1) при текущем (например, погодичном) “счете” таможенной казны; 2) при смене таможенных голов” [Иванов 1979: 88].

Счетные списки, по мнению Н.Н.Оглоблина, “не так уж редки” [Оглоблин 1897]. Однако нам удалось найти лишь 10 документов из 22 упоминаемых Н.Н.Оглоблиным – это счетные списки таможенных голов **Мангазеи** за 1634–1639 гг. [РГАДА, ф. 214, ст. 51, лл. 1–99; 153–166 (1634–1635 гг.); ст. 57, лл. 73–341 (1636–1638 гг.); ст. 57, лл. 2, 3, 16, 33–37 (1639 г.)] и **Енисейска** за 1638–1651 гг. [РГАДА, ф. 214, ст. 153, л. 442 (1638 г.); ст. 254, лл. 83, 60–82 (1638–1644 гг.); ст. 254, л. 6–83 (1648 гг.); ст. 254, л. 88–106 (1648–1651 гг.)].

Счетные списки составлялись по имевшимся таможенным *приходно-расходным и десятинным книгам*. Они содержат сведения о состоянии денежной и соболиной казны с пояснениями головы о тех или иных случаях несовпадения данных.

Начальная часть счетных списков, как правило, представляет собой довольно развернутое предисловие, диспозитивная формула которого “размыта” повторами и пояснениями, хотя включает все необходимые элементы: дату, имена участников проверки, перечень таможенных книг, подвергнутых выверке.

В случае текущего годового “счета” таможенной казны текст начинается с самоназвания документа, после которого следует диспозитивная формула: “счетной список как считаны в **Мангазѣ** в ннешнем во РМЗ м (147 = 1639) году в гсдрве црве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси в **Мангазѣ** **искои** таможенной пошлине **мангазѣ** **иские** таможенные головы устюжанин посадцкои члвкъ Иван Кокоринъ да томменин посадцкои же члвкъ Петръ Брагин <...> что собрали они таможенные головы Иван Кокорин да Петръ Брагин и что собрали целовальники которые даны им в Тоболску и в **Мангазѣ** <...>” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 73–341].

Начальная часть типового текста, составляемого *при смене* таможенных голов, имеет иную структуру, в которой четко просматри-

ваются два компонента. Первый компонент содержит диспозитивную формулу и повторяет текст наказа, данного таможенному голове:

“Лѣта ·ЗРНЗ· (7156 = 1648) году июля въ ·КЗ· (27) *де* по гсдрву црву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси указу велено енисейскому таможенному и заставному голове Леонтью Бобровскому приѣхавъ въ Енисѣйской острог у прежнево у таможенново и у заставново головы у Василя Бухрякова взяти в таможенной избѣ таможенные приходные и расходные книги прошлых годов ево Василева сиденя во всяких таможенных зборех с тех мѣсть какъ он Василеи учал въ Енисѣйском остроге таможду вѣдат по ево Леонтьевъ приѣздъ в мяхкои рухляди и в денгах счесть во всем подлинно а что на нем взочтено будет и то на нем велено взятъ въ гсдрву казну”.

Опорными словами в данном фрагменте являются: “Лѣта <D> – велено – <np> таможенному и заставному голове <N> – у прежнево у таможенново и у заставново головы <N> – взяти – приходные и расходные книги прошлых годов – счесть во всем подлинно”. Эта цепочка отмечается и в других енисейских счетных списках.

Второй компонент представляет собой краткий отчет о реализации наказа, при этом отмечается, что не все книги были подвергнуты проверке, но причина, по которой они не досматривались, не указывается: “и въ прошлом во ·РНЗ· м (156 = 1648) году июня въ ·ѲІ· (19) *де* таможенной голова Леонтеи Бобровской въ Енисѣйской острог приѣхал и у прежнево таможенново головы у Василя Бухрякова таможенные приходные и расходные книги прошлых годов ево Василева сидѣня взял а по тем книгамъ в приходе и в расходе во всяких таможенных зборех оприч таможенных приходных и расходных книг ево ж Василева сидѣня ·РНВ· (152 = 1644) году счел с ннѣшних со ·РНЗ· (157 = 1649) году июля съ ·КЗ· (27) чсла а почему въ ·РНЗ· м (157 = 1649) году с приѣзду своего таможенново голову Василя Бухрякова не считал и о том к гсдрю црю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси писано в отписке наперед сего счотново списку а ·РНВ· г (153 = 1645) году по приходным и по расходным книгам таможенной голова Василеи Бухряковъ почему не считал и о том к гсдрю писано в отписке с счотным списком в ннешнем во ·РНИ· м (158 = 1650) году а что на нем Василе по тем книгам по которым считал таможенных денежных доходовъ и мяхкои рухляди взочтено” [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 6–7].

Объем начальной части в документах разных лет и таможен неодинаков, поскольку различны обстоятельства создания документа, различен и перечень проверяемых книг, а специфика процедуры требовала высокой точности описания.

Завершается начальная часть счетных списков формулой, которая имеет варианты: “и то в семь счете писано подлинно по статьямъ порознь” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 75] или “и то писано в сем счетномъ списке порознь статьями” [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 7]. Самоназвания документов *счетный список* и *счет* выступают в синонимичном употреблении.

Содержательная часть документов неоднородна по составу и, как правило, состоит из двух блоков. Сначала следует общая информация о собранных пошлинах и наличных деньгах: “во ·РНГ· (153 = 1645) *м* году сентября съ ·А· *г* (1) чсла да по ·РНД· (154 = 1646) *и* сентября по ·А· *и* (1) *же* чсло собрал въ Енисѣйскомъ остроге таможенной голова Василеи Бухряковъ гдрвы десятои и явчеи и с мяжкой рухляди и с мелочных товаров с продажи записной и отѣзжей и проѣзжей и с лошадей пошерстной и с рогатого скота роговой и с хлѣбных запасов и со всяких вѣсчих товаров вѣсчеи и мелочново збору и всякою таможенной пошлины денежново збору три тысячи сто триццат пят рублей десять алтнѣ пол шести денги а за расходом налицо таможенново денежново всяково збору три тысячи сто четыриццат рублей четыриццат алтнѣ пол шести денги и тѣ денги и книги таможенной голова Василеи Бухряковъ въ Енисѣйскомъ остроге отдал в гсдрву в съѣзжую избу воеводе Федору Уварову да подячему Василию Шпилкину” [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 8].

Во второй части перечисляется, с кого именно и за что именно (русский товар, мягкая рухлядь) получена государева десятая пошлина, в *каких книгах* сделана о том запись, куда переданы деньги и книги: “да в том же во ·РНГ· *м* (153 = 1645) году взято у енисѣйсково у посадцково члка у Олешки Тихонова Жилина гдрвы десятои пошлины съ ево варничново соляново промыслу со шти тысяч пуд соли по таможенной оцѣнке за денги за сто за пятьдесят рублей шесть сот пуд соли и та соль въ Енисѣйском остроге отдана в гдрву казну в съѣзжую избу воеводе Федору Уварову да подячему Василию Шпилкину” [РГАДА, ф. 214, ст. 254, л. 9]. В некоторых статьях обращается внимание на недостатки в записях предыдущих лет: “а гдѣ тѣ денги Мак-

симко сверхъ товарново привозу и привозных денег взял того в десятинно книге не написано” [там же].

Как видим, и первый и второй блоки содержательной части имеют свою микроструктуру, обусловленную целевой заданностью микроконтекста, а также набором устойчивых синтаксических конструкций: “во <полная дата> да по <полная дата> собрал въ <пп> остроге таможенной голова <N> гсдрвы десятои и явечи и с мяхкои рухляди и с мелочных товаров с продажи <перечень пошлин> и всякои таможенной пошлыны денежново збору <S> а за расходом налицо таможенново денежново всяково збору <S> ”; “да в том же во <D> году взято у <пп> у посадцково члѣка у <N> гсдрвы десятои пошлыны съ <...> по таможенной оцѣнке за денги за <S>”; “и тѣ денги и книги таможенной голова <N> въ <пп> остроге отдал в гсдрву в съѣзжую избу воеводе <N> да подячему <N>”.

Привлекают внимание статьи, в которых отмечается отступление от общего порядка взимания пошлин, например, из-за низкого качества товара: “у Якимки Юдина пѣнежанина тритцат три соболишков худых прѣлых вешных и всего таких соболишков у одиннатцати члѣкъ в одиннатцати статьх прѣлых и худых и вешных соболишков и недособолишков девят сороков шесть соболишков десят бобришков да дватцат кошлочишков прѣлыхъ же вешных худых и гдрва десятая пошлина с тѣх худых соболишков не взята” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 79]. Или: “и таможенные головы Офонасеи Аврамов да Сава Осолихин приговорили что с тѣх с прѣлых и з голыхъ и з битых и с худых соболишек з девяти сороков со шти соболишков да з десяти бобришков да з дватцати кошлочишков взят со всяково десятка не довелос ” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 81].

Наибольший интерес в данном жанре, насыщенном числовыми данными, представляют контексты, в которых даются пояснения о причинах недобора казны: “тѣ соболишка в промыслѣх промысляють весною после блговещенева дни и тѣ соболи быютца и лѣняют и подпрѣвают в кулемнике на вѣшних промыслѣх” [там же].

Конечная часть счетных списков стандартна, в ней подводится итог проведенной ревизии и определяется наличие или отсутствие начета. Формула заключительной части может быть представлена следующим образом: “и по таможенным книгам с его <N> приезду <D>,”

<D¹> и <D²> годов он <N> считан и по счету на нем <N> великого государя начету нет”.

Итак, структуру счетного списка можно представить следующим образом:

1) *начальная оформляющая часть*, содержащая информацию об участниках проверки и базовых таможенных книгах;

2) *содержательная часть* включает:

- сведения о состоянии денежной и соболиной казны;
- информацию о собранных пошлинах и наличных деньгах;
- перечисление, с кого именно и за что именно получена государственная десятая пошлина;
- данные о книгах, в которых произведена запись о последующей передаче денег;

3) *конечная оформляющая часть*.

Большой интерес в плане лингвистической содержательности представляют так называемые *полные* списки, в которых содержится счет одновременно денежной и соболиной казны, хотя отдельные ценные данные можно почерпнуть и в счетах одной денежной казны.

В полных счетных списках, несмотря на однотипность статей, хорошо отражена лексика, связанная с охотничьим и торговым промыслами, например, названия приспособлений для ловли соболей (*кулемник*) или меховых шкурок промыслового зверя, которые становятся предметом торговли: *соболь (соболишко), бобр (бобришко), кошлок (кошлочишко), лисица, зайцы, росомаха (и росомака)*. Представлены и названия частей меховых шкурок: *пупки, хвосты*. Качество меха передается прилагательными *худой, вешный, прелый, голый, битый*. Характеристика меха по назначению выражена словами *соболя перекупные, соболя обветные*. Встречается лексика, связанная с *варничным* соляным промыслом. Богато представлены наименования различных таможенных сборов: *головицина, десятая, отъезжая, проезжая, роговая, пошерстная, весчая пошлина*. В группе бытовой лексики можно отметить наименования предметов одежды: *шуба, шубенко, кафтан* и др.

Счетные списки содержат и ономастический материал, связанный с территорией Сибири и европейской части страны, который может быть использован при составлении топонимических словарей.

Таким образом, лексическое наполнение счетных списков позволяет использовать их как один из надежных источников для разработки региональных словарей, общих и специальных.

2.2.3 *Допросные речи*

Особый интерес представляют **допросные речи**, подшитые к исследованным счетным спискам таможенных голов, в которых таможенные головы и подьячие дают объяснения о причинах нарушения порядка таможенного делопроизводства.

Допросные речи в составе *таможенной* документации встречаются крайне редко, поскольку проведение следственных мероприятий не входило в обязательные функции таможенных голов, а необходимость в каком-либо разбирательстве в рамках компетенции таможенного головы возникала нечасто. Нам удалось обнаружить лишь два текста допросных речей, составленных в таможенном ведомстве, один из которых, как уже отмечалось, оказался подшитым к счетному списку [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 50–51; ст. 210, лл. 172–224]. Возможно, допросных речей было больше, но они не сохранились, поскольку не пересылались в Москву, а архивы местных делопроизводственных учреждений оказались недолговечными.

Как самостоятельный документ оформлены допросные речи мангазейских таможенных голов Ивана Кокорина, Петра Брагина и таможенного подьячего Петра Дмитриева по поводу неправильных записей в книгах 1639 г.

Начальная часть текста кроме обязательных элементов диспозитивной формулы (дата допроса, место допроса) содержит подробную мотивацию возникшего разбирательства. Завершается начальная часть рассматриваемого текста формулой: “таможенные головы Иван Кокорин да Петръ Брагин в таможенной избѣ допрашиваны и в допросе сказали” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 50].

В содержательной части документа сначала следуют допросные речи таможенных голов, которые отмечают характер искажения текста книги (“многие стати въ явке в мяхкои рухляди и в денгах <...> и люди в именѣх и в отчествах перескребано и многие стати меж строк приписываны <...> и лисе многое в переплете пополам перерезывано и склеивано” [там же]), отмечают приписки, исправления и обвиняют во всем подьячего. Затем предлагается оправдание самого

Петра Дмитриева: “был де я у гсдрва дѣла в подячих один <...> и писати было гсдрвых таможенных книг нѣкому и я для посигѣшеня книги писати наинмовал и тѣм людям и дѣло им было не за обычеи и во многих статьях описывалис и как я тѣ таможенные книги справливал и у книжной справы в статьях починивал и поскребал против приходные книги слово в слово” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 51].

Очевидно, разбирательство состоялось в один день, поскольку вопреки принятой в делопроизводстве форме дата допроса указывается только один раз в начале документа. Допросные речи подьячего Петра Дмитриева предваряет формула без указания даты и места допроса: “против таможенных голов рѣчи таможеннои подячеи Петръ Дмитреев допрашивал и в допросе таможеннои подячеи Петръ Дмитръев сказал” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 51].

На оборотах листов имеются рукоприкладства участников допроса, подтверждающих правильность записанных речей: “к рѣчи Ивашко Кокорин руку приложил”, “к семь речам Петрунка Брагин руку приложил” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 50 об.], “к своим речам Петрушка Дмитреевъ руку” [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 51 об.].

Жанр допросных (или расспросных) речей, составленных в таможене, представлен еще одним документом 1648 г., в котором объясняются причины неудачных звериных промыслов и отсутствие денежных поступлений в государеву казну [РГАДА, ф. 214, ст. 210, лл. 172–224].

Начальная часть текста достаточно объемна, содержит развернутый контекст, в котором поясняются причины составления данного документа: в Енисейский острог съехались торговые и промышленные люди с разных соболиных промыслов для оплаты десятой пошлины, однако, как оказалось, платить им было нечем, а потому они собрались идти на промысел “на великую реку Лену”. Тогда таможенный голова Леонтей Бобровской, “промышленных и торговых людей поставя в таможеннои избѣ перед собою роспрашивал порознь почему у них <...> по всѣмъ рекамъ и на береговых промыслах соболиные промыслы были худы и малы а торговые люди почему въ Енисѣйском остроге своими рускими товары всѣми на мяхкую рухляд не торгуют а хотят итит<...> на великую реку Лѣну ” [РГАДА, ф. 214, ст. 210, л. 172].

Заканчивается начальная часть документа типичной для данного жанра фразой: “а что в роспросех сказали и то писано въ их роспросных рѣчах порознь статьями” [там же].

Статьи содержательной части данного памятника построены по одной схеме и включают диспозитивную формулу: DN, где D – дата проведения допроса (“марта въ ·КД· (24) *де*”, “мая въ ·АІ· (11) *день*”, “того ж дни”), а N – имена допрашиваемых, которые в большинстве случаев сопровождаются уточнением места проживания торгового или промышленного человека (“Гришка Карпов устюжанин”, “Орточка Онофреов да сын ево Петрушка вычегжана”, “Михѣикъ Василевъ вымичъ”). Диспозитивная формула допросных речей как обязательный элемент включает выражение “в допросе сказал” или “в допросе сказали”. Основная часть статьи передает “речь” торгового или промышленного человека, близость записи к речи допрашиваемого подчеркивается частым употреблением частицы “*де*”.

Следует заметить, что основная часть каждой статьи в данных допросных речах практически повторяется при каждом допросе – у всех допрашиваемых получается одна и та же причина неудачи в промысле соболей. Различаются лишь имена и названия мест промысла. Для сравнения можно использовать следующие статьи (несовпадающие элементы выделены подчеркиванием):

л. 173

марта въ ·КД· *де* промышлен-
ной члвкъ Гришка Карповъ
устюжанин

в допросе сказал
был *де* он Гришка на соболином
промыслу из Маковского вверхъ
по Кетѣ рекѣ и соболиной *де*
промысел у него Гришки был худ

всего на ужину четыре соболи-
шка да россобака
а промысел *де* был худ потому

л. 175

мая въ ·АІ· *день* промышлен-
ные люди Илеико Василевъ
с сыномъ своим с Михѣикомъ
вымичи да покрученикъ ево
Ивашко Павлов

в допросе сказали
были *де* они на соболином
промыслу по Верхней Тунгуске
рекѣ в сторонной рекѣ в Тасиеве
и соболиной *де* промысел у них
был худ

всего на три ужины шездесят
соболей
а плох *де* промысел у них был
потому

что соболеи де в лесу было мало
и в кулемникѣ де не пал
потому что на лесу де было ягодо-
ново корму много
и в кулемнике у него не ѣл
а на собаче де ногѣ с осени
промыслу не было
потому что де с осени снѣгъ
укинул великѣ вдругъ...

что соболи де у них в кулемнике
не ѣли
для того что в лесу было ягодо-
во корму много
а на собаче де ногѣ промыслу
не было
что де с осени снѣгъ укинул
великѣ и потому де у них
промысел и плох был...

Приведенный пример с небольшим количеством расхождений свидетельствует об использовании определенного шаблона, а потому должен рассматриваться не как отражение речи промышленных людей, а как демонстрация речи и деловой компетенции составителя документа.

На обороте допросных речей имеются рукоприкладства допрошенных промышленных людей.

Заключительная часть этого текста утрачена.

Следует отметить, что по Приенисейской Сибири допросные речи, составленные в таможенной избе, по структуре и набору определяющих жанр формул не отличаются от аналогичных материалов воеводского делопроизводства, место создания этих текстов (таможенная, а не приказная изба) обусловлено экстралингвистическими факторами.

Лексический состав допросных (расспросных) речей обусловлен предметом разговора. Основу всех высказываний составляют слова общеупотребительные, нейтральные: *промысел, писать, переписать, успеть, торговать, идти, хотеть, есть, весна, осень, лес, река, берег, плохой, добрый, великий, вдруг*. Можно найти специальные слова и словосочетания: *статья, склейка, припись, переплет, за обычай, слово в слово, на собачей ноге*. Отдельные слова и словосочетания имеют явно разговорный характер: *не пересматривали для того что, для поспешенья, порознь, наимовать, справливать, починивать, поскребать, промысел худ*. К территориально ограниченными можно отнести слова *ужина* – ‘пай, часть добытого зверя на каждого охотника’, *кулемник* – ‘ловушка на мелкого зверя’. Следует отметить, что в допросных речах чаще, чем в других памятниках таможенного делопро-

изводства встречаются глаголы и глагольные формы, что делает их более интересными для лексикографического исследования, чем, например, росписные, счетные, сметные и пометные списки, в которых преобладает номинативная лексика.

Самостоятельным источником лексикографического исследования могут стать диспозитивные формулы допросных речей, поскольку они содержат лексико-тематические группы слов с обозначением лиц по месту жительства (*устюжанин, усонец, вымичи, вычегжана, каргополец*), социальному статусу (*посадикий человек, служилой человек*), роду занятий (*торговый человек, торговые люди, лавочный сиделец, промышленные люди*). Диспозитивная формула насыщена антропонимической лексикой, местными топонимами (реки *Енисей, Пить, Тасеева, Верхняя Тунгуска, Подкаменная Тунгуска, Лена, Маковской острожек, Маковской волок, Ленской волок*), которые могут быть использованы при разработке антропонимических и региональных топонимических словарей.

Таким образом, лексический состав и характер контекстов в допросных речах позволяют использовать их в лексикографической практике в качестве основных (базовых) источников при разработке разных типов региональных словарей.

2.2.4 Отписки таможенных голов

Отписки – это официальные донесения и сообщения должностных лиц. Отписки как жанр относят к массовому виду источников, вызывающий большой интерес исследователей – историков и лингвистов. Однако количество отписок, вышедших из таможенной и приказной изб, неодинаково. Так, Н.Н.Оглоблин [Оглоблин 1897], описывая документы таможенного управления Сибири, отписки таможенных голов, вообще не отмечает. Некоторое количество отписок таможенных голов и целовальников впервые было обнаружено В.Ф.Ивановым при исследовании письменных источников по истории Якутии XVII в. [Иванов 1979].

По представленному региону обнаружено всего 3 документа, и потому они представляют особый интерес для лингвистического исследования. Это отписки мангазейских таможенных голов Афоньки Ходутина и Савки Осолихина 1639 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 57, лл. 52–

57], Ивашки Загигалова 1669 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 635, лл. 97–100] и 1671 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 635, лл. 113–114].

Небольшое количество памятников можно объяснить тем, что доношения таможенных голов в Сибирский приказ не были регулярными, а потому сохранились в значительно меньшем количестве, чем отписки воевод, на которых возлагалась более высокая ответственность за информирование центральных приказов о состоянии дел в подведомственном уезде.

Объем отписок 1669 г. и 1671 г. традиционно невелик: 1–4 листа столбцового формата. Отписка 1639 г. отличается от указанных несколько большим объемом – 6 листов, поскольку содержит краткое изложение ранее полученного наказа и подробное сообщение о его выполнении.

Начальная часть отписок представлена традиционным для данного документального жанра набором формул, причем вариантность адресной формулы обусловлена сменой государственной власти в Московском государстве, то есть экстралингвистическими причинами:

Первая половина XVII в.

Гсдрю црю и великому кнзю
Михаилу Федоровичю всеа Руси

сироты твои <NN> таможенные
головы <NN> челом бьют

Вторая половина XVII в.

Гсдрю црю и великому кнзю
Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России и
гсдрю блговѣрному црвчю и великому кнзю Федору Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России и
гсдрю блговѣрному црвчю и великому кнзю Симеону Алексеѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России
гсдрю блговѣрному црвчю и великому кнзю Иоанну Алексеѣвичю всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России
холопъ вашъ <N>
челом бьет

Диспозитивная формула начальной части отписок таможенных голов ничем не отличается от соответствующей формулы воеводских отписок и в целом совпадает с диспозитивной формулой челобитных. Признаком, позволяющим различить отписки и челобитные является формула конечной части текста: в отписках это “и о том гедрь црь и великий кнзь Михаило Федорович всеа Руси как укажеш” (1639 г.) или “и о том бы мне холопу вашему от вас великие гедри в пене и в опале не быть” (1669 г.), а в челобитных – “црь гедрь смилуися пожа-луи”.

Содержательная часть выявленных отписок обусловлена причинами, побудившими таможенных голов обратиться в московский приказ. Так, в 1639 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 57] таможенные головы Афонька Ходутин и Савка Осолихин, прибыв в Тазовский город, обнаружили большие расхождения между росписным списком и материалами текущего делопроизводства: “да к тѣмъ же (таможенным книгам) приплетены книги рыбные приходные а написано число листов девяносто один листъ а по счету восемьдесят один листъ а нѣтъ десяти листов [там же, л. 53]; “да в тѣх же книгах в закреплѣ многие рѣчи в недописе попа Овдѣя [там же, л. 54]; “в приходной денежной книге лишку четыре тетради” [там же, л. 56]. Отказ принимать таможенные дела у предшественников из-за обнаруженных не порядков в ведении делопроизводства и стал причиной обращения в Москву.

Желая подстраховаться от ответственности за недобор десятой пошлыны, таможенный голова Ивашка Загибалов в 1669 г. обращается в Москву с отпиской, в которой пытается объяснить причины недобора десятой пошлыны [РГАДА, ф. 214, ст. 635, лл. 97–100]: “и тот недобор учинился волею божиею а не моим холопа вашего и целовалничимъ не радѣньемъ потому что в Нижней Тунгуске реке и по инымъ стороннымъ рѣкамъ промышленных людей было мало и промыслы были худы” [там же, л. 98].

В обнаруженных отписках содержится информация о результатах сборов пошлыны, о характере торговли и промыслов, о требованиях к ведению таможенной документации. В отписках таможенных голов можно найти сведения о лицах, привлеченных к делопроизводственной деятельности (*вдовый поп Авдей Ларионов*), о видах таможенных книг и др.

Лексический состав отписок предопределен предметом сообщения. В отписках представлена лексика специальная и общеупотребительная, достаточно разнообразная в тематическом отношении. Так, здесь можно найти названия документов (*росписной список, роспросный список, приходные книги, явошные книги русских товаров, оценочные книги, ценовные росписи*), названия шкурок пушных зверей (*соболь, пунки соболя, хвосты соболя, бобр без черевеси, лисицы красные, росомака, волки серые*) и их качественную характеристику (*соболи подраны и без лапъ и хвосты пришиты*).

Отмечается в отписках и достаточно большое количество местных топонимов: *реки Анабара, Подкаменная Тунгуска, Таз, Хеть; Есей озеро, Сумороковской плес, Курейское и Туруханское зимовья*.

В отписках, в отличие от других таможенных документов, богато представлена глагольная и производная от глаголов лексика: *годовать, збирать, купить, летовать, отдать, оставить, пересматривать, пойти, привести, принять, приплыть, продавать, собрать, стоять, учиниться; выбраны, иманы, написано, отрезан, приплетены, причтено, подран; едучи, идучи, заплатя, оставя, поймав, поскребав, сочтя*.

Отмечаются в отписках существительные с отвлеченным значением: *збор, беспромыслица, безторжица, недобор, недотис, нераденье, относ, перекуп, промысел, торг*.

Привлекает внимание простота синтаксических конструкций, отражающая разговорную речь: “а в Мангазѣ на Тазу торговых и промысленыхъ людей не годовал нихто”, “не было ни единыя денги”, “и збираѣ было не с ково потому что в Мангазѣ на Тазу торговъ и промысловъ никакихъ нѣтъ”, “и всякои торгъ в Туруханскомъ зимовѣ был поздень” [РГАДА, ф. 214, ст. 635, л. 100]; “в одном тетраде листь писано отрѣзан”, “а тетрат простая без писма”, “а тѣ таможенные книги прошлых годов за рукою вдовово попа Авдѣя Ларионова и за таможенною печатью <...> стоят в таможене в коробе [РГАДА, ф. 214, ст. 57, л. 56].

Степень стандартизованности содержательной части отписок невысока, что позволяет использовать их для различного рода лексикологических и лексикографических разработок. В текстах достаточно много написаний, которые можно трактовать как отражение фонетических и грамматических признаков разговорной речи писцов.

Таким образом, несмотря на небольшое количество, сохранившиеся отписки таможенных голов представляют собой ценный источник региональной лексикографии.

2.2.3 *Товарные ценовые росписи*

Ценнейшим источником для изучения истории словарного состава русского языка, материальной и духовной культуры русских первопоселенцев являются *товарные ценовые росписи*, содержащие богатейшие сведения о поставках в Сибирь русских и иноземских товаров. По изучаемому региону сохранились три документа, сшитых в одну книгу и образующих самостоятельный комплекс объемом в 169 листов. Это енисейские товарные ценовые росписи 1687 г. [РГАДА, ф. 214. оп. 1, кн. 254, лл. 1–169].

Первое упоминание о товарных росписях Енисейска находим в Обозрении столбцов и книг Сибирского приказа Н.Н. Оглоблина [Оглоблин 1897], который в 1897 г. отмечал, что росписи представляют собой очень ценные в историческом и лингвистическом отношении материалы и потому заслуживают отдельного полного издания. В 1900 г. в Чтениях ОИДР были опубликованы списки с товарных ценовых росписей, которые в большей мере рассчитаны на историков и не могут привлекаться для лингвистических исследований. Автор публикации А.Н.Зерцалов передал текст оригинала по орфографическим нормам XIX в., ввел прописные буквы, знаки препинания, заменил словесное обозначение чисел цифровым, внес коррективы, удобные для исторической обработки: текст при воспроизведении объединен в тематические группы, занимающие несколько страниц, поэтому ссылки даются не на конкретный лист, а на группу (например, лл.5–6, 7–10), что существенно затрудняет поиск нужного слова.

Перечневая выписка (лл. 102–169 оригинала) разделена А.Н.Зерцаловым на два столбца таким образом, что “на левой стороне помещены товары по оценке 157, а на правой – 195 г.” [Зерцалов 1900: 63–64]. Такая разбивка, оправданная задачами исторического исследования, нарушает лингвистическую целостность текста. Кроме того, при публикации перечневой выписки А.Н.Зерцалов исключил из товарного списка 1649 г. целый ряд тематических групп: *хмель томской и краснойрской; пряжа неводная и светильна и обметы собольи*

и камысы всякие и хвосты конские; платье всякое мужское и женское; ремень сыромятный и подвязки и татауры и мошны и черезы.

Неточности и ошибки, допущенные в издании при передаче оригинала, искажают объективную лингвистическую картину, препятствуют восстановлению фонетической и грамматической характеристики говора писцов. Тем не менее благодаря необычайно богатому содержанию памятник в публикации А.Н.Зерцалова был использован в качестве одного из источников при составлении Словаря русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв.: Указатель... 1975: 116–117].

Высокая лингвистическая ценность товарных росписей, а также неудовлетворительное издание, оправданное спецификой исторического исследования, вызвало необходимость новой публикации источника, пригодной для всестороннего лингвистического изучения. Новое издание с учетом всех особенностей текста осуществлено автором настоящей работы в 1990 г. [Городилова 1990].

Появление этого единственного в своем роде памятника связано с разбирательством жалобы торгового человека Алексея Ушакова “со товарищи” о завышении цен на привозные товары. Согласно памяти енисейского стольника и воеводы Григория Новосильцева, таможенный и заставный голова Иван Пивоваров допросил Алексея Ушакова и других торговых людей о ценах на разные привозные товары и внес эти сведения в товарную ценовную роспись. Для определения “приценок” и “недоценок” в таможенной избе был составлен список с ценовых книг 1649 г. (сами ценовые книги не сохранились). Третий документ – сравнение двух первых росписей – был составлен уже в приказной избе. Так сложился комплекс документов, объединенных общим содержанием, – полный перечень товаров, находившихся в Енисейске с 1649 по 1687 гг.

Первая роспись 1649 г. имеет заглавие: “Списокъ съ Енис... <повреждение> товарных цѣновныхъ <...> годовъ со 167 году”, после которого сразу перечень товаров без всякого предисловия. Все включенные в список товары распределены составителем на 37 тематических групп, каждая из которых имеет подзаголовок: “хлебные всякие запасы” (л. 1-а), “воск и мед и ладон простой и росной и фимиян” (л. 3), “мед всякая делная и пуговицы оловянные и костяные” (л. 5), “масло каровя и скипидарное и сало говяжья и свечи салные и олифа и нефть” (л. 9 об.), “перец и онис инбирь и гвоздика и ягоды винные изюм и пряники и сахар и рошки” (л. 10 об.), “одекуи и бисер и корол-

ки” (л. 12), “белила и румянец ступчатои и платчетои и гребеня сло-
нове и роговое и гарус” (л. 14), “сукна всякие немецкие и литовские и
русские” (л. 35а), “плате всякое мужское и женское” (л. 45), “зеркала
и маточки и очки всякие и скляницы и коробки немецкие” (л. 59 об.),
“подубрусники и убрусы и подзатыльники и сороки и ошивки и тесмы
и нити шити и кокошники и кошельки” (л. 64), “суды деревянные и
всякая мелочь” (л. 67 об.) и т.д.

После заголовка следует подробный отчет о количестве того или
иного товара, его качестве, цене: “шенданъ меншеи цена полполтины
плащи татаурные мѣдные цена двѣ гривны чернилница мѣдная с
трубками четыре гривны чернилница мурамленая цена двѣ денги чар-
ка мѣдная медовая цена четыре гривны чарка винная цена пять алтынъ
уховертка мѣдная цена полгривны колоколец кутас полоустной бол-
шой цена пять алтын...” [РГАДА, ф. 214, кн. 254, л. 6]; “решето лич-
ное без обитчки цена восемь копеек забня лычная цена четыре денги
чашка деревянная большая цена пять алтын <...> утка деревянная в чом
соль кладуть вологодткая цена полгривны” [РГАДА, ф. 214, кн. 254,
л. 69].

Аналогично составлена и роспись 1687 г. – “Списокъ съ заруч-
ной товарной цѣновной росписи 195 году”. Этот документ также раз-
делен на 37 групп, расположенных в той же последовательности, что
и в тексте 1649 г. Однако в некоторых группах наблюдается несовпа-
дение в перечне товаров. Кроме того, роспись 1687 г. имеет неболь-
шое предисловие, в котором перечислены имена всех участников оп-
роса.

Обе росписи составлены в таможенной избе, что подтверждает-
ся в конце каждой росписи “справой” подъячего таможенной избы
Митрофана Ананьина [лл. 68 об., 101 об.] и рукоприкладством тамо-
женного и заставного головы Ивана Пиоарова (Пиварова – так в ркп.)
и целовальников. Заверяющие подписи, расположенные на нижнем
поле каждого листа, разбиты на слоги и повторяются на протяжении
всего текста.

Третий документ комплекса представляет собой сравнительный
список с двух предыдущих товарных росписей. В предисловии этот
текст назван “перечневою выпискою”. Структура перечневой выписки
совпадает с товарными росписями 1649 и 1687 гг.: здесь также пред-
ставлены 37 групп товаров, но в отличие от предыдущих росписей да-
ется комментарий в случае несовпадения цен: “по прежнимъ ценов-

нымъ росписямъ пимы малые цена пят алтнъ а по ннѣшней ценовнои росписи цена тѣмъ пимама алтнъ две денги и недоценено у тѣхъ пимовъ трех алтнъ четырехъ днгъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 254, л. 130 об.].

Каждая тематическая группа в росписях представляет большой интерес не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, поскольку в них содержится различная информация о быте и занятиях первопоселенцев Сибири. Здесь мы находим не только предметы повседневного быта (*ковши, кружки, ложки, блюда, торели, чашки, чарки, ситка*), но и предметы роскоши (*бисер, одекуй, корольки, жемчуг, камешки литики и строганцы, зеркала хрустальные и др.*). Разнообразен перечень тканей “иноземского привозу”: *атлас, байберек, бархат, борлат, бумазая, бумага, дороги, зендень, камка, кармазин, карса, куфтеръ, китайка, кумач, обьярь, тафта, шелк и др.* Составители росписей не только перечисляют названия привозимых в Енисейск тканей, но и указывают на место их выработки: *анбурские, гиланские, индейские, литовские, невские, немецкие, ряжские, теврижские, шемоханские*. Кроме того, ткани характеризуются по цвету, рисунку и качеству: *куматчатый, кармазинный, полосатый, чешуйчатый, травчатый, уской, доброй, плохой*. Иногда определяется и назначение той или иной ткани: *барабанная, штанная, юпочное, старческое*. Кстати, не только ткани, но и многие другие предметы, перечисленные в росписях, сопровождаются указанием на их качественную характеристику: *иглы – большие, узловые, мастерские, гранки, шпанки, светлой руки; замки – анбарные, полинчатые, нутреные, задорозчатые, висячие, колодные, клинчатые, коробейные, большие, средние, малые, ерославские, немецкие, утрений сухвочной*.

Енисейские товарные росписи содержат также ценные сведения по истории русской культуры – развитию книгопечатания в Московском государстве XVII в., данные об уровне образованности населения периферийных областей, какой была в то время Сибирь. В росписях представлено 42 наименования печатных и рукописных книг, большую часть которых представляют книги богослужебные (*Евангелие, Триодъ, Устав, Охтай, Минея, Апостол, Часослов, Потребник, Святцы и др.*). Меньше книг для “благочестивого чтения” (*Житие Николино, Патерик*), и совсем мало книг так называемого светского содержания – азбук, грамматик.

Анализируя перечень книг, можно сделать одно интересное наблюдение: в культурном отношении далекий Енисейск не так уж от-

ставал от европейских городов. Так, например, книга Маргарит (сборник бесед Иоанна Златоуста), пользовавшийся на Руси большим спросом, был издан в Москве в 1641 г., а в 1649 г. эта книга уже была “зарегистрирована” в товарных росписях. Это довольно быстрое продвижение книги из Европы в Сибирь, поскольку известны случаи, когда пересылка относительно важных бумаг делового содержания из Енисейска в Москву длилась полтора-два года.

При всех перечисленных достоинствах товарные ценовые росписи имеют два существенных недостатка: 1) крайнюю ограниченность контекста и 2) отсутствие глагольной лексики. Отмечены только два случая использования относительно развернутого контекста, уточняющего назначение зарегистрированного предмета: “косар лучина шапат (“щипать”)” [РГАДА, ф. 214, кн. 254, л. 22 об.] и “утка деревянная в чом соль кладуть вологотцкая” [там же, л. 69]. Эти же контексты демонстрируют употребление двух (на весь текст росписей!) глаголов *щипать* и *класть*, других примеров нет.

2.3 Памятники, отражающие основную функцию таможен

2.3.1 Таможенные книги

Таможенные книги относятся к наиболее массовому типу документов, отражающих основную функцию таможен – сбор различного рода пошлин. Несмотря на то, что сибирские таможенные книги известны историкам, лингвисты обращались к ним крайне редко. Между тем таможенные книги представляются ценным источником не только для изучения социально-экономических отношений в Сибири XVII в. или получения сведений о торговле и промыслах, материальной и духовной культуре русского населения, но и для реконструкции достаточно значимой части лексического состава исходного говора писцов. Представленные в таможенных книгах сведения о движении товаров позволяют в какой-то степени установить междиалектные связи русских говоров Сибири с говорами европейской части страны. Таможенные книги в большинстве случаев отличаются хорошей сохранностью, поскольку составлялись с особым прилежанием и пересылались в Сибирский приказ, а не хранились на местах.

“Таможенная регистрация состояла из целого ряда процедур, каждая из которых находила обязательное письменное отражение в

предназначенном для ее фиксации документе (выделено нами – Л.Г.), это приводило к появлению цепочки текстов (документов), связанных последовательностью происхождения одного из другого. Наличие подобных текстов – отличительная черта таможенных документов, позволяющая расширить исследуемый материал за счет повторяющихся тождественных текстов” [Малышева 1997: 146].

Всякая операция регистрировалась в специально предназначенной книге, каждая из которых имела свою структуру записи и набор определяющих формул, поэтому, следуя за Н.Н.Оглоблиным, считаем целесообразным разделить все таможенные книги на две группы: таможенные книги *общего типа* (книги “всякого сбора”) и *частные*, “составлявшиеся для каждого отдельного сбора” [Оглоблин 1897: 20]. Кроме того, материалы таможенного делопроизводства Приенисейской Сибири позволяют выделить еще один тип таможенных книг, так называемые книги *книги сложного состава* [Малышева 1997: 158].

Общие книги отражают сбор *разных* пошлин с товаров и разных предметов на внутренних таможах. Эти книги имеют разные названия: “Книги таможенные приходные” (более употребительное), “книги таможенные пошлинные”, “книги таможенные всякого сбора”. Общие приходные книги таможен Приенисейской Сибири составлялись ежегодно и отправлялись в Сибирский приказ. В них представлены ежедневные записи различных торговых сделок, отражен сбор пошлин с перекупной мягкой рухляди, с продажи хлебных запасов, рогатого скота, лошадей, рыбы и “всякой мелочи”. Книги общего типа содержат сведения *о разных видах таможенных сборов (десятой, печатной, явчей головщины, посаженной, пошерстной, роговой, избной, полавочной и др.)*, причем главные пошлины одни и те же, а второстепенные сборы варьируются в зависимости от значимости города.

Подневные записи в общих книгах расположены в порядке месяцев, в конце каждого месяца подводится итог.

Начальная часть таможенных книг общего типа представлена в виде нескольких последовательно расположенных формул, содержащих следующую информацию: дата, по чьему указу или распоряжению проведен сбор, имена сборщиков пошлины, перечень групп населения, с которых взималась пошлина, перечень видов сбора, заключительная формула. В книгах первой половины XVII в. отдельные элементы начальной части могут быть представлены в неполном виде или вообще отсутствовать. Возможно, это зависело от значимости са-

мого делопроизводственного учреждения и профессиональной компетенции составителей книг: мангазейские и туруханские таможенные книги в начальной части оформлены менее тщательно, чем енисейские. Наиболее полный вариант начальной части находим в книге 1659 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 402, 137 л.]: “лѣта ·ЗРѣЗ· го (7167 = 1659) по гсдрву црву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца указу и по наказу енисѣйском таможенной и заставочной голова Василии Елезов да Енисѣйского ж острогу таможенные целовальники выборные посацкие люди Гришка Трескин да Ивашко Бронниковъ собрали въ Енисѣйском остроге гсдрвы црвы и и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца таможенной пошлины с проѣзжихъ с торговых и с промышленных и с служилых и з гулящих и Енисѣйского острогу с служилых же и с посацких и с пашенных крестьянъ и со всяких людей съ их со всякихъ с русскихъ товаров и с мяхком рухляди с продажи и с покупки десятинной и явчей и записной и проезжей и отѣзжей и с лошадей пошерстной и с рогатого скота роговой и с хлѣбныхъ запасов и со всякихъ въсчихъ товаров въсчеи и подемнои и с судов посаженной и з дров и с лучины и з свѣжей рыбы и с мѣлочныхъ со всякихъ товаров мѣлочной и всякою таможенной пошлины денежного збору ннешняго ·РѣЗ· (167 = 1659) году сентября съ ·А· (1) числа да того ж ·РѣЗ· (167 = 1659) году по сидѣние таможенного головы Михаила Кондакова июня ·ВІ· (12) чсло а что на ком какихъ великого гсдря таможенныхъ пошлин взято и то писано в сем книге порознь статьями” (лл. 1–1 об.).

Содержательная часть общих таможенных книг состоит из набора статей, которые могут быть представлены в разных вариантах в зависимости от характера таможенной процедуры. В некоторых таможенных книгах присутствует внутренняя разбивка основного текста на разделы, в пределах которых статьи сгруппированы по отдельным видам сборов или по социальным группам, облагаемым той или иной пошлиной. Так, по “приходам” собраны статьи: в книгах 1626 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 12, 38 л.]: “приход таможенной с пашенныхъ крестьянъ и с посадскихъ людей съ ихъ продаж с лошадей и с коровъ” и 1653 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 101, 25 л.]: “приход таможенной у служилыхъ людей” (л.4), “приход таможенной явчей головщины” (л.10), “приход таможенной с пашенныхъ крестьянъ” (л. 18).

В зависимости от вида таможенной операции все *статьи* можно разделить на *явчие, купчие, продажные и отпускные*. Характер процедуры предопределяет и *объем* соответствующей статьи, но не влияет на ее структуру.

Статьи любого типа в общих таможенных книгах включают три последовательно расположенные части, порядок следования которых никогда не нарушается.

Начальный протокол таможенных статей содержит дату, сведения о владельце товара (имя, место жительства, принадлежность к социальной группе, род промысла, родственные отношения), название вида таможенной процедуры (*явил, купил, продал, отпущен*), данные о предыдущей регистрации товара в других таможенных, общую характеристику товара по способу или цели приобретения: “сентября в ‘А’ (1) *де* по тоболскои *проѣзжей* грамотѣ у устюжанина у промышленного члвка у Максимка Прокопьева русково товару ево привозу прошлого ‘РѢС’ 20 (166 = 1658) году по енисѣискои таможеннои оценке *шездесят* рублев да он же Максимко на рухлядную покупку денег сто дватцат семь рублев [РГАДА, ф. 214, кн. 402, л. 2]; “июня ‘КЕ’ (25) *де* посадцкои члвкъ Евсючко Карасовъ явил *продат* соленои рыбы ” [РГАДА, ф. 214, кн. 101, л. 14]; “июня въ ‘КЗ’ (27) посадцково члвка Микиты Фомина жена Катерина Михайлова дочь продала служилому члвку Федке Батюкову двор свои со всѣми хоромы и з дворовым мѣстом и с огородом по купчей записи” [там же, л. 18]; “служилои члвкъ Бориско Карташ продал служилому члвку Петрушке Шаидуру корову красну на племя [там же, л. 2]. Основная часть статьи представляет собой перечень товаров с их характеристикой по количеству, цвету, размеру и проч.

Содержательная часть статьи обладает определенной структурной организацией, что особенно заметно при больших перечнях товаров. Так, если список явленных русских и иноземских товаров велик, то все наименования перечисляются по группам (ткани, украшения, кожаные изделия, порох и зелье и т.п.), что представляет собой определенную систематизацию. Это особенно важно учитывать при лексикографическом описании памятников таможенного делопроизводства, поскольку минимальный контекст (а чаще его отсутствие) затрудняет определение значения слова. В таком случае лексическое значение определяется по тематической группе, в которую внесена данная лексема. Включение товара в определенную тематическую

группу способствует разграничению омонимов, а также уточнению значений многозначного слова.

Количество тематических групп, зафиксированных в основной части таможенной статьи достаточно велико. Здесь представлено наименование лиц по роду деятельности (*ямской охотник, иконописец, мясник*), наименование тканей (*аглинь, сукно, кумачь червчатый, зеленый*), наименование мехов и меховых изделий (*бобр, горносталя, соболь, соболь хвостовой, лоскутишко соболье, лоскут росомачий, лапы рысьи, подскоры шапочные пупчатые и лапчатые, окол душичатой, шубенка пупчатое*), наименование кож и кожаных изделий (*кожи сырые и дубленные, овчины бараньи, мешина, ровдуги, рукавицы под ровдугую, камысы кобыльи*), украшений (*одекуй, пугвицы оловянные, мишура, бисер белый и лазоревый, серьги, шnurки нитные, гойтаны шелковые*) и др.

Содержательная часть таможенной статьи достаточно стабильна в ситаксических конструкциях, в наборе лексических средств, обозначающих общераспространенные, а часто и региональные названия товаров. Описание товаров и мягкой рухляди отражает процесс стандартизации названий товаров и их определений, складывания торговой терминологии, что представлено прежде всего в порядке следования характеристик: “аршин холсту середнево цѣна четыре рубли десять колодок гвоздья черново цѣна десять алтнъ полпуда сандалу красново цѣна два рубли с полтиною” [РГАДА, ф. 214, кн. 101, л. 6]; “с семи подскоров шапочных пупчатых околы соболи с подскора лапчатово лися окол душичатой с пятерых рукавиц подчеревесинных и соболих под ровдугую шиты волосом и шелком а в том числе однѣ покрыты по таможенной оценке с него взято [РГАДА, ф. 214, кн. 402, л. 135]; “с пятидесяти со шти соболем шесть сободем с хвостами взято” [РГАДА, ф. 214, кн. 12, л. 18 об.]. “Наименование товара, его качественное или количественное определение, независимо от того, выражается это общерусским или диалектным словом, в таможенных книгах является строго определенным. В этом смысле можно говорить об известной терминологизации” [Коткова 1976: 46].

Содержание основной части таможенной статьи ориентировано на использование номинативной лексики, выраженной именами существительными и субстантивированными прилагательными, а также атрибутивной. Однако часто при различного рода пояснениях можно встретить и глагольную лексику, хотя в целом подобных примеров не

так уж много: “а избных и полавочных денег с него Ондръѣ въ Енисѣйску не взято потому что он Ондръѣи въ Енисѣйском не торговал проѣхал мимо Енисѣйской к Лѣйскому волоку” [РГАДА, ф. 214, кн. 12, л. 6]; “а тѣ он денги выбрал из долгов прежней своей руской дачи” [РГАДА, ф. 214, кн. 402, л. 10].

Конечный протокол оформлялся в зависимости от типа таможенной статьи. Так, в *явчих, купчих и продажных* статьях содержится указание на размер взятой пошлины, в *отпускных* статьях таких сведений нет. В явочные статьи кроме того отмечается, в каких таможенных книгах сделана запись о перечисленных товарах: “а к Русе он Максимко отпущен с мяхкою рухлядью и писан в отпуске сентября сего же числа в оценной книге писан в прошлом во Рѣсѣ м (166 = 1658) году” [РГАДА, ф. 214, кн. 402, л. 3]. В отпускных статьях конечный протокол завершается пометой таможенников “*принята*”.

Таким образом, основная часть сохранившихся общих таможенных книг демонстрирует многообразие лексической системы русских говоров на всем протяжении их формирования. В таможенных статьях разных типов в большем объеме представлена номинативная и атрибутивная лексика, отражающая качество, размер, цвет назначение того или иного товара, слабо отражена глагольная лексика, наречия не отмечены.

Начальный и конечный протоколы содержит богатый материал по лексике таможенного делопроизводства. В них широко представлены названия таможенных документов (*выпись, проезжая грамота, отпуск, оценная книга, торговая записка, купчая запись, роспись, столп*), таможенных и торговых действий (*досмотрел, счел, явил, продал, купил, отпустил, послал*), названия пошлин (*головицина, поголовное, избное, весчее, подъемное, поанбарное, полавочное, посаженное, печатная*) и денежных единиц (*алтын, деньга, полуденьга, рубль*), название лиц по месту жительства (*тюменец, новгородец, сысолятин, устюжанин, енисейщик*). Лексический состав начального и конечного протокола “может стать объектом специального исследования, поскольку вопросам формирования лексики делопроизводственной сферы (в частности, связанной с торговлей и финансами) в исторической лексикологии места уделялось немного” [Мальшева 1997: 181]. Диспозитивная формула содержит материал, который можно использовать при разработке региональных антропонимических и топонимических словарей.

Анализ таможенных книги общего типа показал, что они могут стать источником построения региональных словарей не только общего типа, но и специальных, представляющих состояние терминологической (торговой, делопроизводственной, финансовой) системы на одном из этапов ее развития.

Частные книги отражают сборы пошлин по *отдельным* видам, например, десятинные книги, отпускные книги, меновные книги, книги хлебных покупок, книги сбора головышины и некоторые другие. Частные таможенные книги структурно совпадают с общими, то есть имеют начальную и заключительную части, представленные закрепленным набором формул, а также основную часть, которая состоит из статей, отражающих специфику взимания конкретного вида пошлины.

Десятинные книги, или *книги десятинного денежного и соболиного сбора*, – самые многочисленные из всех таможенных книг, отражают сбор наиболее распространенной таможенной пошлины – взимание *деньгами* стоимости одной десятой части со всех привозимых товаров и хлебных запасов и *натурой* одной десятой части с увозимой мягкой рухляди.

В десятинных книгах записи о денежной и соболиной пошлине чередуются в порядке поступления, но встречаются книги, где фиксируется только соболинный десятинный сбор – такие книги называются *соболиными десятинными книгами* или *книгами десятинного рухлядного сбора*.

Как и общие таможенные, десятинные книги содержат богатую информацию о социальном составе плательщиков пошлин по сословному признаку (*торговые, промышленные, служилые, крестьяне*); о местах выхода, о местах промысла, купли пушнины и уплаты пошлин; об ассортименте и количестве явленной пушнины. Наиболее ранняя обнаруженная книга относится к 1630 г. – это десятинная книга Туруханского зимовья 1630 г. [РГАДА, ф. 214, кн. 32, лл. 938–950]. Сохранившиеся книги отражают картину сбора десятой пошлины по всей территории Приенисейской Сибири практически за каждый год XVII века.

Начальная часть десятинных книг первой и второй половины века различаются оформлением даты и титулованием царствующей особы, что обусловлено изменением общей политической ситуации и переходом России на новую систему летосчисления.

Так, в памятниках 1630–1638 гг. находим следующее начало текстов: “РМД· з (144 = 1636) году апрѣля съ ·А· з (1) числа книги гсдрва црва и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии Мангазѣискова города таможенному десятинному денежному збору целовалника Терентья Ларионова тюменца без таможенныхъ голов Ивана Кокорина да Петра Брагина какъ онѣ сошли в Туруханское зимове что ималь он по гсдрву указу с торговых и с промышленных и со всяких людей гсдрву десятую пошлину свѣжеи рыбы и з зайцовъ и с куроитеи и с ково имянемъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 86].

Время правления Алексея Михайловича не внесло существенных изменений в оформление начальной части десятинных книг, что свидетельствует об определенной устойчивости структуры таможенного документа.

В конце периода десятинные книги оформляются по следующему образцу: “Лѣта от ржства Хрстова ·А·Ψ· з (1700) году августа зъ ·Г· з (10) числа да генваря по ·А· е (1) число книга великого гсдря цря и великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца что собрал в Мангазѣе мангазѣискои таможеннои и заставнои голова пятидесятник стрелецкои Данило Смирнов после московского отпуску прежняго таможенного головы таможенные десятиные пошлыны с неполных десятковъ по оценкѣ денгами по гривнѣ с рубля с промысловъ русских и китайских товаров и явочных денегъ и с рыбы и съ юколы рыбы и указных оброковъ а с кого за что и с чего взято и то писано в сей книге ниже сего имянно по статьямъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 1353, л. 115].

Таким образом, в начальной части можно выделить несколько составляющих: дата (год, месяц, число), титул правителя или должностного лица, по чьему наказу производился сбор пошлыны, место сбора пошлыны, имя сборщика (как правило, сбором занимались таможенные головы), с кого производился сбор (общее название). Завершается начальная часть десятинных книг чаще всего одинаковой формулой: “а с кого за что и с чего взято и то писано в сей книге ниже сего имянно по статьямъ”.

В конечной части десятинных книг представлена общая сумма собранного налога: “и всего в нынешнем <D> году <месяц> с <D> числа по <D> число собрано в таможене десятиные пошлыны по оценке деньгами по гривне с рубля всего <S> рублей <S> алтынъ <S> день-

ги". В некоторых десятинных книгах сохранились рукоприкладства ответственных лиц, подтверждающих правильность итоговой записи: "ларешною Василем Оксеновых руку приложил", "вмѣсто таможенных целоваликов Василя Шипицына Якова Оксенова по их веленью енисѣиской казак Ивашко Анкудинов руку приложил" [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, л. 43]. Рукоприкладства располагаются также по полям десятинных книг.

Содержательная часть текста десятинных книг включает подневные статьи одного образца, расположенные в порядке следования месяцев. На протяжении всего периода диспозитивная формула статьи сохраняет единообразную формулу даты: название месяца в родительном падеже, в <D> день. Далее следует формула лица, облагаемого пошлиной, которая включает имя, сведения о месте жительства, роду занятий или социальной принадлежности. Таможенные статьи первой половины менее развернуты, имя владельца товаров устойчиво употребляется в родительном падеже: "у Якунки Иванова пѣнежанина с <далее перечень товаров>" [РГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 87]; "у стрелца у Мартына Балахнина с промыслу ево <перечень пушных зверей>" [РГАДА, ф. 214, кн. 1353, л. 118], "у москвитина гостиною сотни у Нехорошево Матвѣя черескаменного товару пришло" [РГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 72].

Во отдельных текстах второй половине XVII в. прослеживаются статьи достаточно большого объема, в которых дается не только перечень товаров, но и описывается источник его происхождения, цель приобретения, а также маршрут передвижения торговца: "устюжанинъ торгвои члвкъ Аника Михайловъ снѣ Губинѣ купиль в Енисѣйску врознь три постава камокъ болшой руки семь поставов камокъ малои руки полчетверта фунта струи табаргиною семь фунтовъ струи бобровои двѣ розсомаки плохих а по заручной ево росписи тѣхъ у него камокъ и струи и розсомакъ на шестьдесят рублевъ с полтиною" [РГАДА, ф. 214, кн. 1244, л. 294].

Формула взятия десятой пошлины располагается в конце статьи и отмечается в вариантах: "и с того товару с приценки с <SS> рублев взято <S> рублевъ"; "по оценке с <SS> рублев взято <S>"; "по оценке с <SS> рублев десятые пошлины взято"; "и с той ево разной покупки с вышеписанной цены взято с него десятая пошлина по гривне с рубля <S> рублев взято".

В десятинных книгах отражен сбор десятой пошлины за продажу *просольной рыбы, кости моржового зуба, шапок овчинных, пригонного рогатого скота, русских и китайских товаров* и проч. Среди привозных товаров десятинные книги фиксируют *чарки большие и малые, шубенки дитявы, косяки мыла простого, пряники, свечи сальные, зеркала простые и створные*.

Любопытно отметить, что добычей пушного зверя занимались не только профессиональные промысловщики, но и стрельцы, которые за “свой промысел” также платили десятую пошлину. Лексика охотничьего промысла представлена названиями мехов, изделий из меха и шкур животных: *лисица бурая, красная, чернодушчатая; белодушка, сиводушка, чернодушка; розсомака, розсомаченки битые вешие; волк серый, половинки лосиные, медведно белое морское, портище лапчатое песцовое белое, постели оленьи, одеяла заечинные, одеяло хвостовое песцовое белое, кавтан недопесковой, норнишной, бакари, рукавицы исподы песцовые и заечинные, из лоскутья, шубы волчьи*.

Названия промыслового зверя особенно богато отражены в *десятинных книгах сбора мягкой рухляди*: *песцы белые и голубые, недопески, норники, горностаи, белки, лисицы, лисиченки, недолиси, волки, розсомаки* и проч. Здесь же зафиксированы *ролдуги оленьи нюковые, заечина, одындра и одындрина*.

Книги соболиного сбора и всякой мягкой рухляди отражают взимание десятой пошлины натурой, то есть каждым десятым зверем. В подневных записях этих книг содержится информация о социальном составе плательщиков пошлин, о местах их выхода, о местах промысла, купли пушнины и уплаты пошлин, о количестве и качестве “явленной” пушнины. Соболиные книги составлялись отдельно по острогам, зимовьям и “рекам”, а потому в них лучше, чем в других десятинных книгах, отражена топонимическая лексика: *Сполошный луг* (в верховьях Енисея), *Дубчевская слобода, Рыбенская застава, Проклятое зимовье, реки Быстрая, Верхняя Тынгузка, Мурочная, Малая, Рыбная, Тасиева, Татарская, Усолка, Хамун*.

В работах историков [Оглоблин 1897; Иванов 1979] как особый тип отмечаются *книги скотиной пошлины*, которые отражают сбор пошлин с убойного скота и с продажных лошадей. В деловой письменности Приенисейской Сибири подобные книги не обнаружены, однако данный вид пошлинного сбора включен специальным разделом в десятинные книги. Статьи о продаже лошадей идут отдельным

блоком без специального подзаголовка и содержат сведения о том, *кто* продал, *кому*, *масть* и *особые приметы* проданной лошади, размер пошлины с продавца и купца. По-видимому, десятинные книги представляли собой *списки*, составленные по отдельным книгам скотинной пошлины, о чем свидетельствует нарушенный порядок следования помесечных записей в одной из десятинных книг [РГАДА, ф. 214, кн. 1253]: ноябрь, март, август, сентябрь, декабрь.

Оформление продажи привозных лошадей сопровождалось точным указанием масти, цвета и особых примет животного: *шерстью буланая, бурая, вороная, голубая, гнѣдая, игрина, каря, коура, пѣга, рыжия, сѣрая, чалая; сивопѣга, в саврасѣ пѣга, в пѣге игреня; грива направо, налѣво, на обѣ стороны; ухо рѣзаное, ухо срѣзано, ноздри пороты, во лбу лысина, во лбу звѣзда, на губе беленько, на левой ноге поперегъ поясок бѣлоц, задняя нога бѣлая, хвост черной*. Здесь же следуют статьи о продаже домашнего скота: “сентября въ ‘КЕ’ (25) де кѣжемские пашенные крестьяне Гришко Воронов Ивашко Брюханов вдова Авдотица Мужиха якуцкому казачью головѣ Володимеру Отласову с товарищи продали на убои Гришко быка взял полтора рубля Ивашко корову взялъ сорокъ алтынъ Овдотица корову взяла рубль и с той их продажи взято десятой пошлины с рубля по гривне <...>” [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, л. 28 об.].

Десятинные книги дополняют лексико-тематические группы, извлеченные из общих таможенных книг, такими примерами, как: *вымичь, зыренин, мангазеец, черезкаменщик, поморец* (этнонимы); *псаломщик, толмач, кузнец, плотник* (название лиц по роду деятельности); *муксун, нельма, осетр, осетрина, сиг, щука, щучина* (названия рыб); *беремя, полуберемя, пурт* (единицы измерения) и др.

При достаточной насыщенности текстов антропонимами топонимическая лексика здесь представлена преимущественно в соболинных десятинных книгах и в значительно меньшем количестве по сравнению с общими таможенными книгами.

Таким образом, десятинные книги, как и общие таможенные, обладают ограниченным контекстом, что несколько снижает их ценность в качестве источника лексикографических построений, однако в целом они дают богатый материал по различным пластам лексической системы русского языка XVII в., в том числе и в его региональной разновидности. Десятинные таможенные книги вполне пригодны для

использования их в качестве лексикографического источника для словарей общего типа и специальных.

Отпускные книги представляют один из важнейших жанров таможенного делопроизводства и являются ценным источником исследования лексического состава русского языка в XVII в. Эти книги содержат богатые и разнообразные сведения об отпуске промышленных людей на промыслы, торговых – на торги, а также тех и других в русские и сибирские города. Отпускные книги свидетельствуют не только о социальном и имущественном положении торговых и промышленных людей, но и о движении их на места промыслов и торгов, о конкретных регионах промысла и торговли. В.Ф.Иванов относит отпускные книги к наиболее использованным историками источникам, отмечая в то же время, что “в научный оборот они введены выборочно” [Иванов 1979: 140]. В лингвистической литературе сибирские отпускные книги не представлены.

Н.Н.Оглоблин отмечает три типа отпускных книг: 1) об отпуске на промыслы; 2) об отпуске торговых людей для торговли; 3) об отпуске тех и других (смешанные книги) [Оглоблин 1897], однако среди отпускных книг, созданных в таможах Приенисейской Сибири, удалось обнаружить книги только второго и третьего типа.

Структура всех книг одинакова и включает три составные части.

Начальная часть представляет собой развернутое самоназвание документа, в которое входит информация об описываемом периоде, а также о направлении “отпуска” торговцев. Более часто отмечается предваряющая основной текст следующая часть: “*А^ВА* 2 (1701) году сь *А* (1) числа книга отпускная торговымъ проѣзжимъ и всякихъ чиновъ людемъ с рускими своими привозными и китаискими товары и с мяхкою рухлядью в верхния сибирские города и до Тоболска и к Руссе” [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, лл. 44–171]. Однако можно встретить и более сжатое название: “книга таможенная отпускная торговых промышленных и гулящих людей из Енисейской таможи” [РГАДА, ф. 214, кн. 373, лл. 1–29].

Содержательная часть текста отпускных книг представляет собой совокупность статей, которые имеют определенную внутреннюю структуру.

Начальный протокол статьи включает диспозитивную формулу, сведения о владельце товара (место жительства, социальное положение или род занятий, имя), сведения о предъявленном документе. Ор-

ганизации текста начального протокола статьи способствуют опорные слова: “*отпущен из <NN> торговой (посадкой, служилой) человек*”, “*а с ним идет из <nn> проезжей руского ево промыслу (ево привозного товару)*” или “*а с ним идет <nn> покупки*”, “*идет их пожитков*”. В отпускных книгах смешанного типа статьи об отпуске на промыслы структурно не отличаются от отпуска для торговли, но включают обязательное уточнение, куда и на какой именно промысел отправляется служилый или посадский человек: “*отпущень из Енисѣйска ис таможи вниз по Енисѣю рѣке в Мангазѣйской уѣздъ на Бахтинской песок для рыбного промыслу енисѣйской посацкой члвкъ Костянтинъ Нефедов а с нимъ идет енисѣйской покупки<...>*” [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, л. 50]. Начальный протокол статьи в отпускной книге в целом совпадает с начальным протоколом проезжих памятей и отпускных статей в таможенных книгах общего типа.

В содержательной части отпускных статей дается общая характеристика товара по способу приобретения (*покупной, ево покупки, енисейской покупки, своево промыслу*), указывается, у кого и на каких условиях приобретен товар (“*а ту покупку купил он <N> въ Енисѣйску на гостине дворе у торговых людей*”, “*а те гребенья купил он <N> у тобольского казачья сына*”, “*а те камки купил он <N> врознь у всяких чинов людей*” и под.). После каждой группы товаров обязательно даются сведения о том, где и в каком размере уплачена пошлина за тот или иной товар: “и с тѣх кож сахатинных плачена десятая пошлина у продавца у Федора Осокина по гривне с рубля въ Енисѣйску и в Красноярску в таможах въ ннешнем году” [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, лл. 44 об.]; “и с продажи привозных товаров меду и с пряников плачена десятая пошлина на Ирбите медом от девяти десятым пудом а с пряников въ Тоболску по опѣнке денгами по гривнѣ с рубля” [РГАДА, ф. 214, кн. 1244, лл. 31 об.]. В отдельных случаях можно наблюдать полное или частичное совпадение текста отпускной книги с книгами десятинного сбора.

Лексическое наполнение отпускных книг необычайно богатое. По разнообразию перечисленных товаров их можно сравнить с росписными товарными списками. Кроме различных тканей, изделий из меха и кожи здесь более подробно, чем в десятинных книгах, представлены привозные предметы, необходимые для благоустройства сибирских первопоселенцев. Бытовая лексика включает названия посу-

ды (блюда оловянные, кедровые, стаканы оловянные), одежды (азямы, кафтаны, зипуны, рубашки нижегороцкие, штаны), обуви (башмаки, сапоги, чарки, уледицы, чюлки подставные, вязеные, яреновые, по цветам), домашней утвари (ложки простые, кленовые, долгостебельные; лейки железные, полотенца решетные, сети решетные, воронки белого железа, рошки робычи белого железа), хозяйственного инвентаря (топоры дроворубные, щитцы, верега безменная, серпы, сошники). Встретились названия семян (семя огурешное, ботуновое, ретешное). Отмечаются в текстах статей названия предметов роскоши и украшений (зеркала, бисер, одекуй, одекуйные пугвицы, звездки медные, персни, серьги медные, серебряные с раковинами, серьги одинцы и вренцы; белила и белильницы, румянец), названия книг (часовник, псалтырь учебная) и др.

Помимо общепринятых единиц измерения товаров в отпускных книгах привлекают внимание названия, не отмеченные в других таможенных документах: куклы гарусу красного, бумашка игол, турашка мишуры, тючек поджivotников, ставок звездок, портище гапелек, ручка белил.

Таким образом, несмотря на ограниченность контекстов отпускные книги являются ценным лексикографическим источником, поскольку представляют собой достаточно полную регистрацию товаров, бытовавших в Сибири, а потому содержат богатый лексический материал. Отпускные книги могут использоваться в качестве источников и для ономастических словарей, представляющих специфику одного региона.

Меновные книги – это условное название таможенных книг, которые в оригинальных текстах называются по-разному: “книги <...> привозному московскому товару которой товар прислан с Москвы ис Сибирского приказу <...> для мены соболиной мехкои рухляди [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, л.78–126]; “книги <...> меновным и закупочным соболями” [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, л.150–159]; “книги записные товарные что тѣх товаров на какую рухляд променено и что каком рухляди на тѣ товары выменено” [РГАДА, ф. 214, кн. 1353, л.108–113]. Определять такие книги приходится в большей степени по содержанию.

Меновные книги характерны для конца века XVII – начала XVIII в. [Иванов1979: 137]. В них представлен обмен мягкой рухляди на различные “московские товары” у местных жителей – русских и

ясачных людей. Мена проводилась после сбора государственного ясака в случае, если у ясачных людей оставалась лишняя рухлядь. Меновых книг сохранилось очень мало, а потому они заслуживают внимания.

Начальная часть меновных книг имеет пространное название, в составе которого обязательна диспозитивная формула (“*лета <D> сентября в <D> день*”), имена таможенных голов и целовальников. Заканчивается начальная часть текста во всех книгах одинаково: “а что у кого мягкие рухледи соболей и хвостов на товары выменено и что кому какова товару дано и у кого имени и то писано в сих записных книгах порознь статьями” [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, л. 78].

Содержательная часть текста представляет собой последовательно (в порядке месяцев) расположенные статьи небольшого объема, поскольку к обмену предлагался, как правило, только соболь или его часть. В конце каждого месяца подводился итог по видам соболей.

Структура статьи включает диспозитивную формулу и конструкцию с опорными словами *взято* (что, сколько, у кого), *дано ему товару* (название товара, его количество), *цена соболям* (сумма). В диспозитивной формуле по общему правилу таможенного делопроизводства сначала указывается месяц (в родительном падеже), затем число (через словосочетание в <D> день). Например: “ноября въ ·Е· (5) де взято два соболя с пухи и хвосты у красноярского у посацкого члвка у Ефима Охлунина дано ему товару две кожи красных яловичных восемь аршин холста цена соболям по осми гривен собол” [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, л. 79 об.]; “декабря въ ·Г· (13) де взят собол с пупком бес хвоста у качинского ясашинова татарина у Чожана Корочкикова дано ему товару дватцать шесть аршин с полуаршином холста по алтыну аршин цена собою восемь гривен” [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, л. 151].

Наибольшее число предъявляемых к обмену соболей по меновным книгам отмечается в 5 единиц. Чем большее количество соболей представлено к обмену, тем разнообразнее перечень обменного товара. Однако чаще на обмен выставлялся один соболь или даже один соболий хвост, поэтому список выданных по обмену товаров обычно невелик. Судя по записям в меновных книгах, соболя хвосты были разного качества и оценивались от одного до двух алтынов. На такую сумму можно было получить *ножик* или 100–190 *игол*. Соболей к обмену предъявляли *казаки, казачьи дети, служилые и посадские люди, киштымские ясашные татары, служилые татары, новокрещен ино-*

земец, вкладчики Введенского монастыря, то есть довольно большая часть населения Приенисейской Сибири.

Конечная часть меновных книг достаточно объемна и состоит из двух разделов. Сначала подводится итог собранной мягкой рухляди: “всего мяхкои рухледи соболей и соболихъ хвостовъ выменено по Красноярскои указной меновной цене на московскои и верхотурскои присланной товар на сто на семьдесят на пять рублей на одиннатцать алтынъ” [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, л. 122]. Затем следует общий перечень товаров, выданных за соболей: “а на тое вышеписанную мяхкую рухледь на соболи и на хвосты вышло московского привозного руского товару” [РГАДА, ф. 214, кн. 1241, л. 122 об.]. При необходимости отмечается остаток русских товаров, которые по какой-то причине не были обменены.

Под обмен на пушнину из Москвы присылался ограниченный набор товаров, включавший предметы первой необходимости, поэтому сам перечень содержит намного меньше наименований, чем отпускные книги, проезжие или росписи. Тем не менее, лексический состав меновных книг представляет определенный интерес для лексико-графического описания, поскольку подтверждает и дополняет сведения, полученные из других таможенных источников. В меновных книгах можно найти названия тканей (*сукно аглинское, сермяжное, сукно шибтуг, пестредь нижегороцкая, крашенина, холст, холст хряц, шелк*), изделий из железа, меди олова (*блюда, котлы, торели, сковороды, ножи*), кож (*сафьян, кожи красные яловичные*), одежды (*шубы овчинные, бараньи, вареги вязеные*). Представлены здесь и единицы измерения и счета: *аршин, фунт, полуфунт, золотник, полузолотник, осьмуха, пара*.

Отражен в меновных книгах и антропонимический материал, в частности, среди имен собственных можно встретить не только имена русского населения, но и аборигенов края: *Бартак Кожерасков, Каи-ка Карыжаков, Абали Мунзатов* и др. Топонимы встретились только в меновой книге по Мангазейскому уезду [РГАДА, ф. 214, кн. 1353, л. 101–113]: зимовья *Курейское* и *Хантайское*, реки *Енисей, Пясида, Хатанга, Хеть*.

Таким образом, по насыщенности текста бытовой и специальной лексикой, ономастическим материалом меновные книги значительно уступают таможенным книгам общего типа, а также десятинным и отпускным книгам. Малый объем меновных книг, небольшое их ко-

личество, ограниченный контекст не позволяют использовать их в качестве *основного* источника для построения словаря общего типа. Однако не исключается использование меновных книг как *дополнительных* материалов для уточнения хронологии и территории употребления отдельных лексем.

Поголовные книги содержат данные об одном сборе головщины или в сочетании со сбором поживотных денег. Среди материалов таможенного делопроизводства Приенисейской Сибири удалось обнаружить четыре книги, две из которых, Мангазейская и Туруханская (1635–1636 гг.), сохранились в ущербном виде: начальная и конечная часть этих текстов сильно обветшала и читается с трудом. Книги сбора головщины (по 2 алтына с человека) приплетены к десятинным книгам по территориальному признаку – Мангазея, Туруханское зимовье, Тазовский городок. Сохранившаяся в отдельных случаях начальная часть содержит самоназвание документа: “РМД· (144 = 1636) году книга Мангазеиского города таможенного сбору с кочей и головщины с мангазеиских годовальщиков торговых промышленных и со всяких людей” [РГАДА, ф. 214, кн. 82, лл. 1–11].

Все статьи сгруппированы по месяцам, в конце каждого месяца подводится итог: “и всего в октябре мсце съ ·А· (1) числа да с ноября по ·А· (1) ж число таможенново збору с торговых и с промышленных и со всяких людей и з годовальщиков семьдесят девять рублейв тритцет два алтна четыре денги” [РГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 11]. После подведения итогов, обязательно указывалось, на что потрачена собранная сумма: “а ис тѣх денег вышло в расход куплено ясашнои самоеди которая самоѣд повезла из Мангазѣи служилых людей дву члвкъ гонцов для поспѣшеня вмѣсто подводъ на оленях однорятка аглинская сукно красное” [кн. 82, там же], “и ис тѣх денег куплено в Туруханскомъ зимове дровъ топити гсдрву таможенную избу” [РГАДА, ф. 214, кн. 82, л. 90]. В случае отсутствия расхода делалась помета “расходу нѣтъ”.

Содержательная часть книг состоит из статей двух типов, различающихся начальным протоколом. Первый тип включает формулу: “*кочь государевъ, на котором шел (или)*”, второй тип – “*имена людям, которые шли на коче у <N>*”. Конечный протокол статей одинаков: “*и всего с них с <количество> человек взято <S>*”. После каждой статьи другим почерком вписано слово “*взято*”.

Содержательная часть статьи состоит из перечня двухкомпонентных антропонимов. Степень стандартизованности поголовных книг достаточно высока, лексическое наполнение однообразно. Помимо имен собственных в статьях представлена лексика, указывающая места выхода плательщиков головыны: *важенин, ващанин, вымятин, вычегжанин, енисейчик, ижевец, колмогорец, мезенец, пенежанин, поморец, сысолятин, устюжанин, ярославец*. Представлена в поголовных книгах лексика судебного дела: *коч, каюк, лодка*.

Наибольший интерес представляют небольшие расходные части статей, где отражена бытовая лексика: *воз, замок висячий, дрова березовые, свечи сальные, изба гораздо ветха, починка оконьчин*. Не менее интересны отдельные статьи, в которых наблюдается отступление от строгой регистрации сбора пошлыны, оправданное необходимостью некоторых пояснений. Так, не все кочи могли достичь пункта назначения в силу природных условий, поэтому пошлына за них выплачивалась “доверенным лицом”: “коч Сергия Минина пинежанина заморозной что на Пуру замерли платил поголовные в Мангазѣиском городѣ таможенной сторож Замараико Шулга” [РГАДА, ф. 214, кн. 26, л. 45]. При такого рода пояснениях обязательно дается список всех не доехавших до таможни промышленных людей, “которые летовали в Пуру и по Тазу на рыбных промыслах” [там же, л. 53].

Книги сбора головыны характеризуются бедностью и однообразием лексического состава, поэтому в качестве лексикографического источника могут представлять интерес только при разработке антропонимических словарей.

Табашные книги в таможенном делопроизводстве Приенисейской Сибири появляются только в конце века XVII– начале XVIII в., когда курение табака становится дозволенным и свободным. Сохранилось небольшое количество книг, что само по себе представляет большой интерес. Это полугодовые книги денежного сбора за продажу табака, которые в целом сохраняют структуру таможенного документа: начальная часть (представлена развернутым названием с указанием имен сборщиков), содержательная часть (подневные записи поступления и продажи табака, конечная часть текста, в которой подводятся итоги продажи).

Поступление табака в сибирские города не было регулярным. Контроль за продажей осуществлялся воеводой. Эти две особенности нашли отражение в содержательной части табашных книг. Статьи не

имеют четко выраженной внутренней структуры, так как обусловлены процессом поступления, приема и отпуска табака таможенному голове и целовальникам. Единственной объединяющей все статьи формулой является диспозитивная формула с указанием даты: “октября въ ·ВІ· (12) день”, “генваря съ ·А· (1) числа февраля по ·А· (1) ж число”. В зависимости от отражаемого события все статьи можно разделить на две группы: статьи поступления табака и статьи продажи. Первые представлены в достаточно развернутом виде и распадаются на три составных фрагмента. Сначала указывается, откуда и в каком количестве поступил на продажу табак: “прислано въ Енисѣйску ис приказной избы в таможеню немѣцкого табаку бочка для продажи а въѣсу в неи десять пуд тритцат фунтов з деревом и с рогожеи и с веревки” [РГАДА, ф. 214, кн. 1253, л. 232 об.]. Далее указывается, кому поручается продажа табака и на каких условиях: “и ис того присланного табаку дано на продажу въѣрным целовальником Ивашку Горбову Бориску Гарасимову пятнатцат фунтов продават по указной ценѣ по полтине фунтъ” [там же]. Затем следуют сжатые однотипные статьи второго типа, в которых выделяются две устойчивые формулы: “продали целовальники <N>”, “денег взято <S>”.

Продажа табака требовала и определенных затрат со стороны таможи, о чем сообщалось воеводе в приказную избу и делалась соответствующая запись в конечной части книги: “а для продажи вышеписанного табаку писчей бумаги на обвертку изошло восемь дестей куплена бумага по два алтына по две денги итого семнатцать алтын четыре денги у продажи того табаку свѣчь изошло октября со ·ВІ· (12) числа февраля по ·К· (29) число триста шеснатцать свѣчь салных <...> все за свѣчи и за бумагу три рубли дватцать алтын две денги” [там же, л. 233 об.]. Продажа листового табака осуществлялась не только в сибирских городах, но и в слободах и на заставах, куда снаряжались целовальники от крупных таможенных изб. Иногда количество денег за продажу табака не соответствовало исходным данным приказной избы. В таком случае появлялась в конце книги приписка “А усохло того вышеписанного табаку в ннешнемъ ·А· (1701) году <...> полпуда” [там же, л. 300 об.].

Таким образом, книги продажи табака, несмотря на их малочисленность и однотипность, отражают пополнение лексического состава русского языка конца XVII в. новыми словами, а потому могут быть

использованы в качестве дополнительного лексикографического источника при создании словарей общего типа.

Расходные книги представляют еще одну сферу деятельности приенисейских таможен – учет расхода денег, полученных со всех видов пошлинных сборов. Расходные книги составлялись ежегодно, но сохранились в относительно небольшом количестве.

Структура расходных книг не отличается от книг приходных, то есть включает три четко выраженные составные части.

Начальная оформляющая часть расходных книг довольно развернута и не всегда содержит самоназвание документа. Обязательными элементами начальной части являются: дата составления отчета (“Лѣта ·ЗРЛ·Θ· (7139 = 1634) году мая въ ·Л· (30) де”; “·РМД· (144 = 1636) году мая съ ·К· (20) числа”), имена составителей расходных книг (целовальников, таможенных голов), указание цели расхода (“*на покупку*”, “*на отпуску по зимовьям*”).

“Покупные” расходные книги состоят из подневных записей, в которых указывается, у кого и что именно куплено, иногда уточняется цель приобретения. Заканчивается расходная статья формулой “*денег дано <S>*”, после которой стоит подтверждающая подпись таможенного головы “*дано*”.

В расходных книгах можно обнаружить сведения о писцах, не относившихся к штатным служащим таможенной или воеводской избы. Так в книге 1630 г. находим запись: “платил площадному подячему Степану Ярцеву *тритцат алтынъ* что он на волоку московскую мирскую челобитную писал иньные мирские кабалы” [РГАДА, ф. 214, кн. 26, л. 31 об.].

Большой интерес в лексикологическом и лексикографическом плане представляет расходная книга Мангазейского города и Туруханского зимовья, в которой богато представлена лексика судового дела [РГАДА, ф. 214, кн. 82, лл. 166–170]. В этой книге зафиксированы названия судов, их частей и судовых снастей мангазейской флотилии: *карбас, каюк, коч, лодка, набойница, струг однодеревый; водорез, векша, сапцы, тяги, райна; завоз, каюшное дерево, парусное дерево, скобы судовые, гвозди каючные, напарья, пеишня, якорь* и др. Для ремонта судов приобретались “*пасма нитеи сшивати и починивати тиски*” [л. 167 об.], “*смола, тиска добрая*” [л. 169]. Оплачивалась и “*лодошная и каюшная поделка*”: “подѣлывали гсдрву лотку плотни-

ком Бориску Иванову Черному с товарищи дано денег от подѣлки два рубли” [л. 166].

Представлена в расходных книгах и торговая лексика, в том числе и глагольная: *купить, платить, куплено, покупано, покупка*. Следует отметить, что в расходных книгах довольно часто используется глагольная лексика, не употребляемая в других таможенных книгах, что обусловлено специфическим содержанием текста: *делати, изгноити, ковати, кормити, ловити, наняти, насечь, настлатъ, перекривати, повещати, повозити, подельвати, покрити, положить тиски, поставити, починивати, прибивати, провадити, пущати, стеречь, сшивати*. Отмечается лексика со значением лица по роду деятельности: *зборицк, кормицк, кузнец, плотник, посыльцк, сторож*.

Помимо лексики судебного дела в текстах можно обнаружить, хотя и в меньшем количестве, лексику кожевенного промысла: *лосина, оленина, кожи лосиные деланые, сыромать и сиромать, ровдуга, постели оленьи, ременье*.

В расходных книгах отражено приобретение продуктов питания для аманатов и воеводского двора: *беремя юколы, ветчина, масло коровье, мука, мясо свиное, осетр свежий, осетр соленый, утята, чир*.

Если в книге речь идет о расходах, связанных с организацией похода “в ясачные землицы”, то в таком случае отмечается большое количество местных топонимов: реки *Непа, Таймура, Мундуское озерко, Енесиской* (так в ркп.) и *Сымской волок, Тазовской городок, Турханское* (так в ркп.) и *Инбацкое зимовья* и др.

Среди однотипно построенных расходных статей привлекают внимание отдельные развернутые контексты, содержащие пояснения: “купил <...> корытцо стрельное отдано то корытцо в таможенную избу где класти гдревы соболи одинцы” [РГАДА, ф. 214, кн. 26, л. 303 об].

К расходным книгам по содержанию примыкает обнаруженная *ропись недовазенных судов и судовых снастей* 1644 г. [РГАДА, ф. 214, ст. 139, лл. 200–203]. Источником росписи стали расходные книги этого же года.

Цель создания росписи раскрывается в начальной части текста: “<...> сколко мангазѣиские служилые люди из Верхние и из Нижные Тынгусок рѣкъ из ясачных зимовей не довели гдрвх судов и судовых варовых веревокъ и в парусѣх холстов а хто служивые имяны и

ис которого зимовья и чего против книгъ не довели и то все писано в сеи росписи статьями” [л. 200].

Роспись четко распадается на две части. Первую часть образуют статьи составленные по единому образцу: “из <п> зимовья (реки, ку-рьи) служилые <N> не довели <перечень судов, снастей и их количества>”. Однако большей лингвистической ценностью обладает вторая часть росписи – “роспросные речи таможенных голов” о причинах “недовоза”. Жанр расспросных речей представлен достаточно четко. Каждую “речь” предваряет имя допрашиваемого, затем глагол *сказал* (*сказали*). Близость к дословной передаче речи ответчика традиционно передается частицей *де*. Тексты расспросных речей диссонируют с основным текстом таможенных книг, так как содержат много элементов живой разговорной речи, например: “Иван Савин Паужина да Яков Липин сказали что *де* веревки прирвало идучи по Тынгуске *э*верхъ вздымаяс на пороги а иные унесло вешным лдомъ *э* дощаникомъ какъ дощаник унесло а уберечь было дощаника *от* вешного лду от уносу никоими мѣры не мощно что становищы нѣтъ а стоял на болшей реки а береги круты” [л. 202], “а лодку на поплаве оторвало ветреною бурю и унесло” [там же].

В расспросных речах обильно встречаются названия судов и судовых снастей, но именно близость к живой речи делает эти тексты особенно ценными источниками региональных словарей.

Расходные книги в целом достаточно стандартны, содержат лексiku специальную и бытовую, но в то же время они более свободны от штампов, характерных для других таможенных книг. Количество зарегистрированных в них лексем невелико, но это те слова (в том числе и специальные), которые не отмечаются в приходных общих и частных книгах. При разработке региональных словарей разных типов необходимо использовать расходные в числе основных источников.

Книги сложного состава представляют собой отдельный том, в который входит несколько самостоятельных книг общего или частного типа. Состав подобных книг И.А.Малышева объясняет тем, что “каждый вид таможенных сборов в течение года регистрировался в отдельной тетради (книге), которые затем переплетались в один том. Каждая часть такого тома имеет свой заголовок, в котором называется *книгой* ” [Малышева 1997: 158]. Соединение книг разных сборов в один том имеет свою традицию, которая, по мнению К.В.Базилевича, восходит к XVI в. [Базилевич 1936: 74–75].

Книги сложного состава, созданные в таможенных избах Приенисейской Сибири, не отличаются от подобных томских [Головачев 6/г: 144–145] и устюжских [Мерзон 1958: 92] книг, что говорит об устойчивости традиции ведения отчетной таможенной документации в XVII в. Как правило, эти книги имеют четкую структуру: все входящие в него блоки представлены в строго определенном порядке.

Образцом книг сложного состава является енисейская таможенная книга, содержащая отчетные материалы за *три* года – 208, 1700, 1701 гг. [РГАДА, ф. 214, кн. 1244, л. 567].

В соответствии с хронологическим принципом в книге четко выделяются три составные части, каждая из которых называется одинаково: “Книга великого гедаря и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца енисейским всяким денежным доходам збору таможенного и заставного и кружечных дворов головы Григорья Кожевникова да ларешного Никифора Игуменова да выборных целовальников Якова Максимова да Самоила Степанова что собрали в нынешнем в <D> году сентября с 1-го числа да марта по 1-е число а что с кого каких таможенных великого гедаря пошлин взято и то писано в сей книге порознь статьями”. Каждая из частей в свою очередь включает 4–6 частных книг. Наибольшим количеством книг представлена первая часть тома – “Книга всяким денежным доходам” за 208 г.:

- 1) книга десятинная таможенного десятинного сбора сентября с 1-го числа (лл. 2–23);
- 2) книга отпускная торговым приезжим и всяких чинов людям сентября с 1-го числа (лл. 24–89);
- 3) книга указного оброка с торговых, промышленных и гулящих людей сентября с 1-го числа (лл. 90–99);
- 4) книга десятинная таможенного десятинного сбора марта с 1-го числа (лл. 100–136);
- 5) книга отпускная торговым приезжим и всяких чинов людям в верхние сибирские города и до Тобольска марта с 1-го числа (лл. 137–283);
- 6) книга указного оброка с торговых, промышленных и гулящих людей марта с 1-го числа (лл. 284–292).

Вторая составная часть тома за 1700 г. как обязательные включает десятинную (лл. 294–323) и отпускную (лл. 327–387) книги, а также книгу указных оброков (лл. 388–399) сентябрьского счета.

Здесь же отмечается сентябрьская книга сбора роговых пошлин (лл. 324–326). Переход на январский счет отражен в книге остальных покупных хлебных запасов и иных всяких припасов (лл. 400–420).

Состав отчетной документации в третьей части тома за 1701 г. в целом аналогичен подборке документов за предыдущий 1700 г. Особенностью данной части является отсутствие книги сбора роговых пошлин и появление двух новых книг – о сборе денег за продажу вина (лл. 564–565) и о приеме табака (лл. 566–567). Таким образом, анализируемая книга сложного состава отражает особенности комплектования отчетных материалов в динамике на рубеже XVII–XVIII вв.

Содержательная часть книг сложного состава ничем не отличается от частных таможенных книг: структура текста и структура таможенной статьи, лексическое наполнение соответствуют жанру памятника.

При изучении разрозненных десятинных и отпускных книг не удастся подобрать соответствующие по годам материалы и провести сопоставительный анализ этих памятников. Книги сложного состава, наоборот, содержат подборки памятников *одного* жанра и *одного* хронологического среза, что позволяет провести основательное исследование содержательной части совпадающих фрагментов. Собранные в один том и близкие в содержательном плане тексты избавляют исследователя от необходимости кропотливого, а часто безуспешного поиска материалов, пригодных для проведения глубокого сопоставительного анализа. В этом заключается безусловное достоинство книг сложного состава. К сожалению, подобных книг по территории Приенисейской Сибири сохранилось немного.

2.3.2 *Проезжие памяти и росписи*

Вывозимый из определенного населенного пункта товар предъявлялся в таможеню, где на него составлялась своеобразная опись – *проезжая память*, однако в абсолютном большинстве обнаруженных текстов этого жанра используется самоназвание *проезжая*. Это необходимый для перевозки товаров и последующего участия в торговых сделках документ, который выдавался всем проезжавшим через таможеню. На местах торговли привезенные товары сверялись с проезжими памятьми, облагались пошлиной. Пошлина могла взиматься и

на месте составления проезжей, и в промежуточной таможне, в таком случае об этом делалась соответствующая приписка.

Проезжие представляют собой небольшие по объему тексты (1–2 листа столбцового формата), скомпонованные по годам и городам и подшитые для хранения в книги. Обработка документов проводилась, очевидно, в московских канцеляриях, так как в одной подшивке можно наблюдать проезжие по Сибири и по европейским городам. Так, например, в книге № 686 за 1700 г. оказались материалы Москвы, Кадашевской слободы, Верхотурья, Тобольска, Енисейска. Возможно, подобная подборка – результат более поздней архивной обработки, что весьма сомнительно.

Составлялись проезжие, по-видимому, в двух экземплярах: на первых можно наблюдать остатки печати, часто закрывающие дату, на копиях стоит словосочетание “слово в слово”.

Проезжие памяти относятся к ценным историческим и лингвистическим источникам, так как содержат богатые сведения “о социальном происхождении и имущественном положении торговых и промышленных людей, о движении товаров и цене на различные предметы потребления, о торговых путях и связях” [Иванов 1979: 133]. Однако несмотря на большое количество документов, их относительно хорошую сохранность до настоящего времени они не стали предметом специального исследования ни историками, ни лингвистами. В фонде Сибирского приказа РГАДА сохранились тысячи текстов проезжих, которые могут дать ценный материал для различного рода лингвистических исследований.

Говоря о проезжих памятях, В.Ф.Иванов отмечает, что они “назывались *проезжими выписями, росписями*” (выделено нами – Л.Г.), и выделяет следующие структурные элементы: “год, месяц, число, фамилия, имя предъявителя проезжей, товары (откуда и куда следуют, перечень их, количеств и цена” [Иванов 1979: 133].

Исследование достаточно большого количества памятников, созданных на территории Приенисейской Сибири, показало, что *проезжие* и *росписи* – разные по структуре, составу формул и авторству документы, выполняющие одинаковую функцию. Проезжие всегда писались штатными писцами таможен – авторами росписей были грамотные торговые люди, лавочные сидельцы, приказчики, росписи могли писаться “по просьбе”, что недопустимо по отношению к проезжим. Подлинность проезжих удостоверялась двумя подписями и

таможенной печатью, чего не требовалось при создании росписей. Судя по всему, росписи имели статус более “низкого” документа в ряду официальных таможенных бумаг. Кроме того, в росписях отсутствуют оценка товаров и указание на сбор с них десятой деньги.

Неразличение проезжих и росписей можно наблюдать не только в исторической литературе, но и в маркировке архивных единиц, например, столбец № 1046 [РГАДА, ф. 214] зарегистрирован под названием “Сборник *проезжих* *памятей* по Мангазее”, а по содержанию представляет собой преобладающую подборку *росписей* по Енисейску.

Сохранившиеся сборники проезжих по Енисейску 1688–1699 гг. [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, лл. 1–176; ст. 686, лл. 1–110], по Красноярску 1697–1698 гг. [РГАДА, ф. 214, ст. 1244, 331 л.] и по Мангазее 1690–1691 гг. [РГАДА, ф. 214, ст. 1046, 172 л.] позволяют говорить о том, что проезжие и росписи представляют собой законченные в смысловом и структурном отношении *разные* жанры, обладающие набором определенных компонентов, характерных для каждого типа текстов.

В структуре *проезжих* четко вычленяется оформляющая и содержательная части, которые представлены практически во всех текстах.

Начало оформляющей части текстов до 1700 г. содержит формулу: “По указу великого гсдаря царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца *отпущен* из <NN> из тамо~~ж~~ни въ (мимо) <NN> торговый (посадский) человек”. Иногда формула представлена в развернутом виде “По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича и великие государыни блговерные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всеа всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев *отпущен* из <NN> из тамо~~ж~~ни въ (мимо) <NN> торговый (посадский) человек <N>”. В документах начиная с 1700 г. начальная формула представлена в другом виде: “Лѣта <D> по указу великого гсдаря царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца <np> таможенной и заставной и кружечных дворов голова <N> с товарищи *отпустили* из <NN> из тамо~~ж~~ни въ (мимо) <NN> торгового (посадского) человека <N>”.

Содержательная часть текста начинается формулой “а с ним *идет*” или “а с ним *отпущено*”, после которой следует перечень това-

ров, отмечается его количество. В содержательной части можно выделить формулы уплаты пошлин “и с того (русского, привозного, покупного) товару <...> десятая пошлина плачена по оценке деньгами”, “и с той его покупки десятая пошлина плачена по оценке деньгами”. Торговый человек должен был дать объяснения не только по поводу уплаты пошлин, но и отметить, *где, когда и на какие деньги* приобретен товар, для чего использовалась формула: “а ту покупку купил он (на гостине дворе, в Енисейску) на явленные свои товарные (платежные) деньги”.

Содержание основной части составляет подробное перечисление предметов, в которых нуждалось население Сибири. Лексический состав текста включает разные тематические группы: название тканей (*выбойки рори, киндяк, кумачи розных цветов, лятчина, пестредь, сукно корновое, холст, хрящ, шелк, ярenk*), продуктов питания, пряностей, зелья (*мед, сахар головной, сахар леденец, перец, ягоды винные, изюм, сандал, сулема, канфара, нашатырь, ярь*), одежды и обуви (*кафтаны шубные, голицы, башмаки, чарки, чулки вязеные*) и проч. Везли в Сибирь *прядено неводное, кожи дубленые, бумагу писчую, нити шитьи, иглы, щипцы, топоры, лезвия, пищали винтовальные, винтовки, зеркала в книжках*. Для благоустройства быта использовалась домашняя утварь: *стоканы оловянные, ложки кленовые, ножи с оправою, сундучки подпорные, подголовки окованные, сковородки блинные железные и др.* Для украшения использовали *чепочки и перени серебряные, бисер, корольки, одекуй, серьги-варенцы, кокошники золоченые*. Из сибирских товаров спросом пользовались *одеяла песцовые, рукавицы собольи под ровдугою, подволоки лыжные, кафтаны недопесковые, пупчатые с пухом и др.*

Богато представлена в проезжих метрологическая лексика: *ансырь, аришин, вьюшка, золотник, конец, косяк, мот, снурок, стопа, фунт, юфть*.

Конечная часть текста проезжих содержит формулу приложения печати: “К сеи проезжей великого гсдаря печат таможенную города <NN> таможеннои и заставной голова <N> приложил лета <D>”. В заключительной формуле текстов после 1700 г. дата не указывается, так как она используется теперь в начальной части документа: “К сеи проезжей великого гсдаря печать таможенную города <NN> таможеннои и заставной и кружечных дворов голова <N> приложил”.

На обороте проезжих обязательна скрепа таможенного головы и подпись писца: “Таможеннои и заставнои голова *Петрь Соловаров*”, “Писал *Ивашко Митрофанов*” [РГАДА, ф. 214, ст. 686, л. 86 об.], “Смотрил *Ивашко Митрофанов*” [там же, л. 94 об.]. В красноярских проезжих на оборотной стороне подпись таможенного головы отсутствует, указывается только имя писца: “писаль *Васка Кирилов*” [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 37 об.], “писаль *Федка Котюревъ*” [там же, л. 82 об.]. В документах после 1700 г. на обороте проезжих довольно часто вместо рукоприкладства таможенного головы встречается подпись только ларечного: “*Ларешнои Никифор Игумновъ*” [РГАДА, ф. 214, ст. 686, л. 110 об.]. Таким образом, по проезжим можно установить имена писцов, работавших в таможах в разные годы, проследить изменение штатного состава таможенных изб.

Следует отметить, что даже при наличии шаблона степень стандартизованности проезжих все же невысока: даже в написании наиболее формализованных частей текста можно обнаружить различного рода отступления от складывавшейся орфографической нормы.

Проезжие, благодаря большому количеству сохранившихся текстов, представляют значительный интерес для лексикологических и лексикографических разработок, поскольку в них богато представлена предметно-бытовая и метрологическая лексика, часто связанная с определенной территорией бытования. В текстах широко представлены названия русских и сибирских товаров, людей, занимавшихся торговлей (*купцы, приказчики, покрученники, торговые люди*), мест приобретения товаров и осуществления торговых сделок. Существенным недостатком проезжих является крайняя ограниченность контекста, что делает необходимым при лексикографическом описании привлечение текстов других жанров, а также различных справочных пособий.

Росписи, как и проезжие, относятся к массовым источникам не большого объема. Сохранность росписей несколько хуже, чем проезжих, что подтверждает предположение о невысоком статусе этого документа: к росписям относились не так бережно, как к проезжим, поэтому тексты часто имеют сильные повреждения (разрывы, потертости, утраченные части).

Росписи не были объектом специального лингвистического анализа, а между тем они содержат ценный материал, который может быть использован при исследовании истории русской лексики, а также для составления региональных словарей.

Начальная часть росписей стандартна и включает три формулы, две из которых допускают варианты. Стабильностью отличается диспозитивная формула, в которой представлена дата составления росписи: “<D> году <месяца> въ <...> день”, например, “РЧЗ· 2 (196 = 1688) году августа въ ·КЕ· (25) де” [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 27].

Следующая формула содержит самоназвание документа и адресат: “роспис в <NN> в таможенную избу таможенному и заставному голове <N> с товарищи”. Заключительная формула начальной части представляет владельца или владельцев товаров (N в родительном падеже) с указанием их социального и имущественного статуса, мест выхода и направление движения. Опорными сочетаниями этой формулы являются: “в том что иду (плыву, отпущаю, отпускаю) я из <NN> а со мною идет”. Например: “РЧЗ· 2 (197 = 1689) году сентября въ ·Е· (5) де роспис в таможенную избу таможенному и заставному голове Матфию Попову с товарищи торговаго члвка Леонтья Абросимова сна Коняева иду я Леонтеи из Енесииского к Ленскому волоку в Ылимской острогъ а со мною идет” [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 173].

Основная часть текста содержит перечень товаров с указанием их количества. Сведения о пошлинах в росписях отсутствуют. Товары (русские, китайские, сибирские), бытовавшие в Приенисейской Сибири, очень разнообразны, включают предметы быта, различных промыслов, продукты питания: *масло, сахар головной и леденец, вино церковное, чай, чашки кожаные, горшки глинные, ложки коренные простые, торели, стоконы, склянницы, воронки жестяные, гребеньё слоновое, шубенки одындряные оленьи, малахашико лисей, тумы долгие, ровдуги, заечины, черевесь бобровая, покрывки кисейные, фата дарагильная, цылибуха, сандал, струя бобровая, кабаргина и проч.*

Лексический состав росписей включает разные лексикотематические группы: названия лиц поместу жительства (*важенин, лалетин, мезенец, пинежанин, яренчанин, ярославец*), названия родственных отношений (*брат, сродной брат, двоюродной брат, отец, племянник, шурин*), названия мехов и шкурок животных (*мешишка бельи хребтовые, черевьи, мешишко недопесковой, недопесок, недособоль, кошлок, таушканина*), названия продуктов рыбного промысла (*осетрина, нельма, щучина, юкола, икра черная, красная*), единиц измерения штучных и весовых товаров (*бунт, дюжина, конец, косяк, постав, тюнь, тюм, юфть; анцырь, безмен, пуд, фунт*).

В перечнях встречаются названия не только русских, но и иноземских товаров, в том числе и впервые ввозимых в Россию. “Особенно интересно наименование этих товаров в небольших, далеко отстоящих от границы российских городах – это дает конкретный материал для выяснения глубины проникновения иноязычного слова в русский язык, характера освоения его русскими говорами” [Качалкин 1973: 24]. Памятники Приенисейской Сибири фиксируют слова *анис, килим, камхань, сандал* и др. Значительную часть заимствованных слов составляют наименования тканей: *даба, зендень бухарская, сукно галанское и анбурское, камки немецкие, пестредь тевриская и арде-вильская, дараги кашанские*.

Текст росписей насыщен географическими названиями, связанными с территорией Сибири: *Байкал-море, Бахтинской песок, Илимский волок, Маковской, Теленбинской, Яравнинской, Удинской острожки, Подкаменная заимка*. Процесс адаптации новых географических названий в текстах представлен написаниями *Ѣнисек, Инисеик, Енисек, Енѣсеиск, Енисѣиск*.

Конечная часть росписей содержит формулу авторства: “*роспись писал я <N> своею рукою*”. Текст росписи мог быть написан не только владельцем товара, но и доверенным лицом, тогда в подписи уточнялся статус писца: “*роспис писал лавошнои ево сиделец Федка Прохоровъ Пустохин*” [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 78]; “*роспис писал по ево Федькину велению Ивашко брат его сроднои Ивашко Агафоновъ*” [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 2] “*писал по его Алексѣву велѣнию Филатко Меркуревъ пловем в своеи малои лодке*” [РГАДА, ф. 214, ст. 686, л. 38].

Как правило, весь текст росписи располагался на одной стороне листа, в нижней части которого находилась заключительная часть. В редких случаях на обороте росписей можно встретить рукоприкладства: “*к сеи росписе вмѣсто Коземики Алексѣва по его велѣнию Федко Маркѣловъ руку приложилъ*” [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 7 об.]; “*к сеи росписе Ивашко Алексиевъ руку приложилъ*” [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 19 об., 20 об.]; “*вмѣсто Афонася Павлова по его велѣнию Петрушко Осколковъ руку приложилъ*” [РГАДА, ф. 214, ст. 1046, л. 43 об.].

Тексты росписей, как отмечено ранее, писались торговыми людьми, приказчиками, лавочными сидельцами, далеко не всегда об-

ладавшими высокими правописными навыками. Об этом свидетельствуют многочисленные описки, немотивированное употребление букв (*тру пуда, протовое*), пропуски букв (*сремяна, хосты, со мяю*), повторы букв и слогов (*руккавицы, к Попопову*), недописанные слова (*по ево веле*) и под. С другой стороны, в росписях чаще, чем в проезжих, наблюдаются написания, которые можно трактовать как отражение живого произношения писцов: три мѣха билих [РГАДА, ф. 214, ст. 1018, л. 36]; сѣбирские города [там же, л. 40]; предено [там же, л. 43]; Агйев – Агѣевъ, Водолиев – Водолеев. Отмечается колебание в написании таких слов, как *табаргина, кабаргина, капаргина; горносталь, гоностай; юфть, юхть, ювать*.

Таким образом, по лексическому наполнению тексты проезжих и росписей равнозначны, поскольку представляют собой регистрацию большого массива существительных, обозначающих самые разные реалии сибирского быта. Однако в росписях чаще встречаются слова, употребление которых ограничено определенной территорией, что делает эти тексты особенно ценными для разработки региональных словарей: *козки* – ‘целиком снятая шкурка мелкого зверька, мехом вовнутрь’, *одындра, одындрина* – ‘шкура оленя’, *хруикий* – ‘крупный’, *кедж* – ‘складной нож’, *чюкрей* – ‘тонкий нож’.

Благодаря насыщенности текстов антропонимами и топонимами проезжие и росписи могут использоваться при составлении антропонимических и топонимических словарей, но лишь в качестве вторичных источников, поскольку ономастическая лексика в этих текстах не является основной.

Проезжие и росписи как лексикографический источник имеют общие недостатки. Это, во-первых, отсутствие развернутых контекстов и, во-вторых, малое количество прилагательных и крайне ограниченное количество глаголов: глагольная лексика используется только в составе формул, поэтому практически повторяется во всех текстах с небольшими вариациями.

2.4 Лексический состав памятников таможенного делопроизводства

Материалы таможенного делопроизводства представляют лексику различных тематических групп, поскольку содержат наименования не только ввозимых в Сибирь и вывозимых товаров, но и всего

того, что могло быть объектом взимания пошлины. В таможенных книгах зафиксированы названия различных тканей, одежды, обуви, украшений, предметов домашнего обихода, продуктов питания, пряностей, меха и меховых изделий, кожи и кожаных изделий, судов и судового инвентаря, сельскохозяйственных орудий – всего того, что необходимо было для благоустройства быта населения Сибири, несения государственной службы и освоения новых земель.

В таможенных книгах разных типов, проезжих, росписях представлены различные тематические группы, отражающие как общепотребительную, так и локально ограниченную лексику. Наиболее многочисленной оказалась группа наименования русских и иностранных тканей, которые поставлялись в Сибирь из севернорусских городов: *аглинь, атлас, байберек, бархат, бумага, бумазья, бязь, выбойка, даба, дороги (дараги), зендень, камка, кеж, кисея, китайка, клеенка, кумач, миткаль, обьярь, пестрядь, пониток, саржа, стамед, сукманина, сукно, тафта, фанза, фарабат, флера*. Многие из названий сопровождались определениями, указывающими на место изготовления (*аглинская, анбурская, немецкая, литовская, испанская*), назначение (*старческая*), качество (*добрая, худая, корновая, кострож, шибтуха, ярена*), цвет и рисунок (*красный, зеленый, лазоревый, жаркий, таусинный, полосатый, травчатый*). При измерении тканей использовалась и особая метрологическая лексика: *аршин, конец, косяк, половинка, портище, постав, трубка, тюм, тюнь*.

Разнообразны и названия головных уборов: *кокошник, колпак, малахай, наметка, перевязка, плат, повязка, треух, убрус, фата, шапка (отласная, камчатая, дорогильная, киндяшина)*, *шляпа; окол, очелье, подзатыльник, подубрусник, пух шапошной, вершок (полукармазинной, багрецовой, лундышной, парпьянной, настрафильной, кострожной одиначовой, анбурской, лятчинной, юпочной всяких цветов), оторочка (шапочная, тафтяная, киндяшина)*.

Названия одежды представлены номинативной и атрибутивной лексикой: *рубаха (вязаная, ярославская, московская, черемиская, хрящевая); рубашка (женская); штаны (аглини, пестрядинные, китайчатые, кумачные, хрящевые); однорядка (полукармазинная); полукафтанье (дорогильное); кафтан (крашенинный); зипун (сермяжной); чекмень (сермяжной); летник (камчатой); шубка (дорогильная, тафтяная); сарафан (киндячный); сукня (летчинная); ризы (поповские камчатые), парка*.

Довольно многочисленна и группа названия посуды: *блюдо, блюдо сковородчатое, блюдо деревянное (кедровое), братина, ведро, ковш тверской, котел, кукушинец, ставец, стакан, торель, утка, чарка, чашка ценинная.*

Лекарственные препараты и снадобья представлены названиями: *зелье мазное, сера горячая, канфара, мышьяк, нашатырь, ртуть, сулема, цылибуха, ярь.*

В таможенных материалах отразилась лексика, связанная с ведущими промыслами сибиряков – рыбным и пушным. Документы зафиксировали названия рыб (*муксун, окунь, осетр, сиг, сорога, стерлядь, чир, щука, язь*), промыслового зверя (*бобр, белка, волк серый, белодушка, сиводушка, чернодушка, лисица бурая, красная, чернодушчатая, лисиченка, недолис, розсомака, песцы белые и голубые, недопески, норники, горностаи*).

Лексика морского и речного судового дела включает достаточно много слов, среди которых на первое место выступают наименования судов: *барка, днище, завозка, лодка, коч, карбас, каюк, набойница, облас, павозок, струг.*

Во второй половине века с развитием оседлости и формированием постоянного населения, начинает развиваться кожевенный промысел, что также нашло отражение в материалах таможенного делопроизводства: общие названия кожи (*кожа, шкура*), названия кож по животному (*заячина, овчина, козлиная, оленина, ушканина, одындра, одындрина, постель; телятинная, яловичная, моржовая, нерпичья*), по степени обработки и способу выделки (*сырая, сыромятная, деланая, неделаная, юфть, полувалье, сафьян, ровдуга*).

Поскольку таможенные книги отражают прежде всего сбор пошлин за различные торговые операции (купля – продажа), то наиболее полно в них представлена торговая лексика, которая включает не только перечень различных товаров, но и их характеристику по размеру (*большой, средней, малой, светлой, разной руки; пятиланый, штиланый*), качеству (*ветошь, ветошный, гнилой, добрый, драный, моклый, плохой, прелый, теплый, худой*). Вполне естественно, что в текстах подобного жанра богато представлена и метрологическая лексика: *аршин, безмен, бумашка, бунт, вершок, золотник, конец, кукла, литра, осьмуха, пара, полужолотник, полуфунт, портище, пуд, ручка, сажень, ставок, стопа, турашка, тюнь, тючек, фунт, цевка, четверть, ширя* и др. В качестве единиц измерения того или иного товара

могли выступать и отдельные емкости, что отражает развитие многозначности слова: *бочка деревянная* – *бочка смолы*; *короб окованный* *короб гвоздья*.

Материалы таможенного делопроизводства отразили и собственно деловую терминологию – названия документов, способы оформления деловых бумаг, виды пошлин и др.

Перечень привозных товаров несет и определенную информацию о материальной культуре первопоселенцев. Например, стремление украсить свой быт, одежду подтверждается наличием среди привозных товаров большого количества украшений: *бисер, блески, звезды, одекуй* и под. Даже обычный пояс служил украшением одежды, о чем можно судить по такому списку: *пояс шелковой простой; пояс литовской вязеной; пояс шелковой с кистями; пояс шелковой концы обшиты золотом и серебром; пояс нитной крашеинной ярославской кружковой; пояс нитной тканой; пояс жичаной; пояс пермской; пояс шелковой тканой в кружки з жучками медными* [РГАДА, ф. 214, кн. 254].

Таким образом, памятники таможенного делопроизводства содержат богатейший лексический материал, пригодный для лексикологического исследования и лексикографического описания.

Таможенная система Русского государства постепенно продвигалась на новые территории. Большую роль в становлении сибирской таможенной системы сыграли Енисейск и Красноярск. Однако для лингвистического исследования материалов таможенного делопроизводства имеют значение памятники, созданные не только в крупных таможенных избах (Енисейск), но и небольших (Мангазея, Туруханск). Таможенные документы в совокупности хорошо отражают деятельность таможен, направленную в основном на сбор пошлин за разные торговые операции.

Важным фактором, обусловившим появление разнородных по объему и содержанию памятников делового содержания, является многообразие таможенных сборов. Как показал исследованный материал, *структура и содержание* многих таможенных книг *определялись системой разнообразных пошлин*, которые на территории Сибири сохранялись практически до конца XVII в., несмотря на действовавшие общерусские законодательные торговые акты. Большое количество таможенных сборов приводило к необходимости точного опи-

сания предметов быта, материальной и духовной культуры первопоселенцев и способствовало фиксированию в текстах особенностей лексического состава русских говоров. Через зафиксированные в книгах виды пошлин представляется возможным установить пути движения товаров и через них – связь с населенными пунктами европейского севера, которые стали источником проникновения в лексический состав сибирских говоров слов с локальной окраской.

Исследование языковых качеств делопроизводственных текстов, их структуры, набора устойчивых формул позволяет выделить в рамках таможенных материалов конкретные жанры, определить их лексическое наполнение и установить значимость каждого жанра для лексикографических построений.

Общим недостатком всех памятников таможенного делопроизводства является крайняя ограниченность контекста, часто сводимого к перечислению товаров, поэтому большинство документов содержит преимущественно номинативную и атрибутивную лексику. Недостаток слов другой частеречной принадлежности (например, глагольной) при разработке словарей может быть компенсирован за счет привлечения материалов других жанров делового письма, в частности, документов воеводского управления. Узость контекста в ряде случаев препятствует установлению значения слова и требует привлечения дополнительных исторических и лингвистических источников.

С другой стороны, таможенные документы обладают и бесспорным достоинством, которое заключается в *полной регистрации* номинативного состава лексики и привязке этого состава к конкретной территории.

Являясь образцом деловой письменности определенной территории, таможенные документы, несмотря на ограниченность контекста, достаточно полно отражают словарный состав русского языка в его *местной разновидности* на определенном этапе развития и могут служить надежным источником для создания региональных исторических словарей различного типа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование языковых качеств текстов, созданных в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири, определение их структуры, набора устойчивых формул позволяет выделить конкретные жанры, установить их лексическое наполнение и охарактеризовать значимость каждого жанра для лексикографических построений.

Лингвистическая информативность памятников воеводского и таможенного делопроизводства неодинакова; тексты, созданные в приказных и таможенных избах отличаются жанровым разнообразием и лексико-грамматическим составом. Материалы воеводского управления, например, включают два вида текстов:

1) тексты, максимально приближенные к разговорной речи; редакторская правка и употребление шаблонов здесь незначительны. В эту группу включаются: челобитные (в том числе и изветные), допросные и пыточные речи, сказки, сыски о злоупотреблениях и под. Сюда же входят описные книги рыбных ловель, дозорные книги, переписные книги постоялых дворов;

2) тексты, связанные с передачей прямой речи писца (заказчика), но отличающиеся большей степенью стандартизованности, т.е. употреблением определенных трафаретов, формул, устойчивых сочетаний. В данную группу входят: наказные памяти, отписки воевод, счетные списки, росписные списки городов и острогов, городовые списки, послужные списки, приходные и расходные книги, ясачные книги, сметы и пометы, окладные книги жалованья, именные росписи служилых людей, посевные, ужинные и умолотные книги, ямские розгонные книги, подорожные, купчие, заемные, поручные.

Иной тип лингвистических источников представлен материалами таможенного делопроизводства, среди которых также можно выделить два вида текстов:

1) тексты, допускающие отступления от установленного структурно-формулярного стандарта и определенную вариативность в употреблении языковых средств: отписки таможенных голов, росписные и счетные списки, допросные речи, отдельные челобитные таможенных голов и целовальников;

2) тексты, не связанные с передачей прямой речи и представляющие собой составленные по определенному образцу перечни номинативной (в основном) и атрибутивной лексики: десятинные, ле-

товные, соболиные, отпускные, приходно-расходные и другие частные таможенные книги, проезжие памяти и выписи, ценовные и товарные росписи, записные книги судам и судовым снастям и др.

Значение того или иного источника для лексикографической разработки зависит от его лексического наполнения: чем разнообразнее и богаче лексический материал, тем выше его значимость для разрабатываемого словаря. Объем лексического материала в свою очередь зависит от жанра документа. Наиболее разнообразный в тематическом отношении материал представлен в челобитных, расспросных речах, сказках, отписках, отпускных и таможенных книгах общего типа, проезжих и росписях. Именно эти памятники содержат значительное количество названий самых разнообразных предметов, бытовавших в Приенисейской Сибири XVII в. Так, лексика пушного промысла хорошо представлена в ясачных, меновных и рухлядных книгах, рыбного промысла – в описных книгах, судового промысла – в расходных. Бытовая лексика отражена в росписных и счетных списках, судебных делах. Во всех памятниках, независимо от жанровой принадлежности, содержится делопроизводственная и метрологическая лексика. Значительный пласт в деловой письменности составляют топонимы и антропонимы, что делает возможным построение региональных антропонимических и топонимических словарей.

Структура каждого жанра представляется устоявшейся, в каждом жанре выработались свои характерные признаки оформляющей части, в частности, формулы начала и конца текста.

Особую ценность представляет тот факт, что деловая письменность, несмотря на стремление писцов к единообразию оформления документов, оказалась открытой для проникновения в деловую письменную речь большого числа элементов живого разговорного языка в общерусском и региональном проявлении. Деловая письменность XVII в. становится как бы посредником между разговорным и литературным языком. “В литературный язык этого периода вливаются слова народной речи, наиболее активной сферой проникновения которых становятся жанры деловой письменности и развивающиеся жанры демократической литературы” [История лексики... 1981: 38].

Наибольшее значение для лексикографического описания имеет содержательная часть текста, в которой излагается суть того или иного события, фиксируются облагаемые пошлиной товары. Именно содержательная часть дает лексикографу значительный массив обще-

употребительной и локально окрашенной лексики, позволяет создать разные типы словарей.

Анализ содержательной части памятников Приенисейской Сибири разных жанров показал, что лексическую основу всех текстов составляют слова общеупотребительные, что подтверждает мнение лингвистов о ведущем положении общенародного языка в системе любого диалекта, в том числе и в говорах вторичного образования.

Значительно меньшую часть представляет локально окрашенная лексика, среди которой преобладают лексемы, связанные с севернорусскими европейскими говорами. Южнорусские элементы отмечаются редко и преимущественно в текстах конца XVII вв.

Севернорусская лексика, зафиксированная памятниками Приенисейской Сибири, тематически достаточно разнообразна и отражает природные явления, предметы быта, различные сферы деятельности русских первопоселенцев: *бежать* – ‘плыть под парусом’ (арх.-помор.: Бадиг.), *белодушка* – ‘северная красная лисица с белой грудкой’ (вологод.-вят.: Протопопов), *беремя* – ‘охапка’ (олон.: Кулик.; арх.-помор.: Грандил., Подвыс.), *выздымать* – ‘поднимать рычагом’ (олон.: Даль, Кулик.; арх.-помор.: Грандил., Даль, Подвыс.), *заимка* – ‘земельный участок, занятый под хозяйство’ (арх.: Дювернуа), *камыс* – ‘шкура с оленьих или лосиных ног’ (арх.-помор.: Даль, Подвыс.), *коты* – ‘теплая обувь, преимущественно женская’ (олон.: Кулик.; арх.-помор.: Подвыс.), *курья* – ‘речной залив, рыбное угодье’ (арх.-помор.: Подвыс.; олон.: Кулик.; вологод.-вят.: Даль, Протопопов), *летовать* – ‘проводить лето на рыбных промыслах’ (арх.-помор.: Подвыс.), *нюк* – ‘постель из оленьих шкур’ (арх.-помор.: Даль, Подвыс.), *навозок* – ‘большая парусная плоскодонная лодка’ (арх.-помор.: Бадиг., Даль, Подвыс.; олон.: Кулик.), *пимы* – ‘ меховые сапоги из оленьей шкуры’ (арх.-помор.: Грандил., Даль, Подвыс.), *погодье* – ‘ненастье, непогода’ (арх.-помор.: Бадиг., Грандил.), *райна* – ‘рей’ (олон.: Кулик.; арх.-помор.: Бадиг., Подвыс.), *ровдуга* – ‘оленья замша’ (арх.-помор.: Бадиг., Подвыс.), *уледы* – ‘обувь для хождения на лыжах’ (арх.-помор.: Даль, Подвыс.), *чарки* – ‘кожаная обувь без голенищ и каблуков’ (вологод.: Даль; олон.: Кулик.), *шейма* – ‘якорный канат’ (арх.-помор.: Бадиг., Подвыс.). Проникновение подобных слов в Приенисейскую Сибирь обусловлено характером заселения Сибири и формированием русских говоров в первой половине XVII в.: жители поморских городов, привозившие товар на продажу, часто оседали на

постоянное жительство в сибирских поселениях, окружая себя хорошо знакомыми предметами быта и занимаясь привычными промыслами.

Собственно сибирская лексика появлялась в процессе приспособления русского населения к новым условиям жизни и в результате контактирования с аборигенами края: *бакари, кедж, козки, малахай, одындра, одындрина, тиска, хрушкий, шерть, шертовать, юрта* и др.

Именно эта лексика – собственно сибирская – и составляет специфику *регионального* словаря. Региональный компонент включает прежде всего слова, обозначающие явления общественной жизни Сибири XVII в., которые “были характерны только для Сибири, хотя могли встречаться в памятниках других (не сибирских) регионов, но в сообщениях о событиях, происходивших в Сибири” [Захарова 1993: 159]: *тайша, лама, князец, кыштым*. В региональный компонент входят также названия лиц по их этнической принадлежности: *алтырцы, аринцы, асаны, баты, браты, братские люди, братской породы люди, бохтинские люди, буклинские люди, езерцы, киргизы, маты, моторцы, мугальцы, татары, тубинцы, тунгусы, тунгусские люди, тундряная самоядь, яренские люди, ясытцы*. Региональная специфика находит отражение в топонимическом и антропонимическом материале, представленном в текстах разных жанров.

Разграничение общерусской и локально ограниченной лексики относится к числу сложных и пока недостаточно разработанных лингвистических проблем [Богатова 1982: 31–42]. Для определения характера употребления слова (общерусское – региональное) необходимо сопоставить памятники одного жанра и одного синхронного среза, но разных территорий, что достаточно сложно. Решению данной проблемы будут способствовать региональные словари в состав которых будет включена не только собственно региональная лексика, но и весь набор лексем, зафиксированный памятниками письменности данной территории.

Содержательно богатые памятники воеводского и таможенного делопроизводства могут использоваться в качестве надежного источника для составления региональных словарей общего типа, а также различных дифференциальных словарей. Из последних наиболее перспективной нам представляется разработка словарей бытовой, промысловой, торговой, метрологической лексики, топонимического и антропонимического словарей.

Для лексикографического описания того или иного региона актуальным является также создание *корпуса* словарей, которые только в совокупности позволят воспроизвести достоверную языковую ситуацию прошлых эпох во всем ее разнообразии: “словарь исторического жанра лучше всего исполняет свою меморативную функцию <...>, когда он идет в связке с другими фундаментальными словарями” [Богатова 1988: 11]. Каждый отдельный словарь как составная часть лексикографического описания региона должен, по нашему мнению, опираться на близкие в жанровом отношении тексты, что позволит достаточно полно представить лексико-грамматическую систему говора. По приенисейскому региону возможна разработка антропонимического, топонимического словаря, словаря промысловой лексики (по видам промыслов), словаря устойчивых сочетаний, словаря сибиризмов и др. Первым (обзорным) словарем можно считать разрабатываемый Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII в. [Городилова 2000-в], источником которого стали тексты разных жанров, частично представленные в настоящей работе. Широкий охват рукописных памятников, разных в жанрово-тематическом отношении, позволяет представить в словаре общего типа различные пласты лексической системы русского языка XVII в.:

- 1) нейтральную, обычную для разных сфер употребления;
- 2) собственно деловую лексику и терминологию, позволяющую разграничить деловые/неделовые тексты;
- 3) лексику разговорной речи, которая, как было отмечено, в свою очередь подразделяется на лексику общерусскую и локально окрашенную.

Лексикографическое описание памятников Сибири, создание исторических словарей разных типов – важнейшая задача, которую предстоит решить в ближайшее время. Только при наличии *региональных исторических* словарей исследователи языка смогут ответить на ряд сложных вопросов, связанных как с образованием русского национального языка, так и с формированием вторичных русских говоров.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – нач. XVIII в. – М., 1964.
- Александров В.А.* Заселение Сибири русскими в конце XVII – XVIII в // Русские старожилы Сибири. – М., 1973. – С. 7–50.
- Александров В.А.* Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII – нач. XVIII в.) // Советская этнография. – 1978. – № 3. – С. 131–138.
- Александров В.А., Чистякова Е.В.* К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка // Вопросы истории. – 1959. – № 2. – С. 132–143.
- Алексеев А.А.* Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв. // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. – М., 1988. – С. 188–209.
- Астахина Л.Ю.* Русские сельскохозяйственные книги XVI–XVII вв. как лингвистический источник: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974.
- Багрянцева Г.И.* Филологический анализ документального текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопроизводства): Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1986.
- Базилевич К.В.* Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. – Сб. 1 / Труды историко-археографического института АН СССР. – Т. IX. – М., 1933. – С. 110–129.
- Базилевич К.В.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // Проблемы источниковедения. – Вып. 2. / Труды историко-археографического института АН СССР. – Т. XVII. – М.: Л., 1936. – С. 71–90.
- Баракова О.В.* Таможенные книги как жанр деловой письменности русского языка (на материале книг таможен Северного речного пути): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 1995.
- Бахрушин С.В.* Русские торги и промыслы в Якутии // Якутия в XVII в. – Якутск, 1953. – С. 332–372.

- Бахрушин С.В.* Очерки по колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // С.В.Бахрушин. Научные труды. – Т. III. Ч. I. – М., 1955. – С. 15–160.
- Бахрушин С.В.* Основание Красноярского острога // С.В.Бахрушин. Научные труды. – Т. IV. – М., 1959. – С. 13–27.
- Башикатова З.В.* Советская литература о сибирских таможенных книгах как историческом источнике // Источниковедение городов Сибири к. XVII – нач. XX в. – Новосибирск, 1983. – С. 27–42.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея: Мангазейский морской ход. – Ч. 1. – Л., 1980. – С. 30–34.
- Блинова О.И.* Типы региональных словарей // Русские говоры Сибири – Томск, 1981. – С. 7–11.
- Богатова Г.А., Дерягин В.Я., Романова Г.Я.* Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова // Вопросы языкознания. – 1982. – № 3. – С. 31–42.
- Богатова Г.А.* Историко-культурный аспект лексикографического описания языка // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Днепропетровск, 12–14 окт. 1988 г. – Ч. II. – Днепропетровск, 1988. – С. 57–59.
- Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. – М.: Л., 1946.
- Бондарчук Н.С., Кузнецова Р.Л.* Региональная официально-деловая письменность конца XVII – первой половины XVIII в. и проблемы формирования норм национального русского языка // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тезисы докладов. – Вологда, 1988. – С.18–19.
- Борисова Е.Н.* Лексика домашней утвари в рязанских памятниках XVI–XVII вв. // Уч. зап. / Балашовск. пед. ин-т. – Т. 2. – Балашов, 1957. – С. 196–262.
- Борисова Е.Н.* Лексика Смоленского края по памятникам письменности. – Смоленск, 1974.
- Борисова Е.Н.* Проблемы становления и развития словарного состава русского языка конца XVI–XVIII вв.: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Смоленск, 1978.

- Борисова Е.Н.* Проблемы русской региональной исторической лексикологии // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1987. – № 4. – С. 57–61.
- Бухарева Н.Т.* Сибирская лексика и фразеология. – Новосибирск, 1983.
- Бухарева Н.Т., Федоров А.И.* Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / Под ред. Ф.П. Филина. – Новосибирск, 1972. – 207 с.
- Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников // П.Н. Буцинский. Сочинения: в 2 т. / Под ред. Пархимовича С.Г. – Т. I. – Тюмень, 1999.
- Буцинский П.Н.* Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645) // П.Н. Буцинский. Сочинения: в 2 т. / Под ред. Пархимовича С.Г. – Т. II. – Тюмень, 1999. – С. 5–78.
- Ващенко А.К.* Материал, извлеченный из рукописных памятников, писанных ельчанами в XVII в., и краткий комментарий к нему (фонетика) // Вопросы русского языка. – Саратов, 1961. – С. 73–87.
- Ващенко Т.Ф.* Кабальные книги // Русская речь. – М., 1975. – № 4. – С. 117–121.
- Ващенко Т.Ф.* К изучению отказных книг // История русского языка. Исследования и тексты. – М., 1982. – С. 19–40.
- Вершинин Е.Г.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). – Екатеринбург, 1998.
- Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. – М., 1975.
- Вилков О.Н.* Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. – Новосибирск, 1978. – С. 5–46.
- Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVII – начала XVIII в. – Новосибирск, 1990.
- Владимирова Л.А.* Таможенные документы Переславля-Залесского // Русская речь. – 1983. – № 2. – С. 112–114.
- Волков С.С.* Принципы отбора деловых памятников Московского государства XVI–XVII вв. для лингвистического исследования // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии – Пермь, 1972. – С. 103–107.
- Волков С.С.* Лексика русских челобитных XVII века. – Л., 1974.

- Волков С.С. Стилиевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII века: Дис. ...д-ра филол. наук. – М., 1981.
- Волков С.С. Общерусские и региональные исторические словари как база для исторической лексикологии русского языка // *Вопр. языкознания*. – 1985. – № 5. – С. 68–75.
- Вопросы языкознания и сибирской диалектологии*. – Томск, 1977.
- Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири. – Иркутск, 1959.
- Глушкова К.Д. О принципах лексического анализа (на материале Илимской таможенной книги 1649 г.) // *Труды ун-та / Иркутский ун-т*. – Т. 36. Серия языкознания. – Вып. 2. – Иркутск, 1965. – С. 75–91.
- Головачев П.М. Очерк заселения Сибири в XV–XVII ст. – СПб., 1906.
- Город у Красного Яра: Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв.* – Красноярск, 1981. – С. 25–30.
- Городилова Л.М. Енисейские товарные росписи как лингвистический источник. – Хабаровск, 1990.
- Городилова Л.М. Книги Енисейского острога // *Русская речь*. – М., 1991. – № 6. – С. 94–97.
- Городилова Л.М. Историко-культурный аспект изучения письменных памятников Сибири XVII века // *Новые ценности в образовании, культуре и политике: 2-я научно-практическая межвузовская конференция. Тезисы докладов*. – Биробиджан, 1994. – С. 47–48.
- Городилова Л.М. Структура Словаря языка памятников Приенисейской Сибири XVII в. // *Материалы международного съезда русистов в Красноярске, 1–4 октября 1997 г.* – Т. 1. – Красноярск, 1997. – С. 189–191.
- Городилова Л.М. Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII в. // *Вопр. языкознания*. – М., 1998-б. – № 3. – С. 134–140.
- Городилова Л.М. Русская скоропись XVII века. – Хабаровск, 2000-а.
- Городилова Л.М. Словарь языка памятников Приенисейской Сибири XVII века. Проект. Источники. Пробные словарные статьи. – Хабаровск, 2000-б.

- Готье Ю.В.* К вопросу об изучении внутренней торговли России в XVII в. // Сб. статей в честь С.Ф.Платонова. – СПб., 1911. – С. 454–461.
- Гурвич И.С.* Этническая история северо-востока Сибири. – М., 1966. – С. 54–62.
- Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М., 1987.
- Дерягин В.Я.* К вопросу об индивидуальном и традиционном в деловой письменности (на материале важных порядных XVII в.) // Русский язык: Источники для его изучения. – М., 1971. – С. 151–188.
- Дерягин В.Я.* Русская деловая речь на Севере в XV–XVII вв.: Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1980.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1950.
- Дьякова В.И., Хитрова В.И.* Словарь географической лексики Воронежского края (с историческим комментарием) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1988. – С. 38–51.
- Елизаровский И.А.* Язык беломорских актов XVI–XVII вв. (Грамматика). – Архангельск, 1958.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России: Учебное пособие. – М., 1983.
- Захарова Л.А.* К истории прикетских говоров XVII – нач. XVIII вв. (фонетика и морфология): Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1968-а.
- Захарова Л.А.* Отражение фонетических особенностей письменными памятниками XVII в. Кетского острога // Вопросы русского языка: Изд. ТГУ. – Томск, 1968-б. – С.127–134.
- Захарова Л.А.* К истории прикетских говоров XVII в. // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. – Барнаул, 1972. – С. 14–20.
- Захарова Л.А.* Материалы к историческому прикетскому словарю // Говоры русского населения Сибири. – Томск, 1983. – С. 48–57.
- Захарова Л.А.* Томский исторический словарь XVII в. // Сибирские русские говоры. – Томск, 1984. – С.153–161.

- Захарова Л.А.* Диалектизмы в историческом словаре г. Томска XVII в. // Русская историческая и региональная лексикология и лексикография. – Красноярск, 1990. – С. 94–102.
- Захарова Л.А.* Регионализмы в Томском историческом словаре XVII в. // Русские говоры Сибири. Лексикография. – Томск, 1993. – С. 158–165.
- Захарова Л.А.* Место “Словаря народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XX вв.” среди других исторических словарей // Материалы международного съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). – Т. 2. – Красноярск, 1997. – С. 185–187.
- Захарова Ю.И.* Сольвычегодские таможенные книги XVIII века как лингвистический источник: Дис. ... канд. филол. наук. – Хабаровск, 2002.
- Зиновьева Е.И.* Записные кабальные книги Московского государства XVI–XVII веков: Структура. Лексика. Фразеология. – СПб., 2000.
- Зерцалов А.Н.* Списки с ценовых росписей по г. Енисейску // Чтения ОИДР. – Кн. 2, отд. 1. – М., 1900. – С. 63–130.
- Иванов В.Ф.* Письменные источники по истории Якутии XVII в. – Новосибирск, 1979.
- Иркутский* областной словарь / Ред. Н.А.Бобряков. – Иркутск, 1973–1979. – Вып. 1–3.
- История* лексики русского литературного языка конца XVII – начала XVIII века / Отв. ред. Ф.П.Филин. – М., 1981.
- Каверина В.В.* Правописание приставок в текстах русской деловой письменности XVII в. (на материале вестей-курантов) в контексте истории развития русской орфографической системы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
- Качалкин А.Н.* Памятники местной письменности XVII в. как источник исторической лексикологии // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 104–113.
- Качалкин А.Н.* Таможенные документы XVII в. как источник исторической лексикологии // Славянская филология. Сб. ст. – Вып. 9. – М: МГУ, 1973. – С. 18–24.
- Качалкин А.Н.* Жанры русского документа допетровской эпохи. – Ч. I. Источники изучения и вопросы авторства документа. – М.: МГУ, 1988.

- Качалкин А.Н.* Жанры русского документа допетровской эпохи. – Ч. II. Филологический метод анализа документов. – М.: МГУ, 1988.
- Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. – М., 1970.
- Кизеветтер А.А.* Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник / Сб. статей, посв. В.О.Ключевскому. – М., 1909. – С. 76–102.
- Козьмин Н.Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. – СПб., 1910.
- Копосов Л.Ф.* Вологодские говоры XVI–XVII вв. по данным деловой письменности (фонетика и морфология): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971.
- Копосов Л.Ф.* Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности: Учебное пособие к спецкурсу. – М., 1991.
- Копосов Л.Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). – М., 2000.
- Копылов А.Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в.: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. – М., 1961. – С. 330–370.
- Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в.: Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. – Новосибирск, 1965-а.
- Копылов А.Н.* Из истории таможенного дела в Сибири // Археографический ежегодник за 1964 г. – М., 1965-б. – С. 350–370.
- Копылов А.Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII вв. // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – № 9, вып. 3. – Новосибирск, 1965-в. – С. 80–88.
- Копылов А.Н.* Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1968.
- Котков С.И.* Вопросы истории русского языка в свете некоторых данных южновеликорусских памятников // Вопросы образования восточнославянских национальных языков. – М., 1962. – С. 31–49.
- Котков С.И.* Отказные книги // Вопр. языкознания. – М., 1969, № 1. – С. 130–135.

- Котков С.И.* О памятниках народно-разговорного языка // *Вопр. языкознания.* – 1972-а. – № 1. – С. 37–45.
- Котков С.И.* Таможенные книги Камер-коллегии – источники по истории русского языка // *Русское и славянское языкознание.* – М., 1972-б. – С. 135–143.
- Котков С.И.* Памятники русской письменности и историческая диалектография // *Вопр. языкознания.* – 1975. – № 2. – С. 12–21.
- Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. – М., 1980.
- Котков С.И., Бражникова Н.Н.* Книги городского дела XVII в. // *История русского языка. Исследования и тексты.* – М., 1982 – С. 3–18.
- Коткова Н.С.* Некоторые сведения о таможенных книгах XVII в. // *Источники по истории русского языка.* – М., 1976. – С.38–50.
- Коткова Н.С.* Из наблюдений над передачей гласных первого предударного слога в курских таможенных книгах XVII в. // *История русского языка. Памятники XI–XVIII вв.* – М. 1982. – С. 221–231.
- Кочедамов В.И.* Первые русские города в Сибири. – М., 1978.
- Кривошапкин М.Ф.* Енисейский округ и его жизнь. – Кн. II. – СПб, 1865.
- Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии.* – Барнаул, 1972.
- Леонтьев В.М.* Таможенные приходные книги Березова как источник по истории торговли города // *Торговля Сибири к. XVI – нач. XX в.* – Новосибирск, 1987. – С. 27–49.
- Леонтьева Г.А.* Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // *Развитие культуры сибирской деревни в XVII – нач. XX вв.* – Новосибирск, 1986. – С. 3–19.
- Леонтьева Г.А.* Сметные и пометные списки как источник для характеристики бюджета сибирского города (на примере денежных смет Нерчинского уезда 80-х годов XVII–нач. XVIII в.) // *Источниковедение городов Сибири конца XVI – нач. XX в.* – Новосибирск, 1983. – С. 77–94.
- Либрович С.Ф.* История книги в России. – Пг.: М., 1914.

- Лодыженский К.* История таможенного тарифа. – СПб., 1886.
- Лурье Я.С.* О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. – Вып. 1. – М., 1973. – С. 78–100.
- Любимова О.А.* история и современное состояние мунгатского говора (фонетико-морфологический очерк): Дис. ... канд. филол. наук. – Новокузнецк, 1968.
- Люцидарская А.А.* Документы текущего делопроизводства в г.Томске XVII – нач.XVIII в. // Источниковедение и историография городов Сибири. – Новосибирск, 1987. – С. 71–82.
- Мазо С.Э.* Диалектные особенности морфологии языка деловых документов г.Томска XVII в. // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1968. – С. 135–142.
- Мазо С.Э.* Язык деловых документов XVII в. г. Томска (фонетика, морфология): Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1970.
- Майоров А.П.* Явочные челобитные как памятник русского языка XVI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987.
- Мальшева И.А.* Материалы таможенного делопроизводства XVIII века как объект лингвистического источниковедения: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997.
- Маркс Н.* К азбуке конца XVII в. из собрания А.И.Успенского, изданной Московским археологическим институтом. – М., 1909.
- Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии.* – Красноярск, 1971.
- Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии.* Москва, 21–26 мая 1984 г.: Тезисы докл. / Отв. ред. О.Н. Трубачев; АН СССР, Ин-т рус. яз., сов. ком. славистов. – М., 1984.
- Мельхеев М.Н.* Географические названия Приенисейской Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1986.
- Мерзон А.Ц.* Таможенные книги XVII века: Учебное пособие по источниковедению истории СССР. – М., 1957.
- Мерзон А.Ц.* Устюжские таможенные книги XVII в. // Проблемы источниковедения. – Сб. VI. – М., 1958. – С. 67–129.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. – Т. 1. – М.: Л., 1937.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. – Т. 2. – М.: Л., 1941.

- Михайловская Н.Г.* К проблеме нормы древнерусского языка // Вопросы языкознания. – 1975. – № 3 – С. 119–127.
- Михалан (Римашевская) К.П.* Опыт лесного словаря. На материале говоров Красноярского края. – Ч. 1. – Красноярск, 1994.
- Мокиенко В.М.* Лингвистический анализ местной географической терминологии (псковские апеллятивы) / Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1969.
- Мордкович М.В.* Типы лексических замен в Архангельской таможенной книге 1719 г.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
- Мотивационный диалектный словарь* / Под ред. О.И.Блиновой – Томск, 1982–1983.
- Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. – М., 1987.
- Никольский А.А.* Отказные грамоты как лингвистический источник // Вопросы истории и источниковедения русского языка. – Рязань, 1998. – С. 6–10.
- Новоселова К.Д.* Из наблюдений над орфографией и фонетическим составом деловых документов Илимской воеводской канцелярии в XVII – начале XVIII вв. // Труды Илимского гос. ун-та. – Т. XXVI, сер. языкознания, вып. 1. – Иркутск, 1958.
- Оглоблин Н.Н.* Книжный рынок в Енисейске // Библиограф. – 1889. – №№ 7–8. – С. 281–300.
- Оглоблин Н.Н.* Происхождение провинциальных подъячих XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. – 1894, сентябрь. – С. 118–150.
- Оглоблин Н.Н.* Происхождение провинциальных подъячих XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. – 1894, октябрь. – С. 219–241.
- Оглоблин Н.* Бытовые черты XVII в. // Русская старина. – Т. 81. – СПб., 1894-а. – С. 230–231.
- Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – Ч.1. Документы воеводского управления. – М., 1895.
- Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – Ч. 2. Документы таможенного управления. – М., 1897.
- Осипов Б.И.* История русского письма. – Омск, 1990.

- Осипов Б.И., Гейгер Р.М., Рогожникова Т.П. Язык русских деловых памятников XV–XVIII вв.: Фонетический, орфографический и стилистический аспекты. – Омск, 1993.
- Осокин Е.Г. Внутренние таможенные пошлины в России. – Казань, 1850.
- Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. – Красноярск, 1972
- Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. – Красноярск, 1974.
- Палагина В.В. О языке таможенных книг г.Томска // Вопросы русского языка: Уч. зап. ТГУ. – Томск, 1965. – № 57. – С. 50–55.
- Палагина В.В. Реконструкция исходного состояния вторичного говора: Дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 1973.
- Палагина В.В. Материалы для исторического словаря томского говора // Вопросы русского языка и его говоров. – Вып.3. – Томск, 1975. – С. 46–51.
- Палагина В.В. Локально ограниченная лексика в речи населения Томска I половины XVII в. // Русское слово в языке и речи. – Кемерово, 1976. – С. 68–74.
- Палагина В.В. Материалы для частотного словаря томских деловых документов XVII в. // Русское слово в языке и речи. – Вып. 2. – Кемерово, 1977. – С. 82–94.
- Палагина В.В. Томские таможенные книги как источник реконструкции лексики разговорной речи первой половины XVII в. // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 7. – Новосибирск, 1978. – С. 119–128.
- Палагина В.В. Частотный словарь таможенных книг г.Томска 1624–1627 гг. // Русские говоры в Сибири. – Томск: ТГУ, 1979. – С. 78–83.
- Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги / Отв. Ред. С.И.Котков. – М., 1982
- Панин Л.Г. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII–первая половина XVIII в.). – Новосибирск, 1985.
- Панин Л.Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / – Новосибирск, 1991;
- Панкратова Н.П. Из наблюдений над ошибками и описками в материалах частной переписки конца XVII – начала XVIII в. // Лингвистическое источниковедение. – М., 1963. – С. 58–72.

- Первое столетие сибирских городов. XVII век // История Сибири: Первоисточники. – Вып. VII / Отв. ред. Н.Н.Покровский. – Новосибирск, 1996.*
- Петроченко В.И. Словарь рыбаков и охотников северного приангарья Красноярск, 1994. – 119 с.*
- Покишишевский В.В. Заселение Сибири. – Иркутск, 1951.*
- Полный свод законов Российской империи с 1649 г. – Т. 1–45. – Собр. 1-е. – СПб.: М., 1830.*
- Полякова Е.Н. От “арайны” до “яра”: Русская народная географическая терминология. – Пермь, 1988.*
- Полякова Е.Н. Русская региональная историческая лексикография (По материалам пермских памятников XVII– н. XVIII в.). – Пермь, 1990.*
- Полякова Е.Н. Словарь пермских памятников XVI– начала XVIII века. – Вып. 1 и след. – Пермь, 1993.*
- Полякова Е.Н. Из опыта составления регионального исторического словаря XVI – начала XVIII вв. // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов межвузовской научной конференции 13–15 октября 1998 г. – Вологда, 1998. – С. 94–95.*
- Попова И. Жанровые особенности писцовых книг Вологды и Устюга Великого первой половины XVII в. // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. – Вып. V. – Вологда, 1997. – С. 20–26.*
- Попова Н.Е. Язык деловых документов Красноярского острога XVII – нач. XVIII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1959.*
- Попова Н.Е. О некоторых группах лексики красноярских деловых документов XVII – начала XVIII вв. // Уч. зап. КГПИ. – Т. 25. – Вып. 3. – Красноярск, 1963. – С. 30–49.*
- Попова Н.Е. Материалы для словаря сибирских памятников XVII–XVIII вв. // Вопросы исследования лексики и фразеологии сибирских говоров. – Красноярск, 1978. – С. 115–130.*
- Попова Н.Е. Материалы для словаря сибирских памятников XVII–XVIII вв. // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. – Красноярск, 1981. – С. 81–90.*

- Попова Н.Е.* Материалы для словаря сибирских памятников XVII–XVIII вв. // Русское народное слово в историческом аспекте. – Красноярск, 1984. – С. 87–99.
- Потехина Н.Ю.* Материалы для исторического словаря среднеобских говоров // Вопросы русского языка и его говоров. – Вып. 7. – Томск, 1977. – С. 33–37.
- Потехина Н.Ю.* Материалы для томского исторического словаря (по данным памятников делового письма XVII в.) // Русские говоры Сибири. – Томск, 1981. – С. 51–56.
- Потехина Н.Ю.* Лексико-семантические варианты имен существительных в томских деловых документах XVII в. // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. – Новосибирск, 1982. – С. 26–35.
- Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVII – начале XVIII в. – М., 1972.
- Проблемы лексикологии, фразеологии и лексикографии сибирских говоров.* – Красноярск, 1975.
- Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии.* Тезисы конференции окт. 1975 г. / АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики, Ин-т рус. яз. – Вып 1–4. – М., 1975.
- Радич Л.М.* К вопросу о диалектном составе первооселенцев Енисейского острога // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. – Вып. 1974. – Красноярск, 1975. – С. 72–77.
- Рождественский Ю.В.* Введение в общую филологию. – М., 1979.
- Романова М.А., Светлова В.Н., Лецкий М.А.* Русские говоры Зауралья. – Тюмень, 1971.
- Рупосова Л.П.* Профессиональная лексика и терминология в историческом аспекте // Проблемы исторической терминологии. – Красноярск, 1994. – С. 3–9.
- Русинов Н.Д.* О региональных словарях старорусской письменности // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. – Вып. 3. Теория и практика исторической лексикографии. – М., 1975. – С. 44 – 47.
- Русская историческая лексикология и лексикография: результаты, проблемы, перспективы / Материалы Всероссийской конференции.* – Красноярск, 1993.

- Русские говоры Сибири. Лексикография.* – Томск: ТГУ, 1993
- Саблина Н.П.* Одно орфографическое правило XVII в. (отражение И после твердых согласных) // Вопросы грамматического строя языка. – Хабаровск, 1977. – С. 119–133.
- Сакович С.И.* Из истории торговли и промышленности России конца XVII века // Труды ГИМ. – Вып. 30. – М., 1956.
- Селищев А.М.* Избранные труды. – М., 1968.
- Сибирские русские говоры.* – Томск: ТГУ, 1984.
- Симони П.К.* Русский язык в его наречиях и говорах. – СПб., 1899.
- Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII–XVIII века / Под ред. В.В.Палагиной, Л.А.Захаровой. – Томск, 2001.
- Словарь* образных слов и выражений народного говора / Том.гос.ун-т; Под ред. Блиновой О.И. – Томск: Изд-во науч.-тех. Лит., 1997.
- Блинова О.И., Палагина В.В., Сыченко С.В.* Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Ред. О.И.Блинова. – Томск, 1977
- Словарь* русского языка XI–XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений. – М., 1975.
- Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири, кн. I. – СПб., 1886.
- Словягин А.П.* Нормализация народно-литературного типа русского языка II половины XVII в. в области фонетической системы (на материале лечебников): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971.
- Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV–XVII веков. – СПб., 1892.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. – Т. XIII. – М., 1962.
- Старикова Г.Н.* Структурные модели наименования лиц по профессии в русском языке XVII в. // Русская историческая и региональная лексикология и лексикография. Межвузовский тематический сборник научных трудов – Красноярск, 1990. – С. 87–93.
- Старикова Г.Н.* Толковый словарь тематической группы “Промышленник” русского языка конца XVI–XVII вв. // Русские говоры Сибири. Лексикография. – Томск, 1993. – С. 165–169.

- Судаков Г.В. Грамотность и книжная культура вологжан в XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. – Вып. III. – Вологда, 1973.
- Сущева М.В. Орфографические нормы и возможности отражения диалектных особенностей в деловой письменности первой половины XVII в. (На материале документов г. Великого Устюга): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974.
- Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. – Вып. 1–3 / Сост. И автор введения Е.Б.Французова. – М., 1983.
- Таможенные книги Московского государства XVII века. – Т. I–III. – М.: Л., 1950–1951.
- Тарабасова Н.И. О некоторых особенностях языка деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. – М., 1964. – С. 157–172.
- Теория и практика русской исторической лексикографии. – М, 1984.
- Токарев С.А. К вопросу о социально-экономических отношениях в Якутии в XVII в. // Известия СО АН СССР, 1974, № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2. – Новосибирск, 1974. – С. 93–110.
- Токмачева И.Б. Поручные записи как памятник русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
- Филиппова И.С. К лингвистическому изучению писцовых книг // Источниковедение и история русского языка. – М., 1964. – С. 173–189.
- Фишер И.Э. Сибирская история с самого начала открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – СПб., 1774.
- Хабургаев Г.А. Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение. – М., 1969. – С. 104–126.
- Хитрова В.И. Материалы для словаря воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв. // Проблемы эволюции лингвистических единиц в истории русского языка (XI–XVIII вв.). – М., 1981. – С. 56–65.
- Хитрова В.И. Русская историческая и диалектная лексикология / Материалы для практических занятий (Буквы А–Ж). – Вып 1–2. – М., 1987, 1989.

- Хитрова В.И.* Местная деловая письменность XVII–XVIII вв. и региональная историческая лексикография // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Днепропетровск, 12–14 окт. 1988 г. – Ч. II. – Днепропетровск, 1988. – С. 122–124.
- Христосенко Г.А.* Фонетическая система языка нерчинской деловой письменности второй половины XVII – первой половины XVIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1975.
- Христосенко Г.А., Любимова Л.М.* Материалы для регионального исторического словаря нерчинских деловых документов XVII–XVIII вв. – Вып. 1 (А – В). – Чита, 1997 и след.
- Христосенко Г.А., Любимова Л.М.* К вопросу о региональном историческом словаре // Материалы международного съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). – Т. 1. – Красноярск, 1997. – С. 182–184.
- Цомакион Н.А.* Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. – Красноярск, 1966.
- Цомакион Н.А.* Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. – Красноярск, 1971.
- Чайкина Ю.И.* К изучению словарного состава хозяйственных книг Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей XVI – нач. XVII в. // Проблемы исторической и диалектной лексикологии. Сб. научных трудов. – Калинин, 1984. – С. 26–35.
- Чайкина Ю.И.* Цели, состав и структура “Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.” // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. – Вологда, 1995. – С. 134–140.
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. – М., 1956.
- Чигрик Г.М.* Из наблюдений над бытовой лексикой кузнецких деловых памятников XVII в. // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1977-а. – С. 38–43.
- Чигрик Г.М.* Материалы для исторического словаря кузнецких говоров XVI в. // Русское слово в языке и речи. – Кемерово, 1977-б. – С. 95–103.
- Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII веке. – М., 1856.

- Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. – М., 1946.
- Шунков В.И.* Очерки истории СССР, XVII в. – М., 1955.
- Юрасова В.В.* Десятни – источники по истории русского языка XVI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973.
- Якубайлик Г.А.* К истории названий шкурок пушных промысловых зверьков в языке XVII в. (на материале сибирских деловых документов) // Русская историческая и региональная лексикология и лексикография. – Красноярск, 1990. – С. 102–111.
- Якубайлик Г.А.* Особенности словообразования терминологической лексики с общим значением “масть (цвет) шкурки промыслового пушного зверька” в языке сибирских деловых документов XVII в.// Русская историческая лексикология и лексикография: Результаты. Проблемы. Перспективы. Тез. докл. Всерос. науч. конф. – Красноярск, 1993. – С. 73–74.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бадиг. – Бадигин К.С. По студеным морям. Гос. изд. географич. литературы. – М., 1956. Словарь.
- Васн. – Васнецов Н.М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. – Вятка, 1907.
- Грандил. – Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова // Сб. ОРЯС АН, т.83, № 5. СПб, 1907.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. I–IV. Со второго издания (1880–1882 гг.) – М., 1955
- ДООВС – Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”. – СПб., 1858.
- Дуров – Дуров И.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / Под ред. Н.Виноградова. – О. Соловки, 1929.
- Дювернуа – Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1894.
- Кулик. – Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.
- Подв. – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.
- ПСЗ – Полный свод законов Российской империи с 1649 г. – Т. 1–45. – Собр. 1-е. – СПб.: М., 1830.
- Федоров – Федоров А.И. О происхождении словарного состава беломорских говоров. Дис. ...канд. филол наук. – Л, 1952

СПИСОК РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ

АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Фонд 110. Поуездная колекция

1. Данная стольника и воеводы Енисейского острога К.А.Яковлева об отводе рядовым беломестным казакам конной службы под Кетским острогом земель под пашню, поскотину, сенные покосы, ед. хр. 25/3, 1670 г.
2. Проезжая грамота Енисейского острога таможенного головы Василия Бухрякова крестьянину князя Я.К.Черкасского, торговому человеку Пимину Федорову об уплате им всех торговых и отъезжих пошлин с его товаров, ед. хр. 25/1, 1648 г.
3. Проезжая грамота Енисейского острога таможенного головы Леонтия Бобровского соликамскому промышленному человеку Гришке Иванову Шубину об уплате им всех торговых пошлин с его товаров, ед. хр. 25/2, 1648 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Фонд 907. Енисейская нижняя расправа

4. Данная енисейского стольника и воеводы Богдана Даниловича Глебова енисейскому служилому Ивану Муромцеву на владения за службу порозжим покосом за рекою Ерзовкою, д. 39, лл. 43-44, 1697–98 гг.
5. Данная стольника и воеводы Богдана Глебова енисейскому пушкарю Ивану Матвееву сыну Попову на владение закладной десятиной покоса, д. 39, лл. 73–74, 1701 г.
6. Память-данная 179 г. енисейского воеводы Ивана Ивановича Ржевского о переводе на годовой оброк в подгородном лугу двух сенных паев, д.39, лл.25–26, 1671 г.
7. Память-данная 195 г. енисейской приказной избы сына боярского И.И.Перфильева приказчику Верхней подгородной деревни сыну боярскому Тимофею Федотову об отводе во владение пометной луговой земли, д. 39, лл.108–109, 1687 г.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

Фонд 838. Енисейская приказная изба

8. Заемная кабала красноярского казака Якова Савельева в займе денег у вологодского торгового человека Гаврилы Григорьева в Енисейском остроге, ед. хр. 8, 1638 г.
9. Заемная кабала о займе денег важанином Г.П.Власовским у двинянина Окима Федорова в Енисейском остроге, ед. хр. 6, 1638 г.
10. Запись промышленных людей Анисима Никитина с товарищи об отдаче ими части добычи красноярскому казачьему пятидесятнику Путимцу за взятые у него бобровые снасти, ед. хр. 11, 1643 г.
11. Документы енисейского стрельца Павла Петровича Кичанова: духовное завещание, письмо сестры, ед. хр. 7, 1634 г.
12. Наказная память ленскому таможенному голове Дружине Трубникову, посланному на смену таможенному голове Елисею Турунтаеву, ед. хр. 10, лл. 2–11, 1639 г.
13. Память атамана Иосифа Алексеева служилым людям Панфилу Петрову Кичанову о выимке на устье Муки реки у торгового человека Никиты Ворыпаева соболей, купленных у эвенков до ясачного сбора 147 г., ед. хр. 9, лл. 1–2, 1639 г.
14. Память целовальника Лариона Петровва о сдаче ржи новому целовальнику Герасиму Васильеву 141 г., ед. хр. 5, л. 1, 1633 г.
15. Письмо енисейского воеводы Ждана Кондырева Парфену Ходыреву о получении присланных соболей и по др. личным делам, ед. хр. 3, л. 1, 1631 г.
16. Челобитная красноярских служилых людей, присланных в 139 г. на службу в Енисейский острог, о невысылке их обратно в Красноярский острог, ед. хр. 4, л. 1, 1632–1633 гг.
17. Челобитная енисейского стрелецкого десятника Семена Родюкова по делу о побеге купленного им тунгусского мальчика по подговору стрельца Степана Потылицы, ед. хр. 1, л. 1, 1629 г.

Фонд 214. Сибирский приказ

18. Выдельная книга 181 г. Енисейского уезда собинных пашен пашенных и оброчных крестьян, составленная А.Ушаковым, оп. 1, кн. 580, лл. 1–363, 1673 г.
19. Выдельная книга 183 г. Енисейского уезда земель служилых людей, составленная Лукьяном Тупальским для определения

- лишних земель боярских детей и других служилых и для обложения их выдельным хлебом, оп. 1, кн. 618, лл. 360–375, 1675 г.
20. Выдельная книга 183 г. Енисейского уезда земель пашенных крестьян по деревням, оп. 1, кн. 618, лл. 376–410, 1675 г.
 21. Выписки из приходо-расходных книг Енисейского острога о таможенном десятинном сборе, оп. 3, ст. 190, 1639 г.
 22. Городовой список городовому всякому строению наряду и пушкам, и пищалам, и пикам, и полупикам, и пороху, и свинцу и Енисейского уезду острожкам 203 г., оп. 1, кн. 1089, лл. 93–99, 1695 г.
 23. Городовой список Енисейского острога всякому городовому строенью и наряду, пушкам и пищалам затинным, мушкетам и пушечным запасам 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 271–281, 1667 г.
 24. Городовой список Енисейского острога всякому городовому строенью и пищалам медным и затинным железным и ручным и пушечным запасам 183 г., оп. 1, кн. 618, лл. 272–280, 1675 г.
 25. Городовой список Енисейского острога городовому всякому строенью прежних воевод и что сделано при стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 179–180 гг., оп. 1, кн. 583, лл. 187–209, 1672 г.
 26. Городовой список Енисейского острога городовому всякому строенью и наряду, и пушкам медным и железным и ручным пищалам и пикам и полупикам... 194 г., оп. 1, кн. 842, лл. 30–37, 1686 г.
 27. Городовой список Енисейского острога наряду, пушкам и пищалам затинным и пушечным запасам 162 г., оп. 1, кн. 317, лл. 30–34, 1654 г.
 28. Городовой список Красноярского острога огненному наряду и пушечным всяким запасам, зелью и свинцу... 173 г., оп. 1, кн. 543, лл. 243–245, 1665 г.
 29. Городовой список Мангазейского города, оп. 1, кн. 1422, лл. 149–167, 1703 г.
 30. Городовые книги строенья нового острожного дела 175 г. по Енисейску, оп. 5, кн. 528, лл. 218–236, 1667 г.
 31. Грамотка мангазейского стрельца Терешка Васильева тобольскому воеводе Петру Головину 159 г., оп. 3, ст. 869, лл. 79–84, 1667 г.
 32. Дело о злоупотреблениях енисейского пивного откупщика Ивана Ушакова, оп. 3, ст. 908, лл. 1–3, 1682 г.
 33. Десятинная книга Мангазейская (1) 143 г., оп. 1, кн. 75, лл. 1–23, 1635 г.

34. Десятинная книга Мангазейская (2) 143 г., оп.1, кн. 75, лл. 66 об.-69, 1635 г.
35. Десятинная книга таможенного денежного сбора и мягкой рухляди июля с 1 числа да генваря по 1-е число 1701 г., оп. 1, кн. 1253, лл. 2-43, 1701 г.
36. Десятинная книга таможенного денежного сбора марта 208 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 100-136, 1700 г.
37. Десятинная книга таможенного денежного сбора сентября 1700 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 294-326, 1700 г.
38. Десятинная книга таможенного денежного сбора сентября 208 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 2-23 об., 1700 г.
39. Десятинная книга Туруханского зимовья 138 г., оп. 1, кн. 32, лл., 938-950, 1630 г.
40. Десятинная книга Туруханского зимовья 139 г., оп. 1, кн. 32, лл. 951-974, 1631 г.
41. Десятинная книга Туруханского зимовья 142 г., оп. 1, кн. 75, лл. 23 об.-27 об., 1634 г.
42. Десятинная рухлядная книга 1700 г., оп. 1, кн. 1353, лл. 154-191, 1700 г.
43. Доездная память красноярских людей Ивашки Рога с товарищами о ясачном сборе 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 457, 1654 г.
44. Доездная память красноярских служилых людей Осипка Уса с товарищами о посылке их в Тубинскую землю за ясачным сбором 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 458, 1654 г.
45. Доездной список красноярского подъячего Василия Еремеева о серебряной руде 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 5-10, 1654 г.
46. Дозорная книга Енисейского уезда 194 г., составленная Самойлом Климовским, оп. 1, кн. 942, лл. 25-324, 1686 г.
47. Дозорная книга Енисейского уезда о новоприбавочной государственной пашне 183 г., оп. 1, кн. 618, лл. 375-410, 1675 г.
48. Дозорная книга Енисейского уезда о надбавке тягла 188 г., оп. 1, кн. 619, лл. 438-606, 1680 г.
49. Дозорная книга письма и меры стольника и воеводы Федора Мусина Пушкина который с товарищи писал и мерил у Красноярских градских и уездных жителей, оп.1, кн. 1504, лл. 4-150, 1700 г.
50. Донос на мангазейского служилого человека о неявленных соболях, оп. 3, ст. 269, лл. 238-240, 1646 г.
51. Допросные речи мангазейских попов Иякова Никифорова и Леонтия Иванова и других сторонних людей 165 г., оп. 3, ст. 869, лл. 70-74, 1667 г.

52. Допросные речи мангазейских таможенных голов о неправильностях в заполнении таможенных книг 147 г., оп. 3, ст. 57, лл. 50–51, 1639 г.
53. Записная книга выдачи подъемных денег красноярским служилым людям на киргизский поход 1701 г., оп. 1, кн.1241, лл. 127 – 147, 1701 г.
54. Записная книга крепостным делам 1703 г., оп. 1, кн.1422, лл. 346–349, 1703 г.
55. Записная книга меновная мангазейская 1700 г., оп. 1, кн. 1353, лл. 108–113 об., 1700 г.
56. Записная меновная книга красноярская 1702 г., оп.1, кн.1241, лл. 150–159, 1702 г.
57. Записные книги рыбным ловлям Енисейского города 1705 г., оп. 1, кн. 1403, лл. 324– 344, 1705 г.
58. Записные меновные книги красноярские 208 г., оп. 1, кн.1241, лл. 78–125, 1700 г.
59. Именная книга детям боярским, служивым людям, ружникам и оброчникам г. Енисейска, оп. 1, кн. 70, 1637 г.
60. Именная книга Красноярского уезда пашенным крестьянам 175 г., оп. 1, кн. 543, лл. 173–194, 1667 г.
61. Именная книга Красноярского уезда пашенным крестьянам и государеве десятинной пашне и кто что пашет, и сколько у которого крестьянина детей и братьи 178 г., оп. 1, кн. 543, лл. 48–56, 1670 г.
62. Именная книга мангазейским всяких чинов людям <...> денежного жалованья, оп. 1, кн. 1422, лл. 181 об.–183 об., 1703 г.
63. Именная книга мангазейским всяких чинов служилым людям, что кому оклад денежного жалованья, оп. 1, кн. 1422, лл. 181 об.–183 об., 1703 г.
64. Именная книга пашенным крестьянам Енисейского уезда 162 г., оп. 1, кн. 317, лл.1–29, 1654 г.
65. Именная книга пашенным крестьянам Енисейского уезда по деревням, кто сколько пашет 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 107–142, 1667 г.
66. Именная чиновная книга, оп. 1, кн. 817, лл. 157 –163, 1683 г.
67. Именной список мангазейским всяким служилым людям выдачи хлебного и соляного жалованья, оп. 1, кн. 1422, лл. 195–215, 1703 г.
68. Именные книги Красноярского острогу детям боярским и подьячим, и полякам, и атаманам, и ружникам, и оброчникам де-

- нежным окладам по 178 год при воеводе А.И.Сумарокове, оп. 1, кн. 543, лл. 96–116, 1670 г.
69. Именные книги Красноярского острогу детям боярским и подьячим, и иноземцам, полякам, и атаманам, и конным и пешим казакам, и ссыльным московским людям и черкесам хлебными и соляными оклады ко 178 году, оп. 1, кн. 543, лл. 114–140, 1670 г.
 70. Именные окладные книги денежного жалованья красноярским детям боярским, подьячим и иноземцам... 208 г., оп. 1, кн. 1057, лл. 38–65, 1700 г.
 71. Именные окладные книги денежного и хлебного жалованья служилым людям, ружникам и оброчникам за 1623–1625 гг., оп. 5, кн. 6, лл. 102–104, 1623–1625 г.
 72. Книга выдачи хлебного и соляного жалованья енисейским атаманам, таможенным подьячим, ружникам и оброчникам 180 г., оп. 1, кн. 583, лл. 1–38, 1672 г.
 73. Книга города Енисейска остальных покупных хлебных запасов и иных всяких припасов сентября 1700 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 400–420, 1700 г.
 74. Книга города Енисейска полугодовая мартовская денежного сбора за продажу немецкого листового табаку 208 г., оп. 1, кн. 1253, лл. 258–300, 1700 г.
 75. Книга денежного сбора ясашной казны поулусно 173 г., оп. 1, кн. 543, лл. 1–42, 1665 г.
 76. Книга десятинного сбора с промышленных людей Тазовского города 144 г., оп. 1, кн. 82, лл. 102–116 об, 1636 г.
 77. Книга енисейская полугодовая приема денег, посуды, хлебных запасов и прочего на винное куренье 208 г., оп. 1, кн. 1253, лл. 187–231, 1700 г.
 78. Книга енисейским всяким денежным доходам, сбору таможенного с разных товаров хлебного запаса и кружечного дворов 208 г., оп. 1, кн. 1244, 293 л., 1700 г.
 79. Книга Енисейского города таможенного сбора десятинной мягкой рухляди 192 г., кн. 817, лл. 202–204, 1684 г.
 80. Книга Енисейского города таможенного сбора десятинной мягкой рухляди 193 г., кн. 817, лл. 243–256, 1685 г.
 81. Книга Енисейского острога таможенному пошлинному сбору с промышленных, служивых людей мягкой рухлядью 147 г., оп. 1, кн. 94, лл. 123–138, 1639 г.
 82. Книга енисейского таможенного десятинного сбора мягкой рухляди 191 г., кн. 817, лл. 164–179, 1683 г.

83. Книга Енисейского уезда пашенных крестьян, кто сколько десятинной пашни пашет 203 г., кн. 1089, лл. 100–139, 1695 г.
84. Книга мангазейская таможенному десятинному сбору и указных оброков 1701 г., оп. 1, кн. 1353, лл. 120–152, 1701 г.
85. Книга Мангазейского города таможенная десятинному сбору с августа 1703 г., оп. 1, кн. 1422, лл. 219–221, 1703 г.
86. Книга неокладных расходов Красноярского острога 194 г., оп. 1, кн. 847, лл. 141–148 об., 1686 г.
87. Книга остальных покупных хлебных запасов и иных всяких припасов 1701 г. РГАДА, лл. 531–564, 1701 г.
88. Книга печатных пошлин Туруханского зимовья 159 г., оп. 1, кн. 297, лл. 68–82, 1651 г.
89. Книга полугодовая наличия в Енисейске покупных хлебных запасов и расходов на винное куренье., оп. 1, кн. 1253, лл. 234–254, 1700 г.
90. Книга поминочному, и ясачному, и десятинному сбору и всякой мягкой рухляди 192 г., кн. 817, лл. 181–200, 1684 г.
91. Книга поминочному, и ясачному, и десятинному сбору и всякой мягкой рухляди 193 г., кн. 817, лл. 215–241, 1685 г.
92. Книга приемная красноярской ясашной казне, что собрано в нынешнем 175 г. с красноярских ясашных людей, с новых киргизских и тунгусских князцов и с их улусных людей государевы ясашные казны, оп. 1, кн. 543, лл. 57–95, 1667 г.
93. Книга приемной красноярской ясашной соболиной казне, что собрано в 179 г., оп. 1, кн. 543, лл. 217–242, 1670 г.
94. Книга продажи в городе Енисейске приемного и подрядного государева горячего вина 208 г., оп. 1, кн. 1253, лл. 255–257, 1700 г.
95. Книга сбора головыщины 144 г. в Туруханском зимовье, оп. 1, кн. 82, лл. 88–90 об., 1636 г.
96. Книга сбора десятой денежной пошлыны с мангазейских служилых, посадских, промышленных и с приезжих торговых людей 1704 г., оп. 1, кн. 1422, лл. 222–228 об., 1704 г.
97. Книга строенья землям енисейских новоприборных беломестных казаков 177 г., оп. 5, кн. 528, лл. 237–242 об., 1669 г.
98. Книга таможенного сбора 144 г. с кочей и головыщины с мангазейских годовальщиков, торговых, промышленных и со всяких людей, оп. 1, кн. 82, лл. 1–11, 1636 г.
99. Книга таможенной десятинной мягкой рухляди 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 282–329, 1667 г.

100. Книга таможенной десятинной мягкой рухляди Енисейского острога сбора таможенного и заставного головы Ивана Самойлова 180 г., оп. 1, кн. 583, лл. 242–251, 1672 г.
101. Книга таможенной десятинной мягкой рухляди Енисейского острога сбора таможенного и заставного головы Василия Тушова 180 г., оп. 1, кн. 583, лл. 252–288, 1672 г.
102. Книга указного оброка с торговых, промышленных и гулящих людей марта 208 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 284–292 об., 1700 г.
103. Книга указного оброка с торговых, промышленных и гулящих людей сентября 208 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 90–99, 1700 г.
104. Книга указного оброка с торговых, промышленных и гулящих людей сентября 1700 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 388–399 об., 1700 г.
105. Книга указных поголовных оброков с торговых и с промышленных, и с гулящих, и со всяких чинов людей (июль -- январь 1701 г.), оп. 1, кн. 1253, лл. 172–184, 1701 г.
106. Книга ясадного соболиного сбора по улусам и землям 176 г., оп. 1, кн. 543, лл. 145–172, 1668 г.
107. Книги именные Баргузинского острога ясачным людям, кто именно и по сколько соболей великому государю ясаку платят 177 г., оп. 3, кн. 527, лл. 264–273, 1669 г.
108. Книги Мангазейского города и Туруханского зимовья десятинного сбора с мягкой рухляди 144 г., оп. 1, кн. 82, лл. 132–165, 1636 г.
109. Книги Мангазейского города таможенному десятинному денежному сбору со всяких людей 144 г., оп. 1, кн. 82, лл. 86–87 об., 1636 г.
110. Книги мангазейского денежного сбора в Туруханском зимовье 147 г., оп. 1, кн. 122, лл. 137–141, 1639 г.
111. Книги поминочного и ясадного сбора со всех волостей 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 145–162, 1667 г.
112. Книги расхода таможенных десятинных сборов на покупку судовых снастей в Мангазейском городе и Туруханском зимовье 144 г., оп. 1, кн. 82, лл. 166–170, 1636 г.
113. Крестоприводная книга города Енисейска 184 г., оп. 3, ст. 605, лл. 31–156, 1675 г.
114. Крестоприводная книга города Красноярска 184 г., оп. 3, ст. 605, лл. 207–244, 1675 г.
115. Наказ мангазейскому служилому человеку Васье Горемыкину о походе на захребетную реку Виллой для прииску новых неясачных земель, оп. 3, ст. 328, лл. 237–262, 1641 г.

116. Наказная память 145 г. мангазейским служилым людям о посылке на захребетную реку Виллой, оп. 3, ст. 328, лл. 218–230, 1637 г.
117. Наказная память 149 г. мангазейским служилым людям о посылке на реку Виллой для ясачного соболиного сбора, оп. 3, ст. 328, лл. 198–206, 1641 г.
118. Наказная память мангазейскому пятидесятнику Ваське Горемыкину о посылке его в Брацкой острожек, оп. 3, ст. 328, лл. 202–206, 1632 г.
119. Наказная память мангазейскому служилому человеку Ваське Горемыкину, оп. 3, ст. 328, лл. 193–195, 1633 г.
120. Наказная память мангазейскому стрелцу Ваське Горемыкину о посылке на Подкаменную Тунгуску, оп. 3, ст. 328, лл. 44–52, 1632 г.
121. Окладные оброчные книги енисейским нововеерстанным посадским людям и новооброчным лавкам, и анбарам, и погребам, и кузнецам 193 г., оп. 3, ст. 817, лл. 258–270, 1685 г.
122. Описная книга рыбных ловель Енисейского уезда 1704 г., кн. 1389, лл. 36–48, 1704 г.
123. Описная книга рыбных ловель Енисейского уезда 1705 г., кн. 1403, лл. 190–407 об., 1704 г.
124. Описная книга рыбных ловель Красноярского уезда 1705 г., кн. 1403, лл. 460–476 об., 1705 г.
125. Опись енисейского Спасского монастыря, крестьян бобылей и монастырских людей, сенных покосов, угодьев и мельниц, оп. 5, кн. 403, лл. 1–47, 1659 г.
126. Отписка Васьки Пушкина и Кирилка Супонева о посылке из Енисейского острога на великую реку Лену ссыльных черкас с их семьями, оп. 3, ст. 274, лл. 374–379, 1646 г.
127. Отписка воеводы Афанасия Васильевича Пашкова 158 г. о принятии им от прежнего воеводы Федора Потаповича Полибина Енисейского острога, о назначении Ф. Полибина воеводой на место Уварова и др., оп. 3, ст. 335, 535 л., 1650 г.
128. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о взимании десятой пошлыны с соляного промысла А.Свешника на реке Манзе, оп. 3, ст. 344, лл. 333–339, 1654 г.
129. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о покупке ржи для ленских расходов, оп. 3, ст. 344, лл. 347–350, 1654 г.
130. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о посылке в Илимский острог хлебных запасов, оп. 3, ст. 344, лл. 351–354, 1654 г.

131. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о посылке Дмитрия Фирсова на Ангари для построения нового Балаганского острога 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 642–651, 1654 г.
132. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о посылке нарочных людей в Илимский острог за сыскным делом, оп. 3, ст. 344, лл. 329–332, 1654 г.
133. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о посылке сына боярского Петра Бекетова на службу в новые земли на Иргень озеро и на Шилку реку 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 340–346, 1654 г.
134. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о присланных из Москвы мушкетах и об отсутствии в остроге пороха и свинца, оп. 3, ст. 344, л. 116, 1654 г.
135. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о разных делах 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 575–596, 1654 г.
136. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о сыске еретических книг, трав и коренья, оп. 3, ст. 344, лл. 14–25, 1654 г.
137. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова о челобитье даурского приказного человека Ерофея Хабарова на Дмитрия Зиновьева 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 652–653, 1654 г.
138. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова об отпуске в Москву красноярского пушкаря Ивана Обеднина с опытом руды, оп. 3, ст. 344, лл. 12–13, 1654 г.
139. Отписка енисейского воеводы Ивана Акинфова о блудной грехе ссыльного разбойника Мишки Муравьева, оп. 3, ст. 1567, лл. 151–152, 1656 г.
140. Отписка енисейского воеводы Кирилла Яковлева о посылке в Мангазею и Туруханское зимовье жалованья служилым людям и ружникам и оброчникам, оп. 3., ст. 635, лл. 117–123, 1671 г.
141. Отписка енисейского воеводы Кирилла Яковлева о посылке хлебных запасов в Мангазею, оп. 3., ст. 635, лл. 34–35, 1672 г.
142. Отписка енисейского воеводы Кирилла Яковлева о строительстве нового города Мангазеи на Турухане 180 г., оп. 3., ст. 635, лл. 4–5, 1672 г.
143. Отписка енисейского воеводы Максима Ртищева о задержке в Енисейске стольника Ивана Голенищева Кутузова и дьяка Ивана Бородина, направленных на Лену, оп. 3, ст. 1567, лл. 7–9, 1659 г.
144. Отписка енисейского воеводы Максима Ртищева о подарках для иностранцев для государева ясачного сбора, оп. 3, ст. 1567, лл. 13–14, 1659 г.

145. Отписка енисейского воеводы Максима Ртищева о посылке хлебных запасов на Лену, оп. 3, ст. 1567, лл. 15–17, 1659 г.
146. Отписка енисейского воеводы М.Веревкина о беглых людях 148 г., оп. 3, ст. 91, лл. 57–60, 1640 г.
147. Отписка енисейского воеводы М.Веревкина о ленских запасах 149 г., оп. 3, ст. 91, лл. 17–20, 1641 г.
148. Отписка енисейского воеводы М.Веревкина о посылке людей на Лену 149 г., оп. 3, ст. 91, лл. 21–31, 1641 г.
149. Отписка енисейского воеводы П.Соковнина об отсылке в Москву найденных челобитных, оп. 3, ст. 368, л. 182, 1636 г.
150. Отписка енисейского воеводы Ф.Полибина о беглых крестьянах, оп. 3, ст. 259, л. 194, 1646 г.
151. Отписка енисейского воеводы Ф.Уварова и В.Шпилькина о посылке на Лену Ивана Галкина, оп. 3, ст. 259, лл. 15–17, 1646 г.
152. Отписка енисейского воеводы Ф.Уварова и В.Шпилькина о ссыльных черкесах, оп. 3, ст. 274, лл. 401–411, 1646 г.
153. Отписка енисейского воеводы Ф.Уварова о соболиной казне, оп. 3, ст. 259, лл. 18–20, 1646 г.
154. Отписка енисейского воеводы Федьки Уварова и Васьки Шпилькина о гнилых хлебных запасах и пр., оп. 3, ст. 274, лл. 192–194, 1644 г.
155. Отписка енисейского воеводы Федьки Уварова и Васьки Шпилькина о пересылке ленской казны, оп. 3, ст. 274, лл. 5–8, 1645 г.
156. Отписка енисейского воеводы Федьки Уварова и Васьки Шпилькина о покупке хлебных запасов, отсутствии мешков для хранения и перевозки хлеба, судовых снастях и пр., оп. 3, ст. 373, лл. 155–156, 1648 г.
157. Отписка енисейского воеводы Федьки Уварова и Васьки Шпилькина об освобождении из тюрьмы ленских людей, оп. 3, ст. 274, лл. 85–93, 1647 г.
158. Отписка иноземца Ивашки Шафрана, посланного в Мангазею, о драке с томскими беглыми казаками, оп. 3, ст. 656, л. 51, 1634 г.
159. Отписка красноярского воеводы А.Баскакова о набегах тубинских татар, оп. 3, ст. 91, лл. 134–136, 1640 г.
160. Отписка красноярского воеводы А.Баскакова о разных делах, оп. 3, ст. 91, лл. 137–139, 1640 г.
161. Отписка красноярского воеводы А.Баскакова о ссыльных людях 148 г., оп. 3, ст. 91, лл. 10–15, 1640 г.
162. Отписка красноярского воеводы А.Баскакова о челобитной Ивана Сергеева, оп. 3, ст. 91, л. 70, 1640 г.

163. Отписка Красноярского воеводы Игнатия Башковского о перепи-
си беглых ссыльных людей, оп. 3, ст. 1052, лл. 78–79, 1689 г.
164. Отписка Красноярского воеводы Игнатия Башковского о
поверстании в оклады иноземских людей, оп. 3, ст. 1052, лл. 90–
93, 1689 г.
165. Отписка Красноярского воеводы Игнатия Башковского о кал-
мыцких и киргизских посланцах, ст. 1052, лл. 98–104, 1689 г.
166. Отписка Красноярского воеводы Игнатия Башковского о кал-
мыцких тайшах, оп. 3, ст. 1052, лл. 110–113, 1689 г.
167. Отписка Красноярского воеводы Игнатия Башковского о при-
сылке из Енисейска горячего вина и несоответствии мерного
ведра, оп. 3, ст. 1052, лл. 131–137, 1689 г.
168. Отписка Красноярского воеводы Левки Поскочина об извете
Красноярского конного казака Лучки Потылицына, оп. 3, ст.
1052, лл. 361–363, 1691 г.
169. Отписка Красноярского воеводы Левки Поскочина об отправке в
Москву коллективной челобитной Красноярских людей, оп. 3, ст.
1052, лл. 5–6, 1691 г.
170. Отписка Красноярского воеводы Левки Поскочина о моторцах,
оп. 3, ст. 1052, лл. 355–357, 1690 г.
171. Отписка Красноярского воеводы Левки Поскочина о траве зве-
робое, оп. 3, ст. 1052, л. 240, 1690 г.
172. Отписка Красноярского воеводы Левки Поскочина о посылке
поминочной и ясачной казны с росписью дел, оп. 3, ст. 1052, лл.
347–349, 1690 г.
173. Отписка Красноярского воеводы Левки Поскочина о приеме
острогов от прежнего воеводы И. Башковского, оп. 3, ст. 1052,
лл. 358–359, 1691 г.
174. Отписка Красноярского воеводы Левки Поскочина о сборе пово-
ротных денег, оп. 3, ст. 1052, лл. 350–354, 1690 г.
175. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина о посылке
Красноярских служилых людей в Тубинскую землю за ясачным
сбором, оп. 3, ст. 344, л. 456, 1654 г.
176. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина о присылке
из Москвы денежного жалованья для Красноярских служилых
людей без именной росписи 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 448, 1654 г.
177. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина о розыске в
уезде железной руды 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 11, 1654 г.
178. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина о ссыльных
московских беглецах 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 408–409, 1654 г.

179. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина о челобитной енисейского посадского человека Алешки Соловара 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 408–409, 1654 г.
180. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина о челобитье булагацких князцов и о сданных ими в ясак лошадях 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 451–453, 1654 г.
181. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина об отыскании в Тубинской земле Красноярского уезда корня ревеня 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 561, 1654 г.
182. Отписка Красноярского воеводы Михаила Скрыбина об отыскании на Енисее реке серебряной руды, ст. 344, лл. 1–4, 1654 г.
183. Отписка мангазейского воеводы Д.Наумова о енисейских хлебных запасах 179 г., оп. 3, ст. 635, лл. 36–37, 1671 г.
184. Отписка мангазейского воеводы Д.Наумова о прибавке жалования женатым стрельцам 179 г., оп. 3, ст. 635, лл. 115–116, 1671 г.
185. Отписка мангазейского воеводы Д.Наумова о сборе доимочного ясака и о сказках мангазейских ясачных сборщиков 179 г., оп. 3, ст. 635, лл. 45–46, 1671 г.
186. Отписка мангазейского воеводы Д.Наумова о смене прежнего воеводы Р.Павлова 179 г., оп. 3, ст. 635, лл. 38–40, 1671 г.
187. Отписка мангазейского воеводы Д.Наумова о строительстве нового города Мангазеи на Турухане 180 г., оп. 3, ст. 635, лл. 1–3, 1672 г.
188. Отписка мангазейского воеводы Д.Наумова об отсутствии ружей у мангазейских ясачных соболиных сборщиков 179 г., оп. 3, ст. 635, л. 56, 1671 г.
189. Отписка мангазейского воеводы Ивана Николева об отсылке в Москву росписного списка и прочих документов 1703 г., оп. 1, кн. 1422, лл. 149 об.–150, 1703 г.
190. Отписка мангазейского воеводы кн. П.Ухтомского о неудачных поставках хлеба в Мангазею, оп. 3, ст. 134, лл. 91–95, 1644 г.
191. Отписка мангазейского воеводы кн. П.Ухтомского о пути из Туруханска в Мангазею 154 г., оп. 3, ст. 263, л. 119, 1646 г.
192. Отписка мангазейского воеводы Родиона Павлова тобольскому воеводе Петру Головину, оп. 3, ст. 869, лл. 70–79, 1667 г.
193. Отписка о расходе мангазейских судовых снастей 179 г., оп. 3, ст. 635, лл. 113–114, 1671 г.
194. Отписка таможенного головы И.Загибалова о сборе в Мангазее десятинной и соболиной пошлыны 177 г., оп. 3, ст. 635, лл. 97–100, 1669 г.

195. Отписка таможенных голов А.Ходутина и С.Осолихина 147 г., оп. 3, ст. 57, лл. 52–57, 1639 г.
196. Отписка, городской список и перечневая смета мангазейского воеводы Ивана Николаева 1704 г., оп.1, кн. 1422, лл. 149 об.–166, 1704 г.
197. Отписки воеводы Андрея Племянникова 144 г. о принятии им Енисейского острога от прошлого воеводы Кафтырева, представленная от него роспись Енисейска и всем енисейским городам, оп. 3, ст. 45, 264 л., 1636 г.
198. Отписки енисейского острога воеводы, при которых приложены челобитья пятидесятника Василия Колесникова о службах его, оп. 3, ст. 183, 170 л., 1633–1639 гг.
199. Отписки и грамоты города Енисейска о таможенном голове Федоре Митрофанове с товарищи о непорядочных поступках в таможенном сборе, оп. 3, ст. 373, 383 л., 1650 г.
200. Отписки из Енисейска о счете таможенных голов Никифора Комлева с товарищи в приходе и расходе и что на ком на чету явится, то на них доправить, оп. 3, ст. 254, 123 л., 1646–1649 гг.
201. Отписки из Енисейского острога воеводы Андрея Племянникова 143 г. о посылке енисейских служилых людей по Тазе и Чулыме рекам в Брацкую и иные земли, оп. 3, ст. 40, 550 л., 1635 г.
202. Отписки о посылке из Томского острога в Енисейский служилых людей и о приводе братских князцов и Братской земли по-прежнему в подданство и о имании с них ясаку 143–144 гг., оп. 3, ст. 49, 403 л., 1635–1636 гг.
203. Отписки сибирского воеводы Андрея Головина со товарищи 141 г. о размещении на службу присланных русских людей по разным острогам и городам Сибири, оп. 3, ст. 162, 546 л., 1633 г.
204. Отпускная книга торговым приезжим и всяких чинов людям в верхние сибирские города 208 г., оп.1, кн. 1244, лл. 137–283, 1700 г.
205. Отпускная книга торговым приезжим и всяких чинов людям сентября 1700 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 327–387, 1700 г.
206. Отпускная книга торговым приезжим и всяких чинов людям сентября 208 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 24–89, 1700 г.
207. Отпускная книга торговым приезжим и всяких чинов людям января 1701 г., оп. 1, кн. 1244, лл. 458–530, 1701 г.
208. Отпускная книга торговым проезжим и всяких чинов людям с русскими своими привозными и китайскими товарами и с мягкой рухлядью с 1 июля 1701 г., оп. 1, кн. 1253, лл. 44–171, 1701 г.

209. Отпускная книга торговых, промышленных и гулящих людей из енисейской таможни с товарами 204–205 гг., оп. 5, кн. 373, лл. 1–29, 1696–97 гг.
210. Память енисейского воеводы Осипа Оничкова о даче на откуп промышленным людям в Маковском острожке бани, и кваса, и сусла 151 г., оп. 3, ст. 344, лл. 93–94, 1643 г.
211. Переписная книга Енисейского острога ясачным людям 177 г., оп. 3, кн. 527, лл. 226–263, 1669 г.
212. Переписная ценовая книга постоянных дворов города Енисейска 1705 г., оп. 1, кн. 1390, лл. 53–63, 1704–1705 г.
213. Переписные книги енисейским посадским людям 177 г., оп. 3, ст. 527, лл. 345–423, 1669 г.
214. Переписные книги Красноярского острогу и уезду 180 г., оп. 1, кн. 566, лл. 162–213, 1672 г.
215. Перечневая роспись, составленная по енисейским товарным ценовым росписям 157 и 195 гг., кн. 254, 102–169 об., 1687 г.
216. Подлинная челобитная пешего казака Гришки Кулаковского на воеводу А. Молвянинова, оп. 3, ст. 259, лл. 35–37, 1646 г.
217. Подлинные челобитные с росписями и др. документы, по которым составлена книга записная рыбным ловлям 1705 г., оп. 1, кн. 1403, лл. 352–401, 1705 г.
218. Пометный список (помета) соляным запасам при енисейском стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 88–106, 1667 г.
219. Пометный список (помета) хлебным запасам при енисейском стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 38–68, 1667 г.
220. Пометный список (помета) соляным запасам 180 г., оп. 1, кн. 583, лл. 125–143, 1672 г.
221. Пометный список (помета) хлебным запасам Енисейского острога и Енисейского уезда при стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 180 г., оп. 1, кн. 583, лл. 77–101, 1672 г.
222. Пометный список государева хлеба 138 г., оп. 1, кн. 18, лл. 577–582 об., 1630 г.
223. Пометный список Красноярского острога денежным доходам ко 179 г. и что в остатке осталось в 178 г., оп. 1, кн. 543, лл. 208–216, 1670 г.
224. Послужной список 138 г. служилым людям атамана Дементия Злобина, оп. 3, ст. 368, л. 45, 1630 г.
225. Послужной список 139 г. (1) служилым людям атамана Дементия Злобина, оп. 3, ст. 368, лл. 92–96, 1631 г.

226. Послужной список 139 г. (2) служилым людям атамана Дементия Злобина, оп. 3, ст. 368, лл. 101–102, 1631 г.
227. Послужной список 139 г. (3) служилым людям атамана Дементия Злобина, оп. 3, ст. 368, лл. 128–140, 1631 г.
228. Послужной список 139 г. енисейским служилым людям сотника стрелецкого Петра Бекетова, оп. 3, ст. 368, л. 180, 1631 г.
229. Послужной список 139 г. красноярским служилым людям марта, оп. 3, ст. 368, лл. 80–84, 1631 г.
230. Послужной список 139 г. красноярским ясячным людям атамана Дементия Злобина июня, оп. 3, ст. 368, лл. 72–74, 1631 г.
231. Послужной список 139 г. служивым людям, оп. 3, ст. 368, лл. 16–29, 1631 г.
232. Послужной список 141 г. сотника Петра Бекетова о посылке енисейских служилых людей на Лену реку, оп. 3, ст. 368, лл. 161–180, 1631 г.
233. Приходная книга денежного сбора за табашную продажу немецкого табаку 208 г., оп. 1, кн. 1253, лл. 232–233 об., 1700 г.
234. Приходная книга 134 г. таможенных пошлин Енисейского острога, оп. 5, кн. 12, 38 л., 1626 г.
235. Приходная книга 167 г. таможенным денежным пошлинам Енисейского острога, собранным за разные товары и мягкую рухлядь со всякого звания торговых, промышленных, служилых и гулящих людей, оп. 1, кн. 402, 137 л., 1659 г.
236. Приходная книга 206 г. таможенным денежным пошлинам г. Енисейска, собранным со всякого звания торговых и промышленных людей с разных товаров и прочих предметов, оп. 1, кн. 1184, 423 л., 1677 г.
237. Приходная книга о приходе денежной казны и мягкой рухляди 151 г., оп. 1, кн. 163, лл. 253–264, 1643 г., оп. 1, кн. 1184, 423 л., 1677 г.
238. Приходные книги енисейского заказного целовальника Филиппа Онцыфорова 144 г., оп. 1, кн. 26, лл. 354–356, 1636 г.
239. Разборная книга 176 г. города Енисейска, оп. 5, кн. 123, лл. 1–8, 1658 г.
240. Разгонные книги Енисейского острога 176 г., оп. 3, ст. 527, лл. 217–224, 1668 г.
241. Расходная книга города Мангазеи 138 г., оп. 1, кн. 26, лл. 6–52, 1630 г.
242. Речи обыскные Красноярского острога о беглых ссыльных людях 148 г., оп. 3, ст. 91, лл. 3–8, 1640 г.

243. Речи расспросные дючерских робят, которых отобрал Дмитрий Зиновьев у Ерофея Хабарова и других даурских служилых людей 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 657–661, 1654 г.
244. Речи расспросные красноярских служилых людей о приходе воинских людей в Красноярский острог, оп. 3, ст. 91, лл. 140–147, 1641 г.
245. Речи расспросные мангазейских церковных служащих об утерянном Служебнике литовской печати 143 г., оп. 3, ст. 656, лл. 1–5, 1635 г.
246. Речи расспросные по делу ссыльного разбойника Мишки Муравьева о блудной грехе, оп. 3, ст. 1567, лл. 153–156, 1656 г.
247. Речи расспросные служилого человека Васьки Петрова о гибели государевых запасов, оп. 3, ст. 123, л. 61, 1642 г.
248. Речи расспросные служилых людей, сопровождавших кочи с хлебными запасами в Мангазею 152 г. (без конца), оп. 3, ст. 134, лл. 96-а, 96-б, 96-в, 96-г, 96-д, 1644 г.
249. Речи расспросные торговых и промышленных людей о причинах неудачных звериных промыслов в Енисейске 156–157 гг., оп. 3, ст. 210, лл. 172–224, 1649 г.
250. Речи расспросные туруханского церковного старосты, оп. 3, ст. 656, лл. 15–21, 1634 г.
251. Росписной и счетный список мангазейского воеводы А.Секерина 157 г., оп. 3, ст. 322, лл. 1–40, 1649 г.
252. Росписной список мангазейского воеводы Ивана Николева, оп. 1, кн. 1422, лл. 150–167, 1703 г.
253. Росписной список 1702 г. мангазейского воеводы Ивана Николаева, оп. 1, кн. 1422, лл. 1–5 об., 1702 г.
254. Росписной список 1703 г. мангазейского воеводы Федора Фефилова, оп. 1, кн. 1422, лл. 109–114, 1703 г.
255. Росписной список 191 г. енисейского воеводы А.Салтыкова, оп. 1, кн. 817, лл. 1–41, 1683 г.
256. Росписной список воеводы Мангазейского города, оп. 1, кн. 1422, лл. 1–5, 1703 г.
257. Росписной список города Енисейска острожным ключам, наряду, припасам, печатям Енисейского острогу, государевой денежной казны и всяким делам 197 г., оп. 1, кн. 940, лл. 2–36, 1689 г.
258. Росписной список красноярского воеводы, оп. 1, кн. 543, лл. 243–245, 1670 г.
259. Росписной список мангазейских таможенных голов 144 г., оп. 3, ст. 51, лл. 167–203, 1636 г.

260. Росписной список мангазейского воеводы Федора Фефилова 1704 г., оп. 1, кн. 1422, лл. 109–114 об., 1704 г.
261. Роспись енисейским ясачным волостям, оп. 3, ст. 259, лл. 654–656, 1646 г.
262. Роспись Енисейского уезда государевым пашенным крестьянам, оп. 3, ст. 274, лл. 380–387, 1646 г.
263. Роспись енисейской мягкой рухляди государевой поминочной и ясачной казны на 146 г., оп. 3, ст. 190, лл. 110–112, 1638 г.
264. Роспись именная Мангазейского города тюремным сидельцам, оп. 3, ст. 322, л. 40, 1649 г.
265. Роспись Красноярского острога огненному наряду и пушечным всяким запасам, зелью и свинцу... 186 г., оп. 1, кн. 643, лл. 213–217, 1678 г.
266. Роспись Красноярского острога огненному наряду и пушечным всяким запасам, зелью и свинцу... 194 г., оп. 1, кн. 847, лл. 171–175, 1686 г.
267. Роспись Красноярского острога огненному наряду и пушечным запасам, зелью и свинцу 201 г., оп. 1, кн. 1057, лл. 66–68, 1693 г.
268. Роспись Красноярскому огненному наряду и пушечным всяким запасам 178 г., оп. 1, кн. 543, лл. 142–144, 1670 г.
269. Роспись мангазейским тюремным сидельцам 179 г., оп. 3, ст. 635, лл. 43–44, 1671 г.
270. Роспись мангазейских таможенных голов недозезненным судам и судовым снастям 152 г., оп. 3, ст. 139, лл. 200–203, 1644 г.
271. Роспись наряда, пушечным запасам, зелья и свинца Енисейского острога и острожкам в уезде, оп. 5, ед. хр. 135, 4 л., 1662 г.
272. Роспись отписок красноярского воеводы А. Баскакова о разных делах 148 г., оп. 3, ст. 91, лл. 64–66, 1640 г.
273. Роспись отписок Красноярского острога, отправленных в Москву с десятником П. Дрочевым 148 г., оп. 3, ст. 91, л. 16, 1640 г.
274. Роспись ссыльным людям черкасам, которые посланы на великую реку Лену с енисейскими служилыми людьми с пятидесятником Ваською Черменином, оп. 3, ст. 274, лл. 412–414, 1646 г.
275. Роспись товарная ценовая Енисейская 157 г., оп. 1, кн. 254, лл. 1–69 об., 1649 г. (Список 1687 г.)
276. Роспись товарная ценовая Енисейская 195 г., оп. 1, кн. 254, лл. 70–101 об., 1687 г.
277. Роспись ценовая по разбору Енисейского острогу поминочной и ясачной соболиной казне сбору 141 г., оп. 7, кн. 48, лл. 57–64, 1633 г.
278. Роспись церковной казны, оп. 1, кн. 708, лл. 117–127, 1682 г.

279. Роспись ясырю Ерофея Хабарова, что взял у него Дмитрий Зиновьев в Даурской земле, оп. 3, ст. 344, лл. 662–665, 1654 г.
280. Рыбная книга Мангазейская 139 г., кн. 32, лл. 920–938, 1631 г.
281. Рыбная книга Сумароковской заставы Мангазейского уезда, кн. 297, лл. 316–326, 1653 г.
282. Рыбная книга Туруханска 139 г., кн. 32, лл. 891–919, 1631 г.
283. Сборник проезжих (памятей) по 207 г., оп. 3, ст. 686, лл. 1–110, 1699 г.
284. Сборник проезжих памятей по Красноярску, оп. 3, ст. 1244, 331 л., 1697–1698 гг.
285. Сборник проезжих памятей по Мангазее, оп. 3, ст. 1046, 172 л., 1690–1691 гг.
286. Сборник проезжих по Енисейску 196–197 гг., оп. 3, ст. 1018, лл. 1–176, 1688 гг.
287. Сборник челобитных служивых людей Енисейского острога 134 г., оп. 3, ст. 12, 1626 г.
288. Сказка Игнатия Корсакова о новом пути на Турухан по Енисею 172 г., оп. 3, ст. 635, лл. 90–91, 1664 г.
289. Сказка казачьего сотника Матфея Ярыгина и служивых людей о трудностях поставки в Енисейск десятинной соболиной казны и кости рыба зуба, оп. 3, ст. 1567, лл. 5–6, 1659 г.
290. Сказка мангазейского толмача о путях сообщения с Туруханским зимовьем 172 г., оп. 3, ст. 635, л. 88, 1664 г.
291. Сказка Семена Ларионова о необходимости переноса старой Мангазеи к Туруханскому зимовью и о достоинствах нового места 172 г., оп. 3, ст. 635, лл. 92–95, 1664 г.
292. Сказки (допросные речи) князя Никиты Борятинского, мангазейского воеводы, о разных делах, оп. 3, ст. 93, лл. 2–168, 1643 г.
293. Сказки жителей Енисейска и Енисейского уезда о рыбных ловлях 1704 г., оп. 1, кн. 1389, лл. 1–35, 1704 г.
294. Сказки жителей Енисейска и Енисейского уезда о рыбных ловлях 1705 г., оп. 1, кн. 1403, лл. 190–259, 1705 г.
295. Сказки мангазейских ясачных сборщиков 179 г., оп. 3, ст. 635, лл. 47–54, 1671 г.
296. Сказки служивых людей о строительстве нового города Мангазеи 164 г., оп. 3, ст. 635, лл. 15–33, 1656 г.
297. Следственное дело по доносу пешего казака Гришки Кулаковского, оп. 3, ст. 259, лл. 29–34, 1646 г.
298. Смета всяким доходам 177 по 178 г., что собрано в Красноярском остроге, оп. 1, кн. 543, лл. 246–254, 1670 г.

299. Смета деньгам Енисейского острога сентября 137–138 гг., оп. 1, кн. 18, лл. 543–560 об., 1630 г.
300. Смета хлебным запасам Енисейского острога 136–137 гг., оп. 1, кн. 18, лл. 570–576, 1629 г.
301. Смета хлебным запасам Енисейского острога 138 г., оп. 1, кн. 28, лл. 371–383, 1630 г.
302. Сметные и пометные списки 141–142 гг. о казенных хлебных запасах и о мягкой рухляди, оп. 3, ст. 163, 57 л., 1635–1636 гг.
303. Сметный список (смета) денежным и всяким доходам Красноярского острога 178 г. по 179 г. при воеводе А.И.Сумарокове, оп. 1, кн. 543, лл. 196–207, 1671 г.
304. Сметный список (смета) соляным запасам Енисейского острога при стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 180 г., оп. 1, кн. 583, лл. 103–124, 1672 г.
305. Сметный список (смета) соляным запасам при енисейском стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 69–87, 1667 г.
306. Сметный список (смета) хлебным запасам Енисейского острога и Енисейского уезда при стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 180 г., оп. 1, кн. 583, лл. 39–76, 1672 г.
307. Сметный список (смета) хлебным запасам при енисейском стольнике и воеводе К.А.Яковлеве 175 г., оп. 1, кн. 505, лл. 1–37, 1667 г.
308. Сметный список воеводы Ф.Н.Фефилова о приеме в Мангазее у стольника И.Николева всяких запасов, оп. 1, кн. 1422, лл. 116–148, 1703 г.
309. Сметный список города Енисейска всяким хлебным доходам, соли и вину оп. 1, кн. 842, лл. 1–30, 1686 г.
310. Сметный список мангазейских денежных доходов 1704 г., оп. 1, кн. 1422, лл. 168–183 об., 1704 г.
311. Сметный список мангазейских денежных доходов, оп. 1, кн. 1422, лл. 168–181, 1703 г.
312. Сметный список мангазейского воеводы Ивана Николева, оп. 1, кн. 1422, лл. 168–181, 1703 г.
313. Сметный список мангазейской ясячной и поминочной казне и мягкой рухляди 1703 г., оп. 1, кн. 1422, лл. 198–218 об., 1703 г.
314. Сметный список хлебным и соляным запасам 194 г., оп. 1, кн. 842, лл. 1–30, 1686 г.
315. Сметный список хлебных и соляных запасов Мангазейского города, оп. 1, кн. 1422, лл. 184–193, 1703 г.

316. Списки от воевод разных городов о сосланных в сибирские города людях 143 г., оп. 3, ст. 7, лл. 138–139, 1626 г.
317. Списки сказок енисейских дворовладельцев об условиях найма изб, углов 1704 г., оп. 1, кн. 1390, лл. 26–47, 1704 г.
318. Списки с черных расходных книг енисейского заказного целовальника Фильки Анцыферова Колмогорца 144 г., оп. 1, кн. 26, лл. 357–418, 1636 г.
319. Список всякому городовому строению, наряду, различным пушкам и всякому орудию, пороху, свинцу 194 г., оп. 1, кн. 842, лл. 30–37, 1686 г.
320. Список городу, что построен на Турухане, и сколько в том городе дорог и башен и около всего города и сколько мерою сажень 181 г., оп. 3, ст. 635, лл. 126–129, 1673 г.
321. Список Енисейского острогу городовому строению 177 г., оп. 3, ст. 527, лл. 204–208, 1669 г.
322. Список Енисейского острогу строенью и наряду, пушкам и пищалям затинным, и мушкетам, и пушечным запасам, и зелью 177 г., оп. 3, ст. 527, лл. 209–216, 1669 г.
323. Список с изветной челобитной енисейского казака Ивашки Герасимова на сына боярского Ивана Похабова, оп. 3, с. 259, лл. 616–617, 1646 г.
324. Список с изветной челобитной сына боярского Ивана Ермиса на енисейского сына боярского Ивана Похабова, оп. 3, с. 259, лл. 612–613, 1646 г.
325. Список с мангазейских и енисейских проезжих грамот 140–143 гг., оп. 1, кн. 122, лл. 142–415, 593–689, 1632–1635 гг.
326. Список с мангазейских летовных книг 140 г., оп. 1, кн. 26, лл. 53–66, 1632 г.
327. Список с мангазейских проезжих грамот 146 г., оп. 1, кн. 121, лл. 1–169, 1638 г.
328. Список с расходной книги Мангазейского города заказного целовальника Григория Лебедева Колмогорца 140 г., оп. 1, кн. 26, лл. 321–353, 1632 г.
329. Список с росписного списка Туруханского зимовья В.Я.Тухачевского 156 г., оп. 3, ст. 322, лл. 41–67, 1648 г.
330. Счетный список воеводы Мангазейского города, оп. 1, кн. 1422, лл. 7–96, 1703 г.
331. Счетный список мангазейских таможенных голов Ивана Кокорина и Петра Брагина 147 г., оп. 3, ст. 57, лл. 73–341, 1639 г.

332. Счетный список мангазейского подьячего Якова Иванова, что считал мангазейского воеводу Якова Тухачевского 157 г., оп. 3, ст. 322, лл. 68–147, 1649 г.
333. Сыскные допросные речи, что прислал из Енисейска боярин князь Константин Осипович Щербатов про хлебных сборщиков 193 г., оп. 3, ст. 154, 71 л., 1685 г.
334. Таможенная книга 171 г. конфискации товаров, купленных торговыми, промышленными и другими людьми на медные деньги в Енисейске и медных денег, оп. 5, кн. 137, лл. 1–34, 1662 г.
335. Таможенная книга десятинного сбора с промышленных людей Мангазейского города 144 г., оп. 1, кн. 82, лл. 12–28 об., 1636 г.
336. Таможенная книга десятинного сбора с торговых и промышленных людей с их русских товаров мангазейской приценки 1–14 марта 144 г., оп. 1, кн. 82, лл. 29–71 об., 1636 г.
337. Таможенная книга десятинного сбора таможенных голов Ивана Кокорина да Петра Брагина с торговых и промышленных людей с их русских товаров с мангазейской приценки с 15 марта 144 г., оп. 1, кн. 82, лл. 72–84, 1636 г.
338. Таможенная книга табачной выдачи с 20 июля 1703 г., оп. 1, кн. 1422, лл. 249а–252 об., 1703 г.
339. Таможенная мангазейская книга десятинному и оброчному денежному сбору 1700 г., оп. 1, кн. 1353, лл. 114–119 об., 1700 г.
340. Таможенные приходные книги 138 г. по Енисейску, Мангазее, Туруханску, оп. 1, кн. 26, лл. 6–596, 1630 г.
341. Таможенные приходные книги 161 г. сбора пошлин за торговлю скотом, хлебом и товарами десятой, печатной, явчей головщины, пошерстной, роговой – с торговых, промышленных, служилых людей, охотников и пашенных крестьян, оп. 5, кн. 101, 25 л., 1653 г.
342. Таможенные рыбные приходные книги Мангазейского города 141 г., кн. 48, лл. 661–711 об., 1633 г.
343. Таможенные соболиные книги Мангазейского города 141 г., оп. 7, кн. 48, лл. 563–647, 1633 г.
344. Ужинный и опытный список Енисейского острогу 137 г. (отрывок, оп. 1, кн. 18, лл. 583–583 об., 1629 г.
345. Ужинный и опытный список Енисейского острогу 138 г., оп. 1, кн. 28, лл. 390–393, 1630 г.
346. Челобитная атамана Злобина и красноярских служилых людей о хлебом и соляном жалованье, оп. 3, ст. 91, лл. 148–154.
347. Челобитная даурского казака Федьки Иванова важанина о притеснениях Дмитрия Зиновьева 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 655, 1654 г.

348. Челобитная даурского казака Якунки Мелентьева о притеснениях и грабеже Дмитрия Зиновьева 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 654, 1654 г.
349. Челобитная Емельяна Евсеева, оп. 3, ст. 13, л. 42, 1626 г.
350. Челобитная енисейских посадских людей Василия Водовозова и Игнатия Леонтьева с росписью необрочным водам 1702 г., оп. 1, кн. 1403, лл. 260–272, 1705 г.
351. Челобитная енисейских стрельцов и казаков о службе на реке Лене, оп. 3, ст. 368, лл. 151–159, 1633 г.
352. Челобитная енисейского казака Федьки Васильева о пожаловании его за службу против его братьи, оп. 3, ст. 209, лл. 5–6, 51, 1642 г.
353. Челобитная Енисейского острога казачьего головы, детей боярских и разных служилых людей об освоении новых земель 154 г., оп. 3, ст. 259, лл. 45–46, 1646 г.
354. Челобитная Енисейского острога стрельцов и казаков, которые отправлены на Лену реку, оп. 3, ст. 368, лл. 151–159, 1637 г.
355. Челобитная енисейского подьячего съезжей избы Ивашки Пузанова о поверстании его в дети боярские и о выдаче ему денежного и хлебного жалованья, оп. 3, ст. 344, л. 641, после 1651 г.
356. Челобитная енисейского посадского человека Осипа Амосова о снятии квасного и банного откупа по окончании срока откупа 163 г., оп. 3, ст. 344, л. 95, 1655 г.
357. Челобитная енисейского стрелецкого сотника Петра Бекетова о посылке на ленскую службу, оп. 3, ст. 368, л. 181, 1634 г.
358. Челобитная Ерофея Хабарова с жалобой на Дмитрия Зиновьева, который привез даурским служилым людям денежное жалованье без указа и именной росписи 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 668–672, 1654 г.
359. Челобитная качинских и аринских князцов о скудном содержании их в Красноярском аманатском дворе 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 414, 1654 г.
360. Челобитная красноярских атаманов Д.Злобина и М.Кольцова о закладных играх, оп. 3, ст. 656, лл. 14–15, 1632 г.
361. Челобитная красноярских детей боярских и атаманов и разных служилых людей о строительстве острога на р. Абакане, оп. 3, ст. 1052, лл. 2–4, 1691 г.
362. Челобитная красноярских казаков Васьки Потапова и Ивашки Аввакумова, оп. 3, ст. 368, лл. 43–44, 1640 г.

363. Челобитная красноярских конных и пеших казаков об освобождении от уплаты десятой пошлыны, оп. 3, ст. 1567, лл. 132–133, 1657 г.
364. Челобитная красноярских конных и пеших служилых людей атамана Д.Злобина, оп. 3, ст. 91, лл. 123–127, 1640 г.
365. Челобитная красноярских посадских людей об оброке, оп. 3, ст. 1567, лл. 130–131, 1657 г.
366. Челобитная красноярских служилых людей о выдаче им денежного жалованья из Москвы 162 г., оп. 3, ст. 344, л. 407-а, 1654 г.
367. Челобитная красноярских служилых людей о присылке в Красноярск церковного вина, воска и ладана, оп. 3, ст. 1052, лл. 7–8.
368. Челобитная красноярского атамана Д.Злобина о походе в немирные земли 144 г., оп. 3, ст. 91, лл. 32–35, 1636 г.
369. Челобитная красноярского атамана И.Кольцова 144 г., оп. 3, ст. 368, лл. 407–408, 1636 г.
370. Челобитная красноярского атамана Ивана Кольцова 137 г., оп. 3, ст. 368, л. 142, 1629 г.
371. Челобитная красноярского воеводы М.Карамышева о посылке служивых людей на Ижинеев улус, оп. 3, ст. 368, лл. 2–4, 1631 г.
372. Челобитная красноярского казака И.Сергеева, оп. 3, ст. 91, л. 69, 1640 г.
373. Челобитная красноярского отставного конного казака Афанасия Андреева о неверстании его в пашенные крестьяне, а сохранении в службе 162 г., оп. 3, ст. 344, лл. 416–417, 1654 г.
374. Челобитная красноярского пушкаря Ивашки Обеднина о прибавке годового жалованья и об отпуске его за соболиным сбором в Удинский острог, оп. 3, ст. 344, л. 352, 1654 г.
375. Челобитная мангазейских таможенных подьячих о сохранении им денежного и хлебного жалованья 180 г., оп. 3, ст. 635, лл. 63–64, 1672 г.
376. Челобитная мангазейских и туруханских разного чина людей на воевод В.Давыдова и Д.Клокачева и на стрелецкого сотника И.Патрикеева, оп. 3, ст. 656, лл. 6–11, 1633 г.
377. Челобитная мангазейского стрелецкого сотника Дементия Тишкова об обветшании и пожаре церквей в Мангазее 160 г., оп. 3, ст. 408, лл. 481–482, 1652 г.
378. Челобитная мангазейского воеводы Д.Т.Наумова о прибытии в Мангазей 179 г., оп. 3, ст. 634, лл. 38–40, 1671 г.
379. Челобитная разных людей, посланных на реку Лену 147 г., оп. 3, ст. 274, лл. 21–24, 1646 г.

380. Челобитная туруханских богомольцев, посадских и всяких жителей людей о переселении их из Мангазеи на Турухан 180 г., оп. 3, ст. 635, лл. 57–61, 1672 г.
381. Челобитные сибирских служилых людей, которые приехали в Москву с государевою соболиною казною и с отписками о пожаловании их кормом и денежным жалованьем 135 г., оп. 3, ст. 6, лл. 4–6, 19, 42, 1627 г.
382. Шертовальная запись, по которой якуцких иноземцев приводить к шерти, оп. 3, ст. 328, лл. 196–197, 1633 г.
383. Шертовальная книга ясачным людям Енисейского уезда 191 г., оп. 1 кн. 817, лл. 89–123, 1683 г.
384. Ясачная соболиная книга 175 г., кн. 505, лл. 163–185, 1667 г.
385. Ясачная соболиная книга 183 г., ст. 618, лл. 298–311, 1675 г.
386. Ясачные книги Енисейского острогу 141 г. ясачным людям, сколько человек в которой волости ясачных людей и что с них взято поминков и ясаку, оп. 7, кн. 48, лл. 45–55, 1633 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ XVII в.	15
1.1 Комплектование штатов делопроизводственных учреждений	15
1.2 Профессиональная подготовка сибирских подьячих	24
1.3 Сведения о писцах	29
1.4 Влияние грамотности русского населения Приенисейской Сибири и орфографической выучки писцов на характер отражения в деловой письменности особенностей живой речи	37
1.5 О классификации памятников разных жанров и дифференцирующих признаках лингвистической ценности источников региональной исторической лексикографии	46
Глава II. МАТЕРИАЛЫ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ XVII в. КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	55
I. Воеводское управление в Приенисейской Сибири	55
1.1 Функции сибирских воевод как экстралингвистическое условие формирования жанровой принадлежности текстов делового содержания	55
1.2 Структура и штаты съезжих (приказных) изб	58
II. Жанры памятников деловой письменности приказного делопроизводства	62
2.1 Жанры приказной документации. Общая характеристика	62
2.2 Памятники, отражающие организационно-административную деятельность воевод	65
2.2.1 <i>Росписные списки</i>	65
2.2.2 <i>Счетные списки</i>	71
2.2.3 <i>Городовые списки и росписи наряда</i>	74
2.2.4 <i>Наказные памяти</i>	78
2.2.5 <i>Отписки воевод</i>	81
2.2.6 <i>Переписные книги</i>	84
2.2.7 <i>Крестоприводные книги</i>	93
2.3 Памятники, отражающие финансово-хозяйственную деятельность воевод	96
2.3.1 <i>Сметы и пометы</i>	96
2.3.2 <i>Городовые (строельные) книги</i>	99
2.3.3 <i>Дозорные и выдельные книги</i>	101
2.3.4 <i>Ужинные и опытные списки</i>	104
2.3.5 <i>Описные и записные книги рыбных ловель</i>	106
2.3.6 <i>Разгонные книги</i>	110
2.3.7 <i>Именные книги</i>	112
2.3.8 <i>Окладные оброчные книги</i>	114

2.4 Памятники, отражающие отношения с коренным населением	116
2.4.1 Ясачные книги	116
2.4.2 Шертовальная запись	121
2.4.3 Шертовальные книги	122
2.5 Памятники, отражающие судебную деятельность воевод	123
2.5.1 Сыски, сыскные дела	123
2.5.2 Изветы, изветные челобитны	124
2.5.3 Расспросные речи	125
2.5.4 Сказки	127
2.5.5 Ростись тюремным сидельцам	129
2.5.6 Челобитные	130
2.6 Документы о служилых людях	133
2.6.1 Послужные списки	133
2.6.2 Ростиси служилым людям	134
Глава III. ПАМЯТНИКИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	137
I. Состояние таможенного дела в Приенисейской Сибири XVII в. .	137
1.1 Материалы таможенного делопроизводства в трудах историков и лингвистов	137
1.2 Сибирская таможенная система XVII в. как экстралингвистическая среда функционирования памятников деловой письменности . .	139
1.2.1 Структура и штат таможен	143
1.3 Таможенные сборы как фактор создания документов различных жанров	149
II. Жанры памятников деловой письменности таможенного делопроизводства	154
2.1 Жанры таможенной документации в лингвистическом аспекте	154
2.2 Организационно-административные памятники	156
2.2.1 Ростисные списки	156
2.2.2 Счетные списки (счеты)	159
2.2.3 Допросные речи	165
2.2.4 Отписки таможенных голов	169
2.2.5 Товарные ценовые ростиси	173
2.3 Памятники, отражающие основную функцию таможен	177
2.3.1 Таможенные книги	177
2.3.2 Проезжие памяти и ростиси	200
2.4 Лексический состав памятников таможенного делопроизводства ..	207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
БИБЛИОГРАФИЯ	217
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	234
СПИСОК РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ	235

Людмила Михайловна Городилова

Деловая письменность Приенисейской Сибири XVII в.
как источник региональной исторической лексикографии:

Монография

Редактор И.И.Шайрар

Компьютерный набор Л.М.Городилова

Подписано в печать 09.01.2003
Формат 60х84/16. Усл.-печ. л. – 16,43. Тираж 350 экз.
Бумага для множительных аппаратов. Печать RISO.
Гарнитура TIMES, IZHITZA. Заказ № 545

Издательство
Хабаровского государственного педагогического университета
680 000, г. Хабаровск, ул. К.Маркса, 68

Созданием файла в формате DjVu
занимался ewgeniy-new
(август 2013)